

Афганская Арена

Волощенко В. В.

**ВЗВОД,
десантно-штурмовой**

В.В. Волошенюк

Афганская арена. Взвод, десантно-штурмовой / Под редакцией и при участии В.И. Аблазова. – К. : 2016. – 192 с.

В книге публикуются рассказы, основанные на реальных событиях из жизни автора, проходившего службу в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане в период 1981–1983 гг. Рассказы позволяют ещё раз прикоснуться к горькой странице афганской эпопеи для солдат и офицеров Советской Армии, оказавшихся вдали от Родины, выполняя приказ правительства и Коммунистической партии СССР, осуждённый историей и приведший к трагическим последствиям для страны. Тем не менее, это не умаляет ратный труд солдата, офицера, генерала, честно выполнявших свой долг в этой несправедливой войне. Ничто не излечит горе матерей, потерявших своих сыновей в далекой земле. Помнить уроки афганской войны и тех, кто не вернулся с неё, — это долг живых.

ЭТО УЖЕ ИСТОРИЯ...

Десантно-штурмовые части Сухопутных войск Вооружённых Сил СССР. В названии частей имеются два ключевых слова: десантные и штурмовые. Оба слова, естественно, настраивают на применение этих частей только в наступлении.

В период Второй мировой войны десанты – воздушные, морские и сухопутные (на бронеемких) – как правило, использовались в ходе боевых действий для решения в тылу противника ограниченных задач, опережающих наступающие войска (захват плацдармов и военных объектов, разгром штабов, коммуникаций противника и др.) для обеспечения успеха операции и подхода основных сил своих войск.

Штурмовые группы, части, соединения и объединения Военно-воздушных сил (ВВС), Сухопутных войск (СВ) (штурмовые авиационные полки и дивизии, ударные армии, артиллерия и танки прорыва, инженерно-саперные штурмовые бригады и др.) действовали непосредственно в авангарде наступающих войск на главных направлениях.

После завершения Второй мировой войны военное искусство получило своё дальнейшее развитие с учётом накопленного опыта широкомасштабных наступательных операций и боевых действий в локальных послевоенных конфликтах, а также появившихся новых видов техники и вооружения.

В условиях ядерной гегемонии США конца 40-х начала 50-х годов XX столетия Вооружённые силы СССР были готовы нанести удары обычными видами вооружения по трём стратегическим направлениям:

– на Европейском театре военных действий (ТВД) – мощной военной группировкой бронетанковых и механизированных войск, которая обеспечила разгром фашистских армий и оставалась на территории стран восточной Европы;

– на Дальневосточном ТВД – авиационной и наземной поддержкой боевых действий многочисленной Китайской Народной Армии;

– на Севере – проведением крупномасштабной операции десантной армии, развёрнутой на Чукотке, в направлении на Аляску.

Одновременно разрабатывались новые тактические приёмы и формы использования вооруженных сил в условиях применения ядерного оружия и обычных средств вооружения.

Большое влияние на структуру и тактику войск оказало принятие на вооружение баллистических ракет и нового типа летательных аппаратов – вертолётов.

В ВС СССР вертолеты Ми-4 стали поступать в войска с 1953 г. В 1954 г. было проведено первое крупное десантирование посадочным способом пехоты с автомобилями и артиллерией с 36 вертолётов. Было также проведено ряд других опытных учений по высадке в тыл противника вертолётных десантов батальонного и полкового масштаба.

Однако дальнейшего развития в те годы данное новаторство не получило. Основное внимание и средства страны были направлены на создание ракетно-ядерного щита, большие надежды возлагались на танковые армады на Европейском ТВД и особую мощь Воздушно-десантных войск (ВДВ), которые в первой половине 1950-х гг. насчитывали 15 дивизий. В этот же период началось значительное сокращение традиционных видов Вооруженных сил – СВ, ВВС и ВМФ.

Применение вертолётов Вооруженными силами США в локальных конфликтах, прежде всего в Корее и во Вьетнаме, показало их эффективность и влияние на тактические приемы в наземных боевых действиях.

В ходе учений «Днепр-67» 1-я сводная воздушно-десантная бригада была десантирована на вертолётах и обеспечила захват плацдарма при переправе через Днепр. А переброшенный вертолётными мотострелковый батальон с приданными самоходными орудиями позволил закрепить успех.

По итогам военно-научных работ и учений в 1969 г. были приняты соответствующие решения Правительством и Министерством обороны и сформированы две отдельные воздушно-штурмовые бригады (овшбр) в Забайкальском (ЗабВО) и в Дальневосточном (ДВО) военных округах (ВО). В 1973 г. сформирована овшбр в Закавказском военном округе (ЗакВО).

В конце 1973 г. все три созданные бригады были реформированы в десантно-штурмовые с изменённой организационно-штатной структурой.

В середине 1979 г. было принято решение о формировании во всех приграничных округах, в Центральной, Южной группах и Группе Советских войск в Германии десантно-штурмовых частей двух типов:

отдельных десантно-штурмовых бригад (одшбр) и отдельных десантно-штурмовых батальонов (одшб).

В дополнение к уже имеющимся трём бригадам в течение августа–декабря 1979 г. было сформировано восемь отдельных десантно-штурмовых бригад и двадцать отдельных десантно-штурмовых батальонов окружного (групп войск) подчинения.

В 1984–86 гг. было сформировано ещё несколько бригад в Киевском ВО, в Сибирском ВО и в Северной группе войск, а также два отдельных десантно-штурмовых полка для штатных Оперативно-маневренных групп или Отдельных армейских корпусов в Белорусском ВО и Забайкальском ВО.

Общее количество одшбр в Советской Армии достигало 24 бригад.

Кроме того, в составе Ограниченного контингента Советских войск (ОКСВ) в Афганистане кроме 56-й одшбр имелось две бригады СВ особой организации. Это 66-я и 70-я отдельные общевойсковые бригады (оовбр), в составе которых имелось по одному одшб.

В связи с тем, что десантно-штурмовые бригады и батальоны организационно входили в состав Сухопутных войск, первоначально их обмундирование, снаряжение и нормы довольствия почти полностью соответствовали мотострелковым войскам. Летом 1982 г. было решено перевести их на нормы снабжения и форму ВДВ, что и было сделано к весне следующего года почти повсеместно. И солдаты, и офицеры охотно надели голубые береты и тельняшки.

56-я гв. отдельная десантно-штурмовая бригада

<http://rsva-ural.ru/library/mbook.php?cid=58>

(выписка из исторического формуляра).

- Бригада сформирована к 1.10.1979 г. по штату № 35/901 (утвержден НГШ 11.9.1979 г.) на базе 351-го гв. пдп расформированной 105-й гвардейской воздушно-десантной дивизии в г. Чирчик (Узбекистан).

Командиром назначен бывший ком. 351-го гв. пдп гв. п/п-к Плохих А.П. (командовал полком с октября 1976 г.);

Бригада вошла в состав Сухопутных войск и подчинена командующему ТуркВО.

- Основа формирования – 4-й десантно-штурмовой батальон укомплектован л/с из трех пдб 351-го гв. пдп; 1, 2, 3-й пдб – военнослужащими призыва осень 1979 г., разведрота 351-го гв. пдп, артиллерийский дивизион – л/с арtpолка 105-й дивизии.

- Состав бригады – 4 батальона (3 пдб, дшб) и адн, 7 отдельных рот (разведрота, авторота, инженерно-саперная рота, рота десантного обеспечения, ремонтная рота, рота связи, медрота), 2 отдельные батареи (батарея ПТУР, зенитная ракетно-артиллерийская батарея), 3 отдельных взвода – РХР, комендантский и хозяйственный, оркестр.

Афганистан

11.12.1979 г. – бригада приведена в полную боевую готовность (по устному телефонному распоряжению ком. ТуркВО).

12.12.1979 г. – получено распоряжение о передислокации со станции Соз-Су на станцию Джаркурган, р-н Термеза (за исключением 2 батальонов – 3-й пдб переброшен на вертолетах с аэродрома Чирчик на площадку в р-не н.п. Сандыкачи в 150 км от г. Мары, Туркмения, 1-й пдб – на аэродром Кокайды, р-н Термеза).

18.12.1979 г. – бригада (кроме 3-го батальона) сосредоточилась в 13 км северо-восточнее Кокайды.

27.12.1979 г. – 4-й дшб пересек государственную границу с Афганистаном и взял под охрану перевал Саланг на трассе Термез–Кабул.

28.12.1979 г. – 3-й пдб переброшен на вертолетах в Афганистан и захватил перевал Рабати-Мирза на трассе Кушка–Герат.

13–14.1.1980 г. – по распоряжению ком. ТуркВО бригада перешла границу и сосредоточена около аэродрома Кундуз.

январь 1980 г. – 3-й пдб передислоцирован на аэродром Кандагар; изменилась нумерация батальонов 3-й пдб получил № 2-й пдб, 2-й пдб – № 3-й пдб.

февраль 1980 г. – 4-й дшб передислоцирован в г. Чарикар провинции Парван.

К 1.3.1980 г. – из состава бригады исключен 2-й пдб (из л/с сформирован дшб 70-й гв. омсбр: аэродром Кандагар); 3-й пдб переформирован в дшб (получена бронетехника в 103-й гв. влд в Кабуле и своим ходом переброшена в бригаду).

1980 г. – 4-й дшб передислоцирован в ППД около аэродрома Кундуз.

30.6.1980 г. – бригаде присвоен № полевой почты – в/ч п/п 44585.
1981 г. – сформирована рота материального обеспечения (рмо) на базе автороты и хозвзвода.

1–6.12.1981 г. – бригада передислоцирована под Гардез провинции Пактия; 3-й дшб дислоцирован около н.п. Суфла провинции Логар, на трассе Кабул – Гардез.

1984 г. – в состав батальонов включены штатные разведзвезды (директива ГШ от 11.11.1984 г.);

бригада награждена переходящим Красным Знаменем Военного Совета СВ (приказ ГКСВ № 034 от 21.11.1984 г.)

1985 г. – минбатр 3-го и 4-го дшб и оптабтр 1-го пдб переформированы в сабатр (СО «Нона»), бригада перевооружена на БМП-2 4.5.1985 г. – указом Президиума ВС СССР бригада награждена орденом Отечественной войны I степени № 56324698.

23.10.1986 г. – в состав бригады введен четвертый батальон (десантно-штурмовой): 4-й дшб получил № 2-й дшб, вновь сформированный батальон – № 4-й дшб.

С 1.12.1986 г. – новый штат № 35/ 642 по директиве штаба ТуркВО № 21/ 1/ 03182. Штатная численность бригады – 261 офицер, 109 прапорщиков, 416 сержантов, 1666 солдат.

10.6.1988 г. – начало вывода основной части бригады из Афганистана. 12–14.6.1988 г. – подразделения бригады перешли границу.

14.6.1988 г. – бригада дислоцирована в новом ППД (г. Иолотань, Туркмения).

Командиры 56-й гв. одшбр (12.1979–5.1988 гг.):

1. П/п-к, п-к Плохих А.П. (12.1979–6.1981 гг.)
2. П/п-к Корпушкин М.А. (6.1981–4.1982 гг.)
3. П/п-к Сухин В.А. (4.1982–4.1983)
4. П/п-к Чижиков В.М. (4.1983–11.1985 гг.)
5. П/п-к Раевский В.А. (11.1985–8.1987 гг.)
6. П/п-к Евневич В.Г. (8.1987–во время вывода).

В.И. Аблазов

«Планета людей»

Чтобы понять человека, его нужды и стремления, постичь самую его сущность, не надо противопоставлять друг другу ваши очевидные истины. Да, вы правы. Все вы правы. Логически можно доказать все что угодно. Прав даже тот, кто во всех несчастьях человечества вздумает обвинить горбатых. Довольно объявить войну горбунам – и мы сразу воспылаем ненавистью к ним. Мы начнем жестоко мстить горбунам за все их преступления. А среди горбунов, конечно, тоже есть преступники.

Чтобы понять, в чем же сущность человека, надо хоть на миг забыть о разногласиях, ведь всякая теория и всякая вера устанавливают целый коран незыблемых истин, а они порождают фанатизм. Можно делить людей на правых и левых, на горбатых и не горбатых, на фашистов и демократов – и любое такое деление не опровергнешь. Но истина, как вы знаете, – это то, что делает мир проще, а отнюдь не то, что обращает его в хаос...

1939 год

*Антуан Мари Жан-Батист
Роже де Сент-Экзюпери*

«Прощай оружие!»

« ... в мире почти все время где-нибудь идет война. Многих тогда удивляло – почему этот человек так занят и поглощен мыслями о войне, но теперь после 1933 года, может быть, даже им стало понятно, почему писатель не может оставаться равнодушным к тому непрекращающемуся, наглому, смертоубийственному, грязному преступлению, которое представляет собой война. Я принимал участие во многих войнах, поэтому я, конечно, пристрастен в этом вопросе, надеюсь, даже очень пристрастен. Но автор этой книги пришел к сознательному убеждению, что те, кто сражается на войне, – самые замечательные люди, и чем ближе к передовой, тем более замечательных людей там встретишь; зато те, кто затевает, разжигает и ведет войну, – свиньи, думающие только об экономической конкуренции и о том, что на этом можно нажиться. Я считаю, что все, кто наживается на войне и кто способствует ее разжиганию, должны быть расстреляны в первый же день военных действий доверенными представителями честных граждан своей страны, которых они посылают сражаться...»

Предисловие автора, написанное для иллюстрированного издания книги

«Прощай оружие!»

Финка-Виджия,

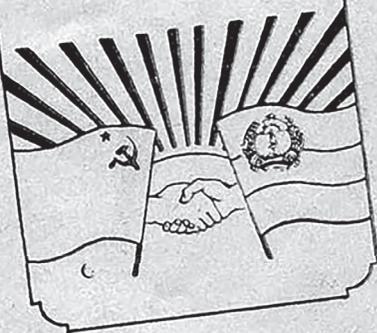
Сан-Франциско-де-Паула, Куба.

30 июня 1948 года.

Эрнест Хемингуэй

★
ПАМЯТКА
СОВЕТСКОМУ
ВОИНУ-ПАТРИОТУ.
ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТУ

"Империализм развязал настоящую необъявленную войну против афганской революции. Это создало прямую угрозу и безопасности нашей южной границы. Такое положение вынудило нас оказать военную помощь, о которой просила дружественная страна...

Что касается советского воинского контингента, то мы будем готовы его вывести по согласованию с афганским правительством. Для этого должна быть полностью прекращена засылка в Афганистан контрреволюционных банд. Это должно быть закреплено договоренностями между Афганистаном и его соседями. Нужны надежные гарантии, что новой интервенции не будет. Такова принципиальная позиция Советского Союза и мы будем придерживаться ее твердо!"

Из Отчета Центрального Комитета КПСС XVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.

СБОРНИК
МАТЕРИАЛОВ ПО КОНТРОЛЛАГАНДИСКОЙ
РАБОТЕ

январь 1987 год

*Памяти моего отца
посвящается*

ВЫДВИЖЕНИЕ

Афганистан для выпускников 80-го года Киевского Высшего Общевоинского Командного Училища, оказавшихся в одном из первых, созданных в украинском городе Конотопе десантно-штурмовых батальонов, входил в жизнь реалиями, отличными от бравурных газетных сообщений о проведении там тактических учений и посадке деревьев на братской афганской земле.

Смутность политических тезисов об обеспечении безопасности наших южных границ за пределами этих границ, и опасность срочного размещения американских ракет не мешали иметь вполне конкретное представление о том, что ждет их в Афганистане. Первые «афганцы» уже возвратились из горячей страны, и первые одноклассники ушли навсегда.

В этот день начальника штаба (НШ) конотопского десантно-штурмового батальона

капитана Барышникова вызвали к телефону, когда офицерское совещание подходило к концу.

Отсутствовал он недолго, и возвратился одновременно с прозвучавшей командой замкомбата «Товарищи офицеры!», означавшей, что совещание окончено и все свободны.

– Васильев, готовься! – строго произнес НШ, посмотрев на поднимающегося вместе со всеми товарищами офицерами лейтенанта. Голос НШ заглушался нарастающим шумом, характерным для этих минут, когда все хотят выговориться и размяться после полуторачасового сидения.

– Есть готовиться, – ответил Васильев, автоматически, ображая на ходу, к чему же готовиться.

Для молодых командиров взводов в этот момент главным было – побыстрее покинуть «ленинскую комнату», чтобы не быть «озадаченными срочными, дополнительными, не терпящими отлагательства задачами».

По пятницам вечером товарищи лейтенанты в компании товарищей старших лейтенантов обычно проводили культурно-массовое мероприятие по посещению подшефного ресторана «Украина», располагавшегося в одноименной гостинице. Альтернативой мог быть только ресторан «Рубин», но там часто собирались шумные цыганские воровские компании.

– С понедельника в отпуске, отправка во второй половине ноября, – поделился Васильев с Володей Борзило, «стариком» по Киевскому Суворовскому Военному Училищу, уважение к которому было обязательным по неписаному кадетскому уставу. Старший лейтенант Борзило, первый «афганец» в батальоне, мгновенно оценил ситуацию:

– В кабак! Построение через пять минут!

Распоряжение было отдано тоном, не терпящим возражений.

«Украина» встретила офицеров-десантников популярной песней Макаревича «Поворот» и дежурными лангетами.

После уяснения персоналом причины их экстренного прибытия – «нового поворота» в судьбе лейтенанта – радушие офицанток, как и количество заказанной водки, возросло вдвое против обычной нормы. В Конотопе знали и любили своих «героев»...

Приехав в отпуск к родителям, Васильев разыграл спектакль, что его посылают в ответственную командировку в Алжир. Он, конечно, горд оказанным доверием, рад возможности увидеть африканский континент, надеется, что карьера, материальное благополучие будут обеспечены.

В первый же день он убрал свою выпускную фотографию, которую мама поставила на столе в рамочку. Эдакий розовощёкий молодой лейтенант. Именно эти фотографии использовали на похоронах сокурсников.

В голове у лейтенанта Васильева прочно сидела воспитанная годами изучения в училище партийно-политических дисциплин коммунистическая идеология и патриотическая идея о собственной причастности к историческим событиям, в которых придется участвовать. Все помнили добровольцев в Испании 1936-го года – так хотелось перенести значимость тех событий на настоящее...

Из конотопского батальона по ротации вместе с Васильевым ехал командир минометной батареи Сергей Комаров, для своих Комарь, гитарист и любимец конотопских вёдьм. Комарем его нарёк неразлучный друг – командир парашютно-десантной роты Шура Белоус (Белый). В Конотопе они были легендой, появляясь во всех зланных заведениях почти всегда вместе. Белый был гренадерского роста, Комарь – ему по грудь. Рассказы об их гусарских похождениях ходили по всему городу.

После приказа на отправку состоялась свадьба Комаря. На роспись с Зизи (Зинаидой) он пришел при португее, как в наряд. Полевую форму он вообще предпочитал любой другой одежде. Свидетелями у него на свадьбе были Белый и его боевая подруга Жужу (Наталия).

Из Конотопа в Киев добирались утренней электричкой. Почти всю дорогу Комарь спал, его медовый месяц был в разгаре.

Сбор группы был назначен возле железнодорожного вокзала на стоянке туристических автобусов. Кадровик из штаба округа встречал прибывающих с виноватой улыбкой и списком в руках, в котором сразу проставлял галочки напротив фамилий. Когда все собрались, он с чувством облегчения дал команду водителю «Икаруса» на отправление.

В аэропорту Борисполь группу встречали представители военной комендатуры. Рейс задерживался по метео Ташкента. Свалив чемоданы в кучу и, установив график дежурства возле них, будущие воины-интернационалисты разбрелись по аэропорту.

Комаров предложил Васильеву выпить кофе. За стойкой он залпом выпил кофе и попросил Васильева прикрыть его. Затем, изловчившись, достал из глубокого кармана шинели бутылку и под стойкой налил в чашечку конотопского самогона.

После кофе они бродили, как неприкаянные, по окрестностям аэропорта.

На рейс объявили очередную задержку, поэтому пришлось снова идти «на кофе». В этот раз к кофепитию присоединились другие товарищи по группе.

К полуночи, когда, наконец, объявили посадку, пассажиры рейса стали свидетелями трогательного и шумного прощания улетающих с отправляющими. С кадровиком целовались по

очереди. Он обещал никого не забыть. Особенно тепло он прощался с теми, кто угощал его обедом и ужином в ресторане.

Представители комендатуры волновались, чтобы не осталось чьих-нибудь вещей, а заодно и самих владельцев. Их волнения были небезосновательны. Проверка наличия личного состава производилась с гораздо большими трудностями чем утром.

Дали команду старшему группы собрать все билеты, когда же работников аэропорта это не устроило и стали раздавать билеты обратно, выяснилось, что билетов уже не хватает.

– Вах, вах, вах, – слышалось из пёстрой очереди на ташкентский рейс.

Уже на трапе кто-то решил сказать речь и не упал только, благодаря поддержке милых стюардесс.

– Начфин с жизнью прощается, – такую строгую оценку дал происходящему Комарь.

– Девушка, у вас стакана не найдется? – это были первые слова, с которыми Комарь обратился к стюардессе, оказавшись на борту лайнера.

– Вах, вах, вах, – снова прозвучало с соседнего ряда.

Ташкент встретил проливным дождём. В аэропорту пришлось ждать около часа автобуса, который должен был доставить группу на пересыльный пункт.

Ворота со звёздами, КПП, напоминающие сторожку захудалого колхоза, служит одновременно и штабом. Небольшой плац с забором по его периметру, барак с табличкой «Учебный корпус», полуразрушенный туалет, и завершающие этот «военный архитектурный ансамбль» просто развалины. На плацу три большие палатки, на 40 человек каждая, и летний умывальник, использующийся обычно при полевых выходах. Желания принимать водные процедуры после ночного пере-

лѐта у Комаря и Васильева не появилось. Дождь лил, как из ведра.

В палатке – два ряда двухъярусных кроватей с матрасами, покрытыми синими одеялами. На отдельных подушках были почерневшие наволочки, простыни вообще отсутствовали. На некоторых кроватях лежали офицеры, укрывшись шинелями или бушлатами. По проходу между рядами кроватей брошены доски для передвижения по водной глади.

– Да... а еще говорят, в Ташкенте жарко – проворчал Комарь, грустно посмотрел на Васильева и, осторожно ступая по доскам, направился в угол, где дымила буржуйка вместе с истопником в грязнейшем х/б и мятой панаме.

Сдав паспорта и чемоданы в штабе, прибывшие потолкались в учебном корпусе. Говорили, что там будут то ли занятия, то ли инструктаж. Выяснилось, что никаких занятий не будет, а тем, кто пересекает границу первый раз, надо идти на прививку.

Комарь категорически отказался от прививки и пошёл искать гастроном. Васильев же решил посмотреть центр узбекской столицы и пойти, если получится, в театр.

О том, что в Афганистане полно всякой заразы типа гепатита, малярии и других экзотических болезней, они уже были наслышаны, и ехали вооруженные серебряными полтинниками, чтобы бросать их в кружку с водой на погибель всем микробам.

Васильев вернулся на пересылку за полночь. Дождь, наконец, прекратился. Палатка, наполненная человеческим теплом, с потрескивающей печкой уже не казалась такой унылой, как утром.

В это позднее время спали не все. В расположившейся возле буржуйки компании Комарь что-то брынькал на гитаре, а по стаканам сидящих разливалась водка.

Подъём на пересылке осуществлялся в 5 утра. Сигналы и свет фар подъезжающих автобусов вносили нервозность в действия её невыспавшихся и непрострезвевших обитателей.

Двух-трех часовой зазор, с которым привозили на аэродром очередную группу, военными людьми, привыкшими к этим ефрейторским зазорам, воспринимался вполне нормально.

До прихода персонала аэропорта все торчали часа полтора перед закрытым терминалом. Некоторые, матерясь, ушли греться в казармы.

Паспортный и таможенный контроль для офицеров, вылетающих в Афганистан впервые, был простой формальностью с уточнением количества спиртного в чемодане. Комарь выглядел трезвенником, ему уже нечего было предъявлять на таможне. У Васильева были нетронутыми две бутылки «Горилки з перцем».

Борт транспортного самолета оказался загружен говяжьими тушами. Между мясными штабелями и откидными скамейками вдоль бортов оставался узкий проход, по которому Комарь и Васильев пробрались в хвост самолета. Там были сложены бумажные мешки, радовавшие глаз больше, чем замороженная говядина с фиолетовыми штампами.

Когда борт оторвался от земли, Комарь проковырял дырку в одном из мешков. Выяснилось, что там были сухари.

– Хоть тут повезло. Жаль, что самогон закончился, – заметил он, невесело, с надеждой протягивая сухарь Васильеву...

На учениях под Черниговом. [Справа налево лейтенанты: Коля Яцко, Серёжа Ильенко, Володя Волошенко, Володя Аскаров]

Голубые береты в берёзовой роще

После прыжка

Начальник штаба ДШБ капитан В.Б.Барышников воспитывает
молодого лейтенанта В. Волошенюка

Зонну интернационалисту

Высоко нести честь и достоинство гражданина СССР. Неукоснительно соблюдать советские законы, требования военной присяги, и военных уставов, приказов командиров и начальников, добросовестно выполнять свой патриотический и интернациональный долг.

ТОЧКА ОТСЧЁТА

Режущая белизна солнечного света смягчалась все обволакивающей пылью. К приземлившемуся в кабульском аэропорту военно-транспортному самолету ИЛ-76 подъезжают автомобили и БТРы. На полосе офицеры и солдаты в выгоревшей полевой форме, лица обветренные и загоревшие. Многие с оружием. Начинается разгрузка.

Прилетевшие заменщики с чемоданами в руках в своих шинелях, плащах и повседневной форме с галстуками на этом фоне выглядят нелепо и чувствуют это.

Офицеры комендатуры сопровождают прилетевших на пересылку, находящуюся здесь же на территории аэродрома.

Кабульский пересыльный пункт отличается от ташкентского ухоженностью территории в стиле гаубтвахты и строгим распорядком дня. Пересылка обнесена колючей проволокой, обитатели перемещают-

ся внутри по оттрассированным дорожкам. Приёмы пищи организованы в большой палатке-столовой по распорядку. В спальных палатках дежурят дневальные, поддерживающие внутренний порядок и чистоту

Отметив предписания в канцелярии, а также уточнив, что борт на Кундуз будет на следующий день, Комарь и Васильев пообедали и побрели получать постельное белье на склад. Там познакомились с замполитом роты из бригады, убывающим в отпуск. Замполит 9-й роты 3-го батальона 56-й ДШБР старший лейтенант Слава Ключников немногословен и сдержан, что не свойственно замполиту.

Общая картина – бригада постоянно воюет. Больше всего потерь при подрывах на минах. Сейчас идёт подготовка к передислокации бригады в Гардез, провинция Пактия. 3-й батальон будет стоять отдельно в Бараках, провинция Логар.

– Да, весело, а деревья, когда сажать будем, интересно? Вопрос Комаря повисает в воздухе.

Холодные ноябрьские сумерки быстро опускаются на пересылку. Из-за гор слышны артиллерийские раскаты. Комарь и Васильев после ужина, погуляв по дорожкам строго прямо и перпендикулярно, сели в курилку (сделанную в форме буквы «П») и молча смотрели на Кабул через колючую проволоку. В его огнях нет привычной теплоты вечернего города, в его огнях тревога, в его ночном небе – длинные очереди трассеров.

– А Белый, гад, наверное, сейчас в кабаке, грустно замечает Комарь.

– Ага, или с Папусем на складе бухает, – высказывает своё предположение Васильев.

Прапощик Папусь, родом из Конотопа, был завскладом артвооружений. Худой, высокий с орлиным носом он заикался, когда волновался. Его недесантная внешность и провинциальное простодушие часто вызывали шутки и подколки со

стороны офицеров и солдат. Иногда Белый и Комарь брали его в свою компанию. При том, что Белый сам порой чуть-чуть заикался, их диалог был неподражаем.

– Пра-по-по-рщик Па-па-папуть за самогонкой, бегом м-м-а-арш, – командовал Белый.

– А по-по-чему Па-па-папуть? – нерешительно сопротивлялся тот и, сутулясь, семенял на знакомые самогонные точки возле Сенного рынка.

– У, пра-по-по-рюг-га!.. – когда дело касалось водки, Белый был грозен.

Комарь толкает Васильева и кивает на гордо проходящую группу в количестве трёх женщин неопределённого возраста, одетых в джинсу, отличающуюся пестротой от той, что привыкли видеть в Союзе.

– Не подступишься, Василисы прекрасные... Ну и жизнь нас ждёт. Ни баб, ни водки – и, помолчав, продолжил, – хотя, мне говорили, что водку и спирт можно купить у вертолётчиков по 30 чеков или в колоннах...

– Да, тебе бы гитару сейчас, глядишь, и обратили бы внимание.

После немногословных трезвых посиделок со щемящими конотопскими воспоминаниями решили идти спать. Васильев укрылся с головой, захотелось побыстрее уснуть, в горле стоял ком, а в голове вопрос: Что их ждёт?

Рано утром бортом на Кундуз в первую очередь отправили всех десантников, по распоряжению генерал-майора из штаба армии, полетевшего вместе с ними.

Васильев в самолете в недолгом перелёте на Кундуз обдумывал, с какими первыми словами он обратится к личному составу взвода.

– За что вас сюда, ребята? – весело спросил комбат конотопцев после доклада о прибытии к новому месту службы.

– За успехи в боевой и политической подготовке, – также весело ответил Комарь.

Вопрос объяснялся просто. Выполнение интернационального долга в ДРА дало военному начальству хорошую возможность избавляться от неугодных и неудобных подчиненных. Перед отправкой правились служебные карточки, снимались взыскания, давались положительные характеристики – это, с одной стороны. С другой стороны, многие офицеры писали рапорта сами, пытаясь найти в этом выход из ситуаций личного и служебного характера.

Васильев попал в 9-ю роту 3-го батальона. Командир роты Серёжа Николаев уже ветеран, в Афгане полтора года. Бойцы его боятся и уважают. Бригадное начальство не жалуется за строптивость и прямолинейность в оценке действий этого начальства, а потому наградами Родины не отмечен.

Взводные в роте – Володя Остяков из Минска и Миша Гусев из Саратова приехали неделей раньше Васильева. Опыт и авторитет ротного вселяет во всех больше уверенности перед совершением марша практически через всю территорию Афганистана.

Немного смущает, как ротный берёт за шиворот некоторых механиков-водителей и головой тычет в обнаруженные недостатки.

Когда Васильев увидел своё войско – худое, невымытое и небритое, в засаленном х/б, с почерневшими подворотничками – понял, что подготовленные в самолёте слова, типа: Родина Вами гордится и т.д., сгодятся, разве что, для политзанятий. Сравнение с бравыми десанниками его конотопского разведзвода было не в пользу увиденного.

На удивление старожил, боевую задачу по перебазированию из Кундуза в Бараки батальон выполнил успешно, совершив переход с одной ночевкой в Пули-Хумри без едино-

го выстрела. Васильев на башне своего командирского БМД чувствовал себя, как в популярной телепередаче Клуб путешественников, только всё было «наживо», но, в отличие от телепутешествия, здесь могли и обстрелять.

Отвязались духи на последней бригадной тыловой колонне. Это дало возможность начпроду и начвещу бригады списать всё недостающее имущество, включая пару полевых кухонь, да ещё и запас на будущее создать.

Провинция Логар встретила десантников почти мертвой зоной вдоль шоссе с разрушенными ближайшими дувалами, скелетами сгоревших машин вдоль искарёженного дорожно-го полотна, с воронками разной величины. Многим казалось, что батальон пришёл в места, где уже отгремели бои, и теперь начнётся восстановление мирной жизни. Это ощущение сохранялось и в первые недели после размещения в Бараках.

Дни проходили буднично в обустройстве городка и расположений подразделений. У каждого взвода был отдельный кубрик. Между бойцами невольно возникло соревнование по оформлению расположений взводов. В ход пошли все запасы туши и гуаши замполита, благо, что он был в отпуске.

По вечерам Васильев засиживался в миномётной батарее у Комаря. Стены его комнаты были увешаны очаровательными японками из календаря, что придавало помещению особый уют. В батарее нашлась гитара, так что можно было послушать музицирование Серёги, периодически прерываемое его громкими матерными распоряжениями личному составу по обустройству. Шло «боевое» слаживание батареи.

Батальон уже приступил к выполнению определённых для него задач по сопровождению колонн на участке ответственности. Это был приблизительно сорокакилометровый отрезок дороги Кабул–Гардез, около 20 км которого проходили через «зелёнку». Но на дворе стоял декабрь, поэтому

особой опасности при выполнении задач не возникало, да и не ощущалось. Роты выходили на сопровождение по очереди.

27 декабря 1981 года для сопровождения была назначена 9-я рота, от управления бригады – гранатомётный взвод и взвод связи, старший колонны замначштаба (ЗНШ) батальона капитан Петраков.

«Ниточку» встречали, как обычно, в нескольких километрах за «Мухамедкой», населённым пунктом, где находился опорный пункт афганской полиции – Царандоя по-местному.

В тот день колонна задержалась и подошла к месту встречи только во второй половине дня, ближе к вечеру. Взвод Васильева шёл в замыкании, после танка, сопровождавшего колонну.

Взрыв под гусеницами впереди идущего танка с большим облаком чёрного дыма на глазах Васильева, сидящего на башне своего БМД, стал полной неожиданностью. Мысли путались. Почему подрыв? Что это: мина? гранатомет? Ведь по этому месту уже прошёл добрый десяток машин и брони. Впереди виден пост Царандоя, до него всего каких-то четырёхста-пятьсот метров.

За секунду Васильев проворно по-курсантски нырнул в башню, механик – умничка, резко остановившись, уже разворачивал машину в сторону «зелёнки». Прижимая ларингофоны к горлу, Васильев проорал «Синусу», позывной командира роты, о подрыве танка, а затем – своим машинам: «Огонь»!!! по «зелёнке». И сам с каким-то непонятным азартом, сделал выстрел из пушки в «зелёнку», как в копеечку, стал поливать из пулемета всё пространство, что видел в прицел.

Танкисты в это время, выскочив из танка, слава Богу, живые и невредимые, уже меняли траки. Благо, обстрела из «зелёнки» не было.

Через какие-то минуты в эфире Васильев услышал раздражающий крик о подрыве БМДэшки 1-го взвода в голове ко-

лонны на фугасе. Это – засада. Колонна стала. Идёт обстрел. Подожжены наливник и несколько машин из колонны. Есть убитые и раненые.

Подрыв на противотанковой мине или фугасе небольшой по весу боевой машины десанта с лёгкой броней из алюминиевых сплавов имел всегда фатальные последствия для экипажа. Иногда машину при взрыве подбрасывало на несколько метров над землёй. Шансов для тех, кто был внутри неё, практически не оставалось.

Обстрел колонны продолжался около часа. Поскольку попытка дальнейшего продвижения колонны в условиях приближающегося вечера грозила новыми серьёзными опасностями, по согласованию с бригадой, было принято решение вывести «Ниточку» из-под огня, и расположиться возле пункта Царандоя до утра, а утром, при поддержке батальна, продолжить движение.

Васильев, после получения команды от ротного с БМДэшками своего взвода, выдвинулся к афганскому посту. Танкисты к этому времени уже поставили новые траки и начали движение вслед за ним.

На посту находилось десятка два афганских полицейских с многочисленным начальством. Все размещались в полуразрушенных казармах, глиняных временках и вырытых окопах. Здесь же находились несколько афганских БТРов и машин.

На ровной площадке за строениями этого горе-гарнизона уже приземлились две кабульские «вертушки» с врачами. Тяжелораненых сносили в штабную комнату, превратившуюся в операционную. У входа лежали убитые, накрытые чем попало. Афганцы толпились у входа и глазели на шурави, пытаясь, хоть в чём-то быть им полезными, хотя толку от них не было никакого.

Васильев, дав команду своим бойцам ждать его на броне, пошёл разыскивать ротного, чтобы решить, куда ставить броню. Подъезжающие грузовики из колонны с зажжёнными фарами поднимали огромные клубы пыли вокруг и хаотично заполняли всю прилегающую к посту местность.

Возле входа в здание, куда сносили раненых, Васильев увидел замкомвзвода 1-го взвода. Тот стоял с почерневшим лицом и мутными глазами. Его бушлат и руки были испачканы кровью.

Увидев подошедшего взводного, сержант кивнул на вход и тихо начал говорить первым.

– Там Таджикибаев, он был на 392-й. Командир взвода отправил меня с ним. Когда мы его сюда несли, он ещё дышал, я вколол ему промедол.

– А где Остяков? – спросил Васильев.

– Они с командиром роты возле подорванной машины. Они ещё там машутся с духами. Гранатомётчики подошли к ним. Колонна сдавала задним ходом, а на обочине – мины, один Урал попытался развернуться и подорвался.

Васильев слушал замкомвзвода, а перед глазами видел улыбающееся лицо Таджикибаева.

В первые дни в Бараках приходилось часто общаться с местными властями. Там же находился аппарат наших советников, и на ночь к ним в охранение отправляли одну БМД и бойцов. Младший сержант Таджикибаев был по национальности таджиком, поэтому его всегда брали с собой в качестве переводчика. Он улыбался всегда, с каким бы вопросом к нему не обращались, словно был на восточном базаре.

Через несколько часов Таджикибаев умер. Всех убитых и раненых вертушками отправили в Кабул.

Поздно вечером, после «разбора полетов» у ЗНШа, офицеры роты собрались вместе у командирской машины. На

расстеленном брезенте механик разложил сухпай в банках и раздобытые у афганцев лепёшки. Сам, сидя на корточках, кипятил чай на маленьком костерке в закопчённом котелке.

– Ну, вот и отметили духи годовщину ввода, а заодно и нас поздравили с прибытием, – сказал, присев на брезент, Серёга Николаев, со злостью начав открывать банки штык-ножом.

– Как же так? Это ж всё рядом с Царандоем? – неуверенно спросил Васильев.

– Ага, они же и помогали, наверное, устанавливать фугасы, – зло огрызнулся ротный. – Так что привыкайте к братской помощи. Завтра вытягиваем колонну в 7 утра. Идём в том же порядке.

Володя, – он обратился к Остякову, – ты – в «голове», с тобой пойдёт одна машина гранатомётчиков. Орудия ёлочкой, и как только подойдёшь к месту подрыва 392-й, – «Огонь!», без дополнительной команды. ЗНШ доложишь, что замечено подозрительное передвижение.

– Понял, командор, – кивнув, ответил тот.

– Остальные – также, с места подрыва и до встречи с передовой заставой батальна, – Огонь! Б/к не жалеть. Пехоте с брони херачить по всему, что шевелится. Механикам держать дистанцию и на обочину не вылазить... Все! Ешьте, и – к взводам. Я схожу к гранатомётчикам... – заключил ротный.

Шквальный безжалостный огонь был открыт с колонны утром после её подхода к месту вчерашнего нападения, и прекращён почти возле самых Баракон. Смертоносная «ниточка», оставив позади ещё дымящиеся остовы 392-й БМДэшки и грузовиков шла вперёд, поливая дождём свинца всё, что было на её пути: и живое, и неживое.

Возле дувалов, в глубине от дороги, Васильев увидел в прицел падающий силуэт. Он не испытал жалости. В мыслях пронеслось: «За Таджикибаева...»

Колонна 3-го ДШБ встречает «Ленточку» из Кабула

Карта района дислокации 56-й ДШБР, провинция Логар

Переход перевала Саланг

**Подрыв и нападение на колонну
в районе «Мухамедки»**

Дислокация 3-го ДШБ, Баракы, провинция Логар

На дежурстве, лейтенант В. Волошенко – начальник караула,
лейтенант В. Остяков – дежурный по части

На дежурстве за шахматами

**На операции, слева направо:
командир 1-го взвода 9-й ДШР, лейтенант Володя Остяков,
командир 3-го взвода 9-й ДШР старший лейтенант Миша Гусев,
командир 2-го взвода 9-й ДШР лейтенант Володя Волошенко**

Вопрос интернационалисту

Запрещается!

Наносить ущерб и допускать неправомерные действия в отношении мест, которые население Афганистана считает святыми, устраивать стоянки и привалы вблизи кладбищ, мечетей и др. религиозных мест.

Вопрос интернационалисту

Не следует разлеиваться, загорать или купаться на виду у местных жителей или вблизи жилых домов, так как такое поведение несовместимо с национальными и религиозными обычаями афганцев и считается для них оскорбительным.

МЕТАНИЕ ГРАНАТ

На занятия по метанию гранат, которое проводили взводные 9-й роты недалеко от военного городка, возле разрушенной мечети и дувалов вокруг неё, командир роты Серёжа Николаев приехал на белом коне.

Эта худая лошадь появилась на территории батальона не известно откуда. Её стали подкармливать, она обвыклась и свободно гуляла, получая свои порции корма и ласк от шурави. С ней любили фотографироваться и бойцы и офицеры. Со временем, когда она окрепла, и бока её округлились, на ней стали совершать короткие конные прогулки те, кто мог держаться верхом в седле.

Спрыгнув с лошади, ротный отдал поводья своему «ординарцу», чтобы тот отвёл лошадь в батальон.

Занятия уже закончились, и взводные, стоя в кружке, с удовольствием слушали героические байки старшины роты, старшего прапорщика Михалыча.

Михалыч, высокий и стройный, с зычным голосом и «чапаевскими» усами, пришёл в бригаду из спецназа. На боку у него болтался трофейный «маузер» в оригинальной кобуре. Им он часто грозил бойцам роты, если был чем-то разгневан или слегка пьян.

С высоты своего роста и спецназовского прошлого, он снисходительно относился к десантуре, обзывая её пехотой, и всё время говорил, что хочет вернуться в спецназ.

Сегодня же он рассказывал о его выдающейся роли в подготовке материала журналистами «Известий». Несколько дней назад они были в батальоне и общались с отличниками боевой и политической подготовки.

Их фотокору очень понравился вид с разрушенной мечетью. Он сделал много снимков с разных сторон, но был удовлетворён только отчасти. Руины мечети впечатляли, но не хватало свидетельств зверств душманов, непонятно зачем разрушивших её.

– Если бы здесь ещё были убитые мирные жители, это был бы снимок, – грустно заметил он.

Михалыч с чаем и сухпаем находился в группе обеспечения работы москвичей.

– Рахмона надо позвать, его не отличить от самого мирного афганца – вылитый душман, – сделал он предложение, отвечающее высокому званию советского прапорщика, на жалобу товарища фотокора.

Рахмон был переводчиком в группе «агентурщиков». С Михалычем они были почти что земляки, поскольку старшина служил в местах, откуда тот был родом.

У Рахмона была густая длинная борода, и одевался он, как афганец.

Замполит батальона, опекавший журналистов по долгу службы, тут же согласился с идеей и сам пошёл в штаб до-

говариваться с непосредственным начальником будущего «убитого мирного афганца», сожалея, что не ему пришла в голову эта идея.

Когда все было готово к съёмке, и Рахмон, раскинув руки артистично улёгся на пыльную землю для фотографирования, Михалыч, внимательно оценив «убитого» земляка, снова выступил с идеей.

– Надо взять на продскладе томатную пасту и обмазать ею товарища переводчика.

Фотокор поддержал и это предложение, Рахмон же – не очень.

– Михалыч, халат испачкаешь да.., сам стирать будешь, да..

Но Михалыч в творческом азарте был неумолим.

– Бойцы постирают в арыке.

После того, как со склада принесли томатную пасту, он, не жалея, вывалил полбанки на грудь Рахмона и начал мазать ему лицо и бороду. Тот чертыхался и плевался.

– Покажешь фотографию в газете родственникам, они тобой гордиться будут, меня ещё поблагодаришь.

Сделав своё дело, Михалыч подобрел. Настала очередь работать фотокору.

Приезд командира роты перебил рассказ Михалыча. Бойцы уже построились и по его зычной команде двинулись к расположению части.

– Ну как, побросали? – спросил ротный.

За всех ответил Михалыч.

– А, салаги..

О том, что надо потренироваться в обращении с гранатами, стало понятно после крайнего сопровождения. В ожидании колонны отделение 1-го взвода с ротным выдвинулось в «зелёнку», чтобы прочесать близлежащие дувалы. По команде

ротного бросить РГД-5 внутрь полуразрушенного глиняного жилища боец долго соображал, что с ней делать, и метнул её трясущейся рукой только после дополнительной команды Николаева, как и положено – матерной.

– Нормально, командор, немного потренировались, некоторые вообще первый раз её бросали, а прибыли с учебки... – спокойно заметил командир 3-го взвода Миша Гусев.

– Я и говорю, пехота-а-а, – не унимался Михалыч, слегка подбрасывая гранату, словно мячик. – Вот я вам сейчас покажу, как бросают гранаты настоящие спецназовцы.

После этих пафосных слов Михалыч развернулся лицом к условному противнику, в долю секунды эффектным жестом вырвал чеку и подбросил РГДэшку невысоко вверх, оставив открытую ладонь кверху, с благородным намерением поймать её. Однако наступательная граната РГД-5, пролетев мимо протянутой к ней ладони ветерана спецназа, шлепнулась на землю рядышком с Михалычем и мирно беседовавшими офицерами.

В следующие доли секунды действия присутствующих отличались, в зависимости от реакции организма, боевого опыта и срока службы в Афганистане.

Первым, по сроку службы, естественно, среагировал ротный. В мгновение ока он перелетел невысокий глиняный забор, окаймлявший развалины дувала, куда перед этим бойцы метали гранаты, и понёсся в глубину афганского жилища.

Действия старого спецназовца после неудачной попытки ловли гранаты в воздухе теперь были чёткими и слаженными. Михалыч схватил упавшую РГДэшку и без замаха метнул её в сторону дувала.

Поскольку действия обоих были почти одновременными, направление полёта гранаты совпало с направлением спринтерского бега командира роты.

И только трое взводных стояли, как замороженные, хлопали глазами, и с ужасом ждали развязки, разыгравшейся мизансцены.

Далее, как и положено, последовал лёгкий хлопок в воздухе, это отделился рычаг гранаты и негромкий, но пыльный взрыв.

Вот только теперь взводные машинально пригнулись и опустили вниз головы, как учили в училище, в готовности рвануть в атаку после разрыва.

Затем последовали несколько длинных секунд зловещей тишины, прервавшейся матерным ревом Серёжи Николаева.

– Михалыч! е...твою...! ...убью!

Подняв головы, командиры взводов увидели в облаках оседающей пыли «бегущего» теперь в обратном направлении командира роты. Ротный ускоренно передвигался враскорячку и орал благим матом, звучавшим, как гимн жизни. Его зимний танковый комбез между ногами был разорван и основательно посечён осколками.

– Живой!.. – мелькнуло радостно в мыслях у всех ...

Офицеры бросились на встречу к бегущему, не зная толком, что делать: обнимать, успокаивать? Подхватив на руки, уложили раненого на землю...

– Михалыч, долбаный ты спецназовец, бегом в батальон. Давай дока с носилками!

Миша Гусев первым из взводных, постепенно приходящих в сознание, подал голос.

– Ребята я бегу, командир, не переживай, всё будет хорошо...

Михалыч с побелевшим лицом присел возле ротного и, порывшись в карманах, достал пачку сигарет.

– Ты закури...

– Давай, и мухой – в штаб, пусть вертушку вызывают...

С каждой затяжкой, казалось, что ротный успокаивался

и приходил в себя от нервного перевозбуждения, обрывочно говоря о том, что произошло.

– Бегу, и вижу: передо мной падает граната, бля..., думаю, сейчас я её перепрыгну.., – Серёжа приподнимается и смотрит на разодранные штаны, на которых начинают проступать бурые пятна под пылью, боли он не чувствует.

– Хорошо, что комбез надел...

Все взводные были на занятиях в бушлатах и брюках «пш».

– Так, Миша, остаёшься за меня.

– Есть, – кивнул командир 3-го взвода. – Что докладываем комбату?

– Всё, как было, а на бригаду, что во время занятий боец уронил гранату в результате неосторожного обращения, ну, а я его оттолкнул... И пусть замполит роты катает на меня наградной, на Звездочку. По ранению да ещё, спасая солдата, никуда они теперь, на хер, не денутся...

Из батальона уже бежали бойцы с носилками, подгоняемые Михалычем, за ними трусил батальонный док, поправляя на ходу свои круглые очки.

– Командир, вертушки скоро будут, – запыхавшись, обрадовано прогремел Михалыч.

– Михалыч, если с моим членом что-то будет не так, я тебя застрелю из твоего же маузера, – не то, шутя, не то серьёзно предупредил ротный.

– Не бойсь, командир, в Кабуле классные лекари в госпитале, а какие сестрички! Они тебе всё залечат... и проверят, может, с металлом он будет даже лучше действовать. Я переведусь в Кабульскую роту спецназа, приедешь ко мне в гости, и я тебе маузер подарю, – Михалыч и тут не удержался, чтобы не съехать на свою любимую пластинку.

Провожать командира девятки к прилетевшим вертушкам вышли почти все офицеры батальона. Док обработал раны,

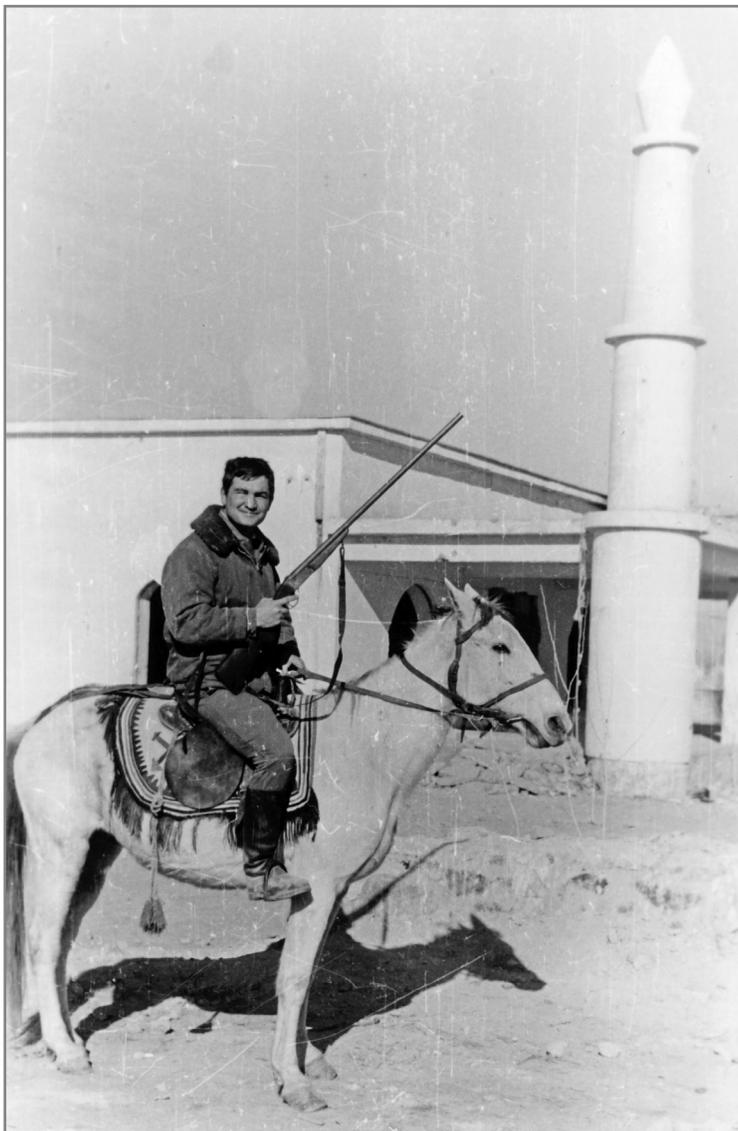
вколол ему обезболивающий препарат и доложил комбату, что всё, слава Богу, обошлось, могло быть и хуже. Все старались поддержать и подбодрить его. Комбат заверил его, что сегодня же подпишет наградной и проконтролирует его прохождение в бригаде.

Поэтому Серёжа улетал из батальона в хорошем настроении, не за горами была уже замена, скорее всего, это был его последний «бой». Так оно, в общем-то, и получилось.

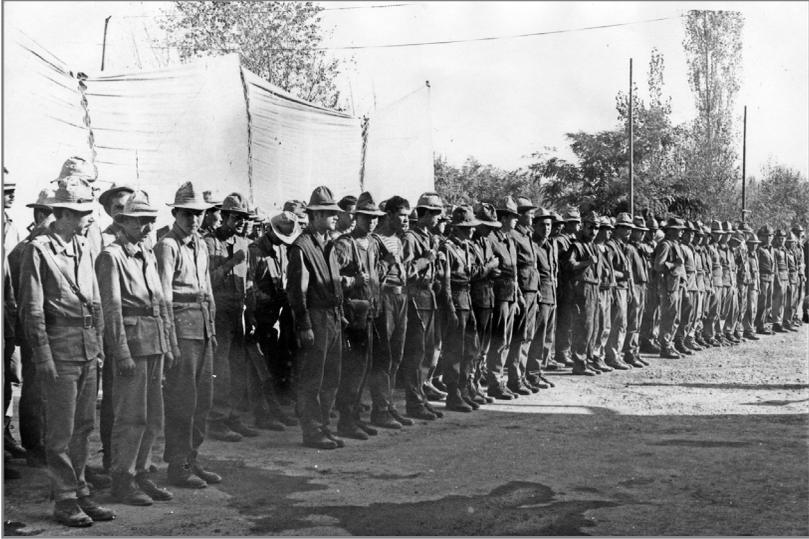
Вернувшись из госпиталя, он уже не выходил с ротой на сопровождения и операции, дожидаясь заменщика. За спиной было два с половиной года Афгана. Орден Красной Звезды Серёжа Николаев получил перед самой заменой. Он его честно заслужил, но случай ускорил процесс.

Михалыч таки перевёлся в Кабульскую роту спецназа, которой командовал его бывший командир в Союзе. Он всегда очень радушно встречал офицеров батальона, когда они приезжали в Кабул. Но в Союз его отправили раньше срока с дальнейшим увольнением. По пьянке ночью он забаррикадировался в бане и устроил ковбойскую стрельбу. Кабульская рота спецназа располагалась на территории штаба армии, и утром Михалыч фигурировал в докладе Командующему.

Спасать его было некому. К этому времени командир Кабульской роты спецназа, забравший его к себе, погиб...

Командир 9-ДШР, старший лейтенант Серёжа Николаев

Построение 3-го ДШБ

Занятия по огневой подготовке.
На переднем плане Командир 3-го ДШВ, сташий лейтенант М. Гусев,
справа – командир 1-го ДШВ В. Остяков

Вопли инерциализмизму

Запрещается! Посещать афганские государственные и частные базары, лавки, рынки, приобретать там, а также у частных лиц различного рода вещи, продовольственные товары, спиртные напитки и наркотики.

«ЗАСАДА»

Обед в офицерской столовой батальона почти закончился. Но многие отобедавшие опостылевшим красным борщом из консервов, с неубиваемым специфическим «ароматом» и гречкой с тушенкой, стоявшей уже поперёк горла, оставались на своих местах.

Одни, условно сытые, демонстративно громко грызли сухарики, запивая их коричневым компотом из сухофруктов. Сухарики, белые и черные, в виде кубиков, сделанные поварами по приказу комхоззвода из пресного и кисловатого хлеба, который привозили из бригады, считались вроде десерта.

Другие после трапезы дымили у входа, наблюдая за разгрузкой продовольствия из двух запылённых ЗИЛов. Лобовые стёкла одного из них были пробиты пулями, борт второго был изрешечён в нескольких местах.

Главная новость, вызвавшая послеобеденное живое обсуждение – неожиданный обстрел машин хоззвода в районе перевала на дороге из Гардеза в Бараки.

Этот участок всегда считался безопасным, потому что проходил по горно-пустынной местности. Проще говоря, на нём не было зелёнки, подходящей к шоссе. Дорога шла через небольшой, не очень крутой перевал. На его верхней площадке располагался пост царандоя. За перевалом было несколько кишлаков, совсем неразрушенных. Кишлаки считались мирными.

Во время прохождения наших колонн местные жители не прекращали своих повседневных дел, и спокойно работали в поле вблизи глинобитных жилищ, окружённых такими же рукотворными дувалами. Это считалось безошибочным признаком отсутствия угрозы нападения и свидетельствовало, что и жители не опасаются шурави.

Бойцы, восседающие на броне, чувствовали себя вальяжно. Во время остановок с интересом наблюдали за размеренной жизнью кишлаков, летом делали набег на шелковицу у дороги. Иногда, с разрешения взводных, заходили в маленький дуكانчик в конце спуска с перевала, чтобы купить какую-нибудь мелочёвку.

Особое любопытство всегда вызывал старик, сидевший в небольшой нише склона. Возле него на земле обычно лежал кусок лепёшки и стояла грязная кружка. В жару и в холод в истрепанном халате и галошах на босу ногу он смотрел вдаль, иногда улыбался. На проезжающих шурави он не обращал никакого внимания.

То, что обстреляли машины в районе перевала, было совсем непонятно и вызывало различные оценки в столовой и среди курящих у входа. В конце концов сошлись на том, что в район могла прийти новая банда или духи «потеряли нюх», и надо их за это наказать.

Старший первой обстрелянной машины лейтенант Зыкин, командир взвода 7-й роты, сделав доклад о нападении комбата, на обед не пошёл. Поэтому в центре внимания оказался прапорщик Пряхин, старшина миномётной батареи, который находился во второй машине.

Он совсем недавно прибыл по замене, окончив школу прапорщиков в Союзе. Ни в одной операции ещё не успел побывать и во время застолий с открытым ртом слушал боевые небылицы своего брата-прапора, а также рассказы товарищей офицеров. Приняв изрядно на грудь, он уверял всех, что в бою не подведёт и ещё себя покажет.

Зайдя в столовую с большим кульком карамели, в каких она обычно продавалась в дуканах, он стал угощать присутствующих, охотно отвечая на вопросы.

Командир миномётной батареи капитан Комаров, хрустя карамелью тут же, не упуская случая, стал подтрунивать над артиллеристами:

– Вот мой старшинка не успел приехать, а уже отличился. Скажем прямо, героически вывел из-под обстрела машину с бесценным грузом тушёнки и кислой капусты и спас батальон от голодной смерти.

– Глядишь и «за б/з» получит. А вы своего за постройку бани не представляете?

Капитан Иларионов сам любивший юморить и, как все артиллеристы, смотревший свысока на миномётчиков, охотно включился в выяснение отношений.

– Так! Миномётчиков в баню не пускать! Они ребята боевые, им это ни к чему. Пусть в арыке моются.

Артиллеристы первыми в батальоне со всей основательностью построили возле своих позиций баню с парилкой и теперь приглашали в гости друзей батареи в банные дни или после возвращения с операций и сопровождений.

Но Комаров и не думал отступить:

– Старшинка, ты не очень-то артиллеристов карамелью угощай, пообедаются, а свой отдельный туалет ещё не достроили.

Но дальнейшая словесная дуэль была прервана приходом ЗНШ батальона капитана Петракова, который задержался у комбата после доклада о засаде.

Комаров подсел за стол к ЗНШ и положил перед ним кулек:

– Сергей Васильевич, миномётная батарея сегодня угощает карамелью на десерт. Угощайтесь, пока артиллеристы всю не съели.

– С удовольствием, там комбат с замполитом идут, надо им оставить.

– А как же, кам-кам оставим. Ну, что там решили на совещании по поводу нападения?

Не дав Петракову ответить, Комаров продолжал:

– Надо духом наказать за такую наглость.

ЗНШ не среагировал на этот воинствующий призыв, а только скривился, глянув на тарелку борща, а потом на стоящего перед ним с виноватым видом бойца, выполняющего роль официанта, в поварской курточке не по размеру, когда-то белого цвета.

Вздохнув, он начал медленно есть и, наконец, отставив с отвращением тарелку с недоеденным борщём, продолжал:

– Комбат попросил агентурщиков узнать что-то по своим каналам...

Теперь надо будет каждый раз посылать «броню» для сопровождения. Хорошо, что прорвались, а то бы под раздачу попали все, в первую очередь, комбат.

Комаров тут же оживился:

– Вот и я говорю, за героическое отражение нападения

превосходящих сил бандформирования и прорыв без потерь под огнём противника и т.д. представить группу товарищей к медали «за б/з».

– А ещё пусть агентурщики узнают, почему дуканщики не выполняют приказ Гульбеддина и не продают кишмишовку по сниженным ценам, дабы сподобить русских офицеров.

Это действительно забавное для советского человека письменное распоряжение одного из лидеров моджахедов попало в руки представителей ГРУ и над ним часто потешались за столом.

Петраков хмыкнул и недобро посмотрел на ждавшего команды бойца:

– Кому спим? ... Давай второе!

После этого он взял несколько карамелек и начал рассматривать яркие обертки с надписями арабской вязью.

– «За б/з...» – Люди по году машутся и ничего получить не могут... Ладно, надо подумать...

– Понял, не дурак, – Комаров хитро улыбнулся.

– Старшинка, ставь вечером бражку, чтоб чернило не просохло, когда наградной писать будем.

Пряхин, не ожидавший такого разворота событий, только кивнул, явно смущённый услышанным.

Когда Петраков зашёл в комнату к Комарову, тот сидел на корточках перед тумбочкой, бурча, вынимал содержимое и выбрасывал в мусорный бак, уже наполовину заполненный кулками с карамелью.

Петраков, ухмыльнувшись, сел на кровать:

– Ну, что, Серёга, может быть, перепишем наградной на старшину на медаль «За От вагу»? Опять же, спасибо комбату, что не отправили представление тогда. Вот было бы весело...

Появление в батальоне следователей кабульской прокуратуры через две недели после нападения на перевале и отправка Зыкина и Пряхина в наручниках вертушкой в Кабул стало для всех чем-то вроде горячего душа в сорокаградусную жару.

Комаров себя чувствовал полным идиотом, когда комбат на совещании довёл, что Пряхин и Зыкин арестованы за убийство дуканщика, после чего они имитировали обстрел машин.

– Сука он, я б его сам порешил после этого. А эту карамель я, наверное, до гроба есть не буду, меня тошнит от одного её вида.

**Дополнение
к рассказу командира взвода 7-й ДШР
Александра Тумахи**

Обратная сторона медали

Из личной переписки А. Тумахи с одним из героев рассказа.

«Салам братишка!

Вот решил черкануть тебе пару строк, т.к. по телефону всего не наговоришь. Ты знаешь, мне ещё не верится, что мы уже не те, молодые, жизнерадостные, здоровые парни. И я никак не могу привыкнуть и смириться с тем, что мне уже за пятьдесят. Но как говорил Л.М. Кравчук: «Маємо те, що маємо!»

Мы тогда, как «начудили» в Альтамуре, даже не думали чем это всё обернётся. Ты сам знаешь сколько этих духов перебили. Но мы попали не «в струю». В то время как раз была комиссия из политуправления Сухопутных войск в штабе армии и они про нас «прочухали». Духи ведь пожаловались, т.е. опередили, сыграли на упреждение, дабы избежать ответственности за хранение боеприпасов, что в то время органами власти в ДРА, частным лицам было запрещено. Судили нас в Ташкенте. Суд был показательным (с привлечением 3-го и 4-го курсов ТВОКУ). Прокурор – гад, запросил Сашке – вышку, мне – 15, а Олегу – 9 лет. А в результате, Сане дали – 15, мне – 9 лет, а Олег получил – 3 года общего режима, а нам усиленного. И поехали мы на зону, т.е., в неведомые, в то время для нас, условия выживания. Хотя, я изначально был готов ко всему, даже самому худшему. Отправили нас в лагерь в г. Алмалык, что в 60 км от Ташкента.

Знаешь, когда мы служили, мы понятия не имели, что военный трибунал работал «на потоке», без выходных. Но когда это коснулось лично нас, я просто ужаснулся. Сколько было осуждённых офицеров и прапорщиков – с ума сойти. А солдат – вообще немерянно... Я приведу тебе несколько примеров – сам убедишься.

Игорь Д. – сын знаменитого испытателя, ст. л-нт, разведчик, из 301 дивизии, 753 полка – в 1981 году был расстрелян в Ташкентской тюрьме, по приговору военного трибунала. Даже ходатайство Терешковой не помогло... Сержанты Николай В. и Карим Ю. из той же дивизии, тоже были расстреляны. С нами сидели, зам. командира 102 дивизии из Ханабада, полковник В.Я. и два его начальника служб, оба майора. Далее – начальник отдела 40-й армии – м-р Коля Ш. Начальник отдела 0151 Коля С., п/п-к, племянник знаменитого обозревателя газеты «Правда», зам. коменданта кабульского гарнизона – Володя Н., п/п-к, начальник ВАИ гарнизона, Александр К., к-н...

Я бы мог еще продолжать долго и долго, чтобы ты понял тот масштаб и размах, с которым работали наши «славные» органы военной юстиции, зарабатывая себе на этом звания и ордена. Одна командировка в Кабул из Ташкента, три дня работы в кабинете, вот тебе и «За БЗ». Чего не служить?

В общем, пробыли мы с Сашкой вместе три года, а потом нас разлучили. Как мне стало потом известно, в зоне «скопилось» много «афганцев» и нас, из оперативных соображений, начали раскидывать по всему Союзу. Саня остался в Алмалыке, а меня отправили в Амурскую область. Мы с ним какое-то время переписывались, нелегально (переписка между осуждёнными запрещена), а потом эта ниточка оборвалась. Я узнал, что к нему презжала Амина и они расписались в зоне. Потом вроде, она родила ему девочку. Я предполагаю, что Сашка сейчас в Кызыл-Арвате или же дома в Воронежской области.

Освободился я в 1989 году. Вышел за ворота зоны – и не знаю куда идти. На дворе – «перестройка», бардак, неразбериха. Немного поработал в «геологоразведке», потом понял – не моё, и решил поехать дотому. Приехал в Немиров, сразу домой не пошёл, а пошёл к другу (был у меня дружок, командир разведроты полка – Коля С.), царствие ему небесное. Он мне сказал: «Домой не ходи, у неё – новый муж». Я не могу тебе передать то состояние в тот момент, но мне не хотелось жить. Спасибо, друзья помогли. Ну а потом всё стало проясняться, налаживаться. Женился, и по сей день живу со своей второй женой. Ей надо при жизни памятник поставить, что я и делаю, за то, что она меня к жизни вернула. Дети, двое внуков, для которых дед – непререкаемый авторитет. Сейчас для них и живу. На днях ухожу на «пенсион», а там видно будет...

А вообще-то у меня была 100% возможность не ехать в Афган. Дядька родной, в то время был комдивом, известной тебе дивизии. Как он не хотел меня туда отпускать... Но куда там, я ведь по жизни «Стрелец», по натуре – воин. И я не мог не поехать. Были четкие планы после Афгана – сдать экстреном в Киевское ВОКУ, а потом заочно продолжить учёбу... Тем более, что у меня служба шла отлично. Конкурсы по тактике выигрывал, и «наша» жизнь мне нравилась. Но, увы, всё пошло наперекосяк, так что, как в той, ВЕЛИКОЙ войне были белые пятна и черные страницы, так и в нашей «афганской» – эти же пятна и страницы есть. Только об этом никто не подозревает и не знает, кроме тех, кто с этим был связан. Но не буду тебя утомлять. Я всё-таки надеюсь, что мы встретимся. И у нас будет достаточно времени поговорить и вспомнить дорогие сердцу времена...

Ну, пока всё. Буду закружаться. Обнимаю тебя братан и жму твою могучую руку крепко-крепко.

С неизменным уважением,
Владимир Б.

Р.С. Да, совсем чуть было не забыл. Может бать, ты помнишь? Было такое дело, когда в «соседнем», через две горки и в тридцати километрах от нас, полку, угрожали вроде бы духов, а они оказались активистами НДПА.

Так вот! С нами отбывал срок командир этого полка, п/п-к К., вместе с ним начальник штаба одного из батальонов, командиры саперной и разведрот... Они «снесли в прикуп» 22 афганца, скинули их в кяриз, а командир истр этот кяриз подорвал. Дали им за это: командиру – 10 лет, командиру истр – 15, командиру рр – вышку и ниш батальона – 7 лет.

Потом, когда «Горбатый» стал президентом, КЭП ему написал из ташкентской тюрьмы, месяца через 2–3, пришёл ответ, в результате чего его освободили подчистую, восстановили в кадрах, и отправили на должность зам. командира дивизии в Бухару. Тем хлопцам вышку заменили на небольшие сроки. Правда у «разведчика» крышу сорвало конкретно. Его в «дурку» отправили.

Вот такие дела творились на этом белом свете.

Дописывал уже на другой день, не знаю, интересно тебе или нет?»

**Слева направо: док батальона Вова Войт
и командир миномётной батареи Серёга Комаров (Комарь)**

Вопрос интернационалисту

При эксплуатации
транспортных
средств строго ру-
ководствоваться
установленными в
ДРД правилами до-
рожного движения.

КОМАРЬ

– Комаря убили!!! Истощный крик, заглушая отдельные короткие автоматные очереди, покрыл предгорье у края дороги Гардез-Бараки. На шоссе, ковыляя с пробитыми скатами, разворачивался в сторону, откуда духи открыли огонь, головной БТР «семерки».

Из пустой, с открытыми дверями кабины съехавшего на обочину ГАЗ-66-го слышалась громкая музыка. На установленном в ней трофейном «панасонике» играла любимая кассета командира минометной батареи 3-го ДШБ Серёги Комарова «АББА».

Личный состав несколько минут назад горохом высыпался из кузова и метался, как зайцы, в поиске укрытий. Кто-то оказался в кювете, кто – за колесами ГАЗ-66, кто побегал поближе к БТРу, десант которого на ходу спрыгивал с брони и тут же хаотично стрелял в сторону духов.

Комаров с водителем, десантировавшись из кабины, под прикрытием стоявшего автомобиля, побежали в долину и залегли за бугром с небольшим каменным нагромождением. Вообще-то, местность с буграми и камнями на них напоминала афганское кладбище. На двоих лежавших был только один АКС.

А все потому, что в Гардез сводная группа воинов-десантников 3-го ДШБ во главе с замначштаба (ЗНШ) капитаном Сергеем Васильевичем Петраковым выехала с целью участия в торжественном награждении орденами и медалями, при этом, большинство бойцов были без оружия.

Гвардейцы надели «дембельскую» форму – кителя, береты и тельняшки. Офицеры были в повседневной форме при портупее, что в тех условиях воспринималось в качестве парадной формы. В общем, поехали, как на свадьбу, с ветерком и праздничным настроением.

На выезд взяли ЗИЛ хоззвода и комаровский ГАЗ-66-й. Комарь ехал в числе награжденных, получать «Звездочку». Сопровождали колонну два БТРа «семерки».

В просторной кабине ЗИЛа «комфортно» разместился широкогабаритный капитан Сергей Васильевич Петраков, тоже направлявшийся за своей «Звёздочкой». Он не любил пешие переходы на операциях, активно худел от них в летние сезоны. Старался создавать «уют» даже в полевых условиях, расстилая платочек, словно скатерть, под «сухпай» даже на коротких остановках во время приёма пищи.

Заветной его мечтой, которой он делился со всеми, было попасть после замены в военкомат, пить кефир по распорядку и сидеть на стуле с мягкой подушечкой. И еще – он громко залиvisto смеялся от удачных шуток и подколок сослуживцев, а Комарь в этом смысле был одним из главных персонажей в батальоне

Из Гардеза выехали сразу после обеда, отказавшись от предложения заночевать в бригаде и отметить награждение. Всем хотелось домой, там ждали и готовились к обмыванию боевых наград. Качество свежее выгнанного самогона командир миномётной батареи проверил накануне лично.

Когда под огнем душманов залегли, Комарь забрал у водителя АКС, и стал стрелять, короткими очередями, высовываясь из-за камней. После нескольких таких вылазок, он сполз вниз с запрокинутой головой и кровью на лбу. Вот тут-то и заорал его водила.

Капитан Сергей Васильевич Петраков, до этого выпрыгнувший на ходу из ЗИЛа, с прихваченным в кабине АКСом, был невдалеке в кювете. Услышав крик, он короткими перебежками рванул к месту, где был Комарь.

Когда Сергей Васильевич больно бухнулся на каменистую землю за бугром, слабо прикрывавшим его крупные габариты. Комарь поднял качающуюся голову и посмотрел на него, прищуриваясь, мутными глазами. На его благородной затылке кровоточила небольшая рана, усеянная вокруг мелкими камешками. Пуля попала в камень, а отколовшийся осколок угодила Комарю в лоб, от чего он лишился сознания на несколько мгновений.

Удивлены были оба...

– Комарь, не спи, замерзнешь, – зло бросил Сергей Васильевич, лично убедившийся ещё раз, что командира миномётной батареи пули не берут, а бугор с камнями защитит его при небольшом-то росте, надежнее, чем самого Петракова.

Однажды на сопровождении, когда Комаров руководил огнем вверенной ему батареи, всматриваясь вдаль через большие очки в уродливой чёрной пластмассовой оправе, пуля зацепила дужку и очки на лице Комаря приняли вертикальное положение.

Этот «советский раритет» легкой промышленности Комаров надевал только в боевых условиях. Для надёжности дужки очков сзади связывались резинкой от трусов.

Он сначала удивился и не понял, что произошло с очками.

Потом этот эпизод многократно передавался им во время застолий, обрстая новыми подробностями.

– Сергей Васильевич, я нормально., я прикрою, вы лучше в кювет...

– Век не забуду твоей доброты, Серёга. Фуражку надень, а то лысину простудишь...

– Щас, разберёмся...

Но повторять маневры с перебежками больше не пришлось. Автоматная стрельба «духов» быстро стихла. Только БТРы продолжали работать из КПВТ по окружающей местности, не жалея б/к. Нападение выглядело, как поздравление небольшой группы «товарищей душманов». Все-таки, почти рядом находилась бригада, и можно было нарваться на серьёзный ответ «Градами» и «вертушками» за такую наглость. Так что, удачно напугав «неместных шурави», они быстро ушли.

Слава Богу, никого, из ехавших с заветными медалями и орденами десантников, даже не зацепило. Перепачкались только все основательно. Но мужественнее всех с повязкой на голове, как Щорс из старого советского кинофильма, теперь выглядел Комарь.

– И на хрена нас надо было тащить в бригаду? Шо, нельзя было передать эти «цацкии» в батальон? – праведно начал возмущаться Комаров, стирая пыль с красной орденской рубочки и подходя к ЗИЛу, в кабине которого устраивался Сергей Васильевич.

– Что ж ты, такой умный, раньше молчал? – парировал, кривясь, Петраков, потирая ушибленное колено, – Надо

было тебе сказать комбригу Чижикову: – Товарищ полковник, приезжайте для награждения к нам в Бараки, я вас самогоном угощу.

– Всё, кончай базар, по местам и поехали, – Сергей Васильевич захлопнул дверь, а Комарь, держа руку на забинтованной голове и продолжая ворчать себе под нос, неспеша, пошёл к своему ГАЗ-66-му. В кабине продолжала громко петь «АББА».

В батальоне с нетерпением ждали награждённых, все уже были в курсе об обстреле. Замполит по приезду организовал фотографирование офицеров в полевой форме с наградами перед зданием штаба. Позже он сделал большую фотографию, как в выпускном школьном альбоме. Фото каждого в виньетке было размещено на фоне Баракинских пейзажей и грустного памятника – БМД на постаменте на территории батальона. В верхнем углу размещались фотографии погибших ребят.

А в тот вечер весело и громко отмечали награждение в штабе, в ротах, батареях. Перемещались по очереди друг к другу в гости, кто с баяном, кто с гитарой, кто с магнитофоном, кто с бутылкой.

Комарь сначала воодушевлённо, потом устало рассказывал и отвечал на расспросы о ранении камнем в голову. Подколкам и шуткам не было конца.

– Комарь, а куриный бульон тебе доктор приписал при твоём ранении?

Вопрос звучал не просто так. Все хорошо знали о слабости командира миномётной батареи. Во время сопровождений после развёртывания миномётов на позициях он часто организовывал проведение поисков в близлежащую местность, занятую, по его мнению, «нелояльным» афганским населением. Иногда он лично в них участвовал с целью «захвата в

плен или уничтожения» подающих сигналы душманам кур и петухов.

А однажды он «с бодуна» немного перепутал замысел на бой и скомандовал батарею открыть огонь в аккурат, как только группы прочёсывания вошли в зелёнку, вместо того, чтобы сделать это раньше и обстрелять её перед входом туда своих боевых товарищей.

Получилось всё, как в песне, недолёт-перелёт – по своим артиллерия бьёт. По счастливой случайности зацепило только одного бойца легко в ногу.

В тот день, сначала по средствам связи, а потом и в личном общении Серёга услышал в свой адрес очень много «по-партийному принципиальных» замечаний, с широким использованием идиоматических выражений.

Мгновенно осознав всю глубину своей вины, он вечером «накрыл поляну» для участников выхода в «зелёнку». Свежий куриный суп смягчил сердца товарищей офицеров, и вопрос о «некультурном» поведении командира миномётной батареи во время выхода решили не выносить на повестку дня грядущего партийного собрания батальона.

После замены Серёга из Афганистана попал в Николаев, в десантно-штурмовую бригаду. Там он и был успешно «созжан» родными партийно-политическими органами во время антиалкогольной кампании.

Уволившись из Вооружённых сил, он уехал к родителям в Подмоскowie...

Не суждено было осуществиться мечте Сергея Васильевича Петракова о военкомате и подушечке...

После замены он вернулся в Брестскую ДШБ и тянул лямку там до конца службы. Стал комбатом. Васильев приехал на его похороны в Брест из Минска, где служил в Посольстве Украины.

Афганское кладбище

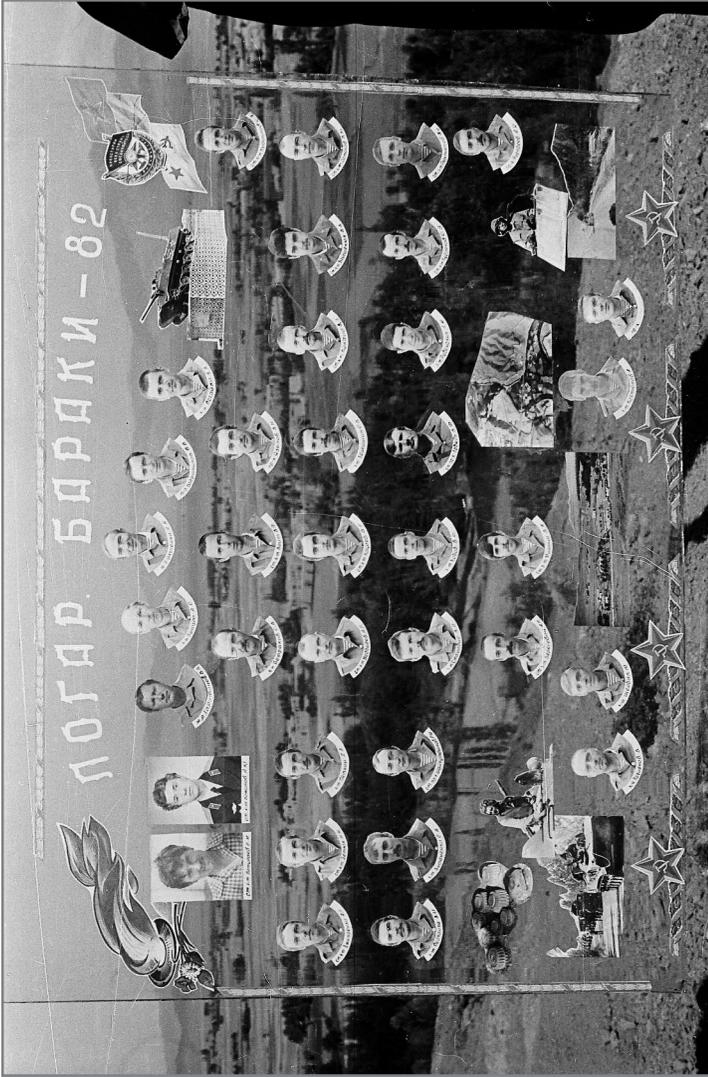
На операции с афганскими товарищами. Второй справа ЗНШ батальона капитан Сергей Петраков. Первый слева, командир артиллерийской батареи капитан Валера Иларионов

Мы с Комарём вскоре после прибытия 3 ДШБ в Баракы

Содружество родов войск.
Второй слева Комарь в легкой
форме одежды

Общее фото. Для чего мы пишем кровью на песке, наши письма не нужны природе. Б. Окуджава

Вопню интернационализму

Хорошо знать и уважительно относиться к действующим в ДРЯ законам, существующим национальным традициям, обычаям и нравам, религиозному верованию афганского народа. Поддерживать дружественные отношения с трудящимися и воинами НВФ ДРЯ.

С НОВЫМ ГОДОМ, АФГАНИСТАН!

Первыми в полночь по московскому времени заухали 120 мм миномёты на «горке». Так называли невысокую пологую гору с площадкой наверху, где в двух инженерных сооружениях типа землянка-дувал находилось охранение батальона, состоящее из миномётного взвода 9-й роты и гаубичного расчёта артбатареи. Старшим охранения был командир миномётного взвода «девятки» Сергей Кудряков.

С горки открывался хороший обзор всей близлежащей местности. Это была долина, окаймлённая горными хребтами, где, тесня друг друга глиняными стенами, до самого подножья гор лежали полуразрушенные кишлаки.

Изрезанные речкой и арыками летом они прятали свои раны в зелени деревьев и густого кустарника, превращаясь в опас-

ную зелёную зону. Зимой же, покинутые человеком, становились беззащитными и уязвимыми.

Определить расположение кишлаков на местности по названиям вначале не просто было даже с картой в руках, настолько непонятны и условны были границы, отделявшие их друг от друга. Но со временем длинные, крючковатые названия сократились и изменились так, что стали вполне привычными и нечуждыми для слуха. Вся долина была исхожена десантурой и пристреляна артиллеристами.

Территория батальона упиралась в горку, а на её верхнюю площадку вели несколько троп. Весь склон был беспорядочно заминирован, но подрывы, которые периодически происходили на нем, никакого отношения к душманам не имели. Подрывались отдельные несознательные гвардейцы батальона или же домашние животные, которые случайно или с помощью тех же разгильдяев-гвардейцев «забрели» на склон.

Главной причиной этих ЧП, по выражению замполита батальона, была слабая воспитательная и политическая работа командиров взводов среди личного состава.

Для повышения действенности этой самой работы, а также для «усиления близости» офицеров к личному составу, командиров взводов периодически, но в основном безуспешно, старались загнать спать в солдатские кубрики.

Командира минометного взвода старшего лейтенанта Сергея Кудрякова часто называли губернатором острова Борнео за его завидное удалённое расположение от начальства. Прогулка на горку была своего рода развлечением для офицеров в свободное от повседневных дел время для смены обстановки и общения с Серёгой за «пулькой».

Там же, с соблюдением всех правил маскировки, периодически ставили ротную брагу, когда замполит батальона с похмелья объявлял очередной бой самогоноварению.

Через несколько минут после сухих минометных залпов с горки громыхнула 122 мм гаубица. Яркая вспышка разрыва сверкнула в глубине долины на фоне гор, вырвав из ночной мглы остроконечные, словно неровный частокोल вершины.

Громовай раскат от разрыва, запаздывая на считанные секунды, медленно нарастал, возвращаясь от подножья гор в долину.

Из штаба батальона, уже навеселе, выходили офицеры управления, громко разговаривая, и закуривая на ходу.

Комбат, стоя на крыльце в расстёгнутом на первые две пуговицы п/ш с орденом Красной Звезды на груди (орден на п/ш носил только он), распекал прибежавшего по его вызову дежурного по штабу, требуя связи с «горкой».

– Горка не отвечает, товарищ гвардии майор, – виновато повторял сержант.

– Ну, так – вперед, разберись, в чём дело и доложи, – отрезал комбат.

Прогремел ещё один выстрел гаубицы, и вокруг раздался дружный гогот офицеров, подошедших к штабу. Длинная очередь трассеров разорвала огненными пунктирами ночное небо. Замполит, держа автомат за рукоятку стволом вниз, отделившись от остальных, улыбаясь, поднялся на крыльцо.

– С Новым годом, Андреевич! Он попытался обнять комбата, но оступился и, не удержав равновесия, упал, выронив автомат.

– Уймись, комиссар.

Комбат отвернулся, глядя как личный состав, толкаясь и шумя, выскакивал на улицу из расположений.

Офицеры рот группами подходили к штабу.

Замполит, поднялся, отдал автомат подошедшему дневальному по штабу и нетвердой походкой направился в солдатские массы, проводить воспитательную работу.

– Товарищ гвардии майор! – дежурный по штабу, высунув голову в форточку, прокричал:

– Горка говорит, что стреляли по мигающим огонькам в долине.

Этот способ сигнализации часто применялся духами для оповещения о выходе и перемещении групп из расположения батальона ночью. Но сейчас это был просто «дежурный» ответ.

– Я им сейчас такие огоньки устрою, тошно будет. Передай Кудрякову, пусть там х...нёй не занимается.

– Понял, товарищ гвардии майор, передам! – почти радостно снова прокричал дежурный.

В это время в небе завывла пущенная кем-то ракета СХТ. С разных уголков территории батальона стали взлетать одиночные сигнальные ракеты красного и зелёного огня.

– Вот стервецы, празднуют, б..., – с ухмылкой сказал комбат подошедшему ответственному от штаба бригады подполковнику.

– А как ваши духи, отметили ввод 27 декабря или нет? – спросил тот, присаживаясь на ступеньки.

– Да так, из-за горы десяток мин бросили, всё обошлось.

– Иларионов, ты здесь? – зычно крикнул комбат в темноту.

– Так точно, здесь, – командир артбатареи вышел на свет и поднял правую руку вверх, чтобы комбат его увидел.

– У тебя дежурные орудия по тем целям, что дали агентурщики, наведены?

В батальоне автономно работала группа из трех грушников и иногда они делились полученной информацией с комбатом.

– А как же, всё путём, – вторя комбату, зычно ответил командир артбатареи.

– Вопросы есть?

– Все понял, уже бегу.

Комбат по привычке пригладил длинные редкие волосы, стараясь прикрыть ими большую выпуклую лысину, и обратился к ответственному.

– Щас мы их поздравим, Анатолий Сергеевич, а пока пойдём ещё по маленькой.

Подполковник, кряхтя, как бы неохотно, поднялся и они с комбатом зашли в штаб.

Через несколько минут дежурные орудия открыли беглый огонь по долине.

Одновременно со всех сторон в небо с шипением и воем снова полетели осветительные и сигнальные ракеты, на горке началась беспорядочная стрельба.

На мгновения становилось светло, как днем. Особо торжественно в эти секунды шелестели развевающиеся на ветру пятнадцать флагов советских республик, которые устанавливали под чутким руководством замполита, вдоль центральной аллеи по праздникам и во время приезда начальства, тем самым сигнализируя товарищам душманам, о важности происходящих в батальоне событий.

После каждого залпа бойцы у казарм громко кричали «ура!».

Вслед за артбатареей заухали с позиций 120 мм миномёты. Это уже инициативно подключилась миномётная батарея под пьяным, но твердым командованием Комаря.

– А почему молчат геройские «Катюши»? Вопрос старшему «реактивщиков» последовал немедленно, как только лейтенант подошёл к курившим офицерам.

Две установки «Град» недавно были приданы батальону для усиления огневой мощи и находились вблизи артиллерийских позиций.

– Ребята, я не могу без разрешения комбата, как бы оправдываясь, сказал тот.

– Коля, под лежачего капитана коньяк не течёт. Нам досок не хватает на офицерскую парилку.

Снарядные ящики высоко ценились, из-за дефицита строительных материалов. Их разбивали на доски и использовали для отделки помещений, в первую очередь, конечно, штаба. Ящики же из-под реактивных снарядов для града были самые длинные и поэтому ценились особо.

Сейчас же все с нетерпением ждали окончания постройки батальонной бани.

– Коля, дуй к комбату, он в хорошем настроении...

Через несколько минут уханье орудий и миномётов, крики «ура!» утонули в шипящем огненном шампанском – залпах «Градов».

Смертоносные поздравления летели в безответную тишину кишлаков с рёвом и воем. И каждому в этом рёве слышалось своё:

С Новым Годом, духи!

С Новым Годом, мирные афганские жители!

Простите нас!

Бараки, провинция Логар зимой

Боину интернационалисту

Постоянно проявлять высокую политическую бдительность, везде и повсюду соблюдать режим секретности, не вести разговоры на служебные и другие темы, касающиеся жизни и боевой деятельности подразделений в присутствии посторонних лиц.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

К часу ночи в комнате офицеров 9-й роты за столом, накрытым газетами, предусмотрительно взятыми из подшивки замполита роты, и уставленным пустыми бутылками и тарелками с недоеденными пехотными деликатесами из консервных банок НЗ, остались только командир 3-го десантно-штурмового взвода Миша Гусев и старший техник роты Шура Петренко.

Сидели почти в темноте, свет уже отрубился, а почерневшая керосинка с фитилем из солдатского брючного ремня и соляжкой вместо керосина больше коптила, чем светила.

Петренко старательно процеживал через марлю в кружки оставшуюся в трехлитровой банке недавно поставленную брагу, а Гусев, обхватив голову руками, смотрел в окно.

– Ты знаешь, Шура, я в последнее время часто просыпаюсь по ночам, спать не могу.

– И вот, смотрю на вас всех спящих, и мне кажется, что Володя Остяков – покойник.

Командир 1-го взвода старший лейтенант Володя Остяков спал на кровати первого яруса, укрывшись одеялом с головой. Под его кроватью, свернувшись калачиком, дремала Машка, дворняга, которую он подобрал щенком во время операции и выкормил.

Петренко непроизвольно, с опаской посмотрел сначала на взводного, потом на Машку и шепотом сказал:

– Миша, ты что? Прекрати!

Гусев залпом выпил налитую брагу и тоже шёпотом ответил:

– Вы все нормальные лежите, живые я вижу. Ты, Вовка Васильев, замполит, а Володя – покойник. Мне самому не по себе становится, но ты понимаешь, я это чувствую и ничего не могу с собой поделать.

В это время сверху тихо затрещал включённый трофейный, а по-восточному бакшишный «панасоник». Эфир, как всегда, был забит заунывными, как зубная боль песнопениями, которые сменялись молитвами, угнетающе действующими в любое время суток.

Володя Васильев, командир 2-го взвода, лёжа на втором ярусе, медленно вращал ручку настройки. После недавнего гепатита он не пил совсем, но в компаниях старался никому не мешать своей трезвостью. Это качество в нём ценили товарищи офицеры и в утешение иногда отдавали самые диетические продукты из офицерского допшайка – порошок творог и стущёнку, если она не шла на брагу.

– Гусь, ты хоть с Вовкой не делись своими ночными видениями, и вообще, лучше не каркай на эту тему, – сказал он, выключая транзистор.

– Ну что ты, я ж понимаю.

– Только это ничего не изменит, – после паузы добавил он. Потом, наклонившись, он потрепал по шее спящую Машку,

та подняла голову и её глаза в темноте блеснули, как два уголька .

Мотнув головой, Гусев взял в руки банку и недоумённо посмотрел на бражную гущу на дне.

Помолчав ещё немного, он продолжил размышлять вслух, теперь уже как бы сам с собою и совсем о другом.

– Вот старшинка артбатареи почти год просидел безвылазно в расположении. Заменщик его уже был в Ташкенте. И какой хер понес его на сопровождение?.. Называется, сходил поспать... Хрен знает на каком расстоянии от духов, рядом с позициями батареи... Надо же было ему в эти заросли лезть чтобы получить очередь в спину из собственного АКСа.

Петренко, внимательно слушавший, не смог удержаться от оценки событий, когда речь зашла о его брате-прапоре, тем более, что история ещё была свежа. В батальоне все перебирали подробности гибели старшины со спущенными штанами от того, что спусковой крючок зацепился за ветку.

– Он – придурок, предохранитель надо было ставить и не изображать из себя рейнджера.

– Ладно, молчи умный, наливай лучше.

Гусев пододвинул ему кружку.

– А нету, брага – йок, командор.

– Мужики, продолжал Гусев, – было бы это всё под Прохоровкой, я бы отдал концы, не жалея ни о чём.

– А здесь – обидно всё-таки. Хоть там и долг, и приказ... Если бы моя мымра не загуляла, никогда бы сюда не уехал.

Петренко в знак согласия, молча, кивнул головой и добавил с ноткой удовлетворения.

– Комбат подписал на старшину артбатареи представление, «за б/з» посмертно. Семье передадут, и шо? Она ее прокормит?

Гусев ещё раз посмотрел на дно банки и, зевая, философски заметил.

– А гробы в Кабуле паршивые делают, мне мужики из комендатуры говорили.

– Ладно, давай спать, пить всё равно нечего.

– Шура, позови дневального, пусть уберёт всё.

Петренко замотал головой:

– Не надо, там Слон стоит, он тут такой грохот поднимет, лучше пусть утром уберёт.

Гусев, не раздеваясь, повалился на кровать, которая под его далеко не птичьим весом закрипела всеми своими пружинами.

– Володь, ты спишь? – он слегка пнул рукой в сетку кровати второго яруса.

– Нет, я сплю, Гусь.

– Слушай, мне предложили перейти в бригаду на зам. ком. роты во 2-й батальон. Как ты думаешь, а? – не дождавшись ответа, он продолжал рассуждать вслух.

– А что, там спокойнее... На операции они выходят редко, не так, как мы здесь, машемся чуть ли не каждый божий день. Мне ребята говорили, что их нашим батальоном пугают, как штрафбатом.

– А ещё там в офицерской столовой официантки есть, а в медчасти сестрички...

– Как ты думаешь?

– Не знаю, смотри сам, скучать будешь без нас.

– Да, хотя бы Вовку пронесло. Боюсь я за него...

...Подрыв на фугасе произошёл через месяц во время сопровождения. Миша Гусев в это время уже был переведен во 2-й батальон.

Как узнали агентурщики, духи долго «пасли» БТРД Володи Остякова с установленным на нём трофейным ДШК. Он умер, не приходя в сознание.

В тот день с утра после выхода роты Машка словно взбесилась, она то металась по длинному коридору расположения, то скулила, не даваясь никому в руки.

Обо всём этом Петренко рассказал Васильеву, когда тот вернулся в батальон после второго гепатита и отпуска по болезни.

И еще на пересылке в Ташкенте Васильев узнал от офицера из 2-го батальона бригады о гибели Миши Гусева.

Перед выходом бригады на операцию он попросил своего одноклассника, чтобы тот сопровождал его тело домой в Саратов, если что...

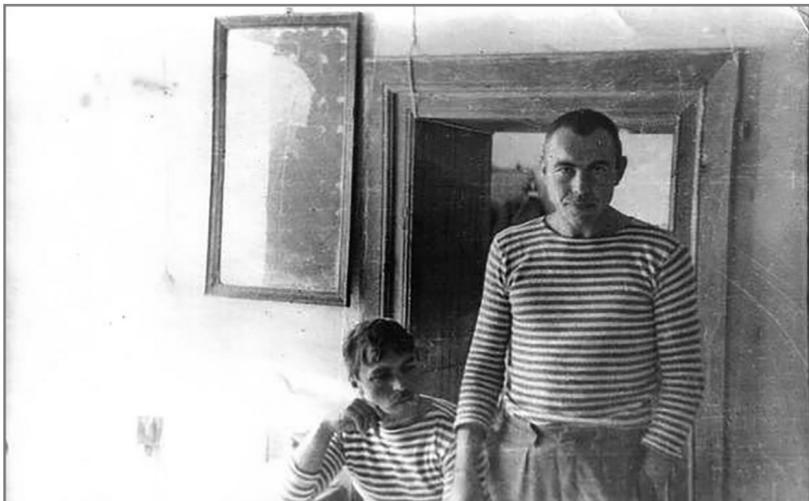
БМД Миши, подорвалось на фугасе. С ним погиб и начальник штаба бригады майор Масливец.

Зайдя в комнату офицеров «девятки» Васильев, увидел, что кровати теперь стоят в один ярус. Постель на кровати Володи Остякова была застелена аккуратно по-солдатски. На синем одеяле серая простынь полоской наискосок. На подушке лежала Володина панама.

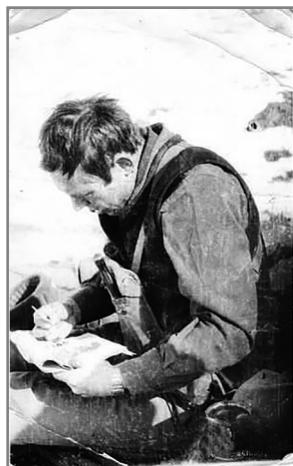
Он взял табуретку, стоявшую возле стола, поставил её у изголовья кровати Володи Остякова, и сел. Петренко, стоя за столом, молча открыл бутылку «Горилки с перцем», привезённую Васильевым, и разлил в три стакана, положив на один кусок чёрного хлеба.

– Шура, а где Машка? Васильев обвёл взглядом ставшую какой-то чужой комнату.

– А Машку бойцы съели...

В офицерском «кубрике».
Слева направо: техник 9-й роты Шура Петренко и Володя Остяков

Володя Остяков на операции

Слева Миша Гусев

Войну интернационалисту

ЗАПРЕЩАЕТСЯ!

Пользоваться водой
для питья, пригото-
вления пищи и других
технических нужд из
непроверенных источников

Войну интернационалисту

Запрещается! По-
лучать у представи-
телей местных орга-
нов власти и у от-
дельных граждан
какие бы то ни бы-
ло вознаграждения,
подарки, пользова-
ться различными без-
возмездными мате-
риальными услуга-
ми.

УРА! КОМАНДИРОВКА В ТЕРМЕЗ!

1.

В этот раз повезло лейтенанту Васильеву. Он был назначен от 3-го ДШБ для перегона техники на капремонт в Термез. Старшим от 4-го ДШБ был назначен Толик Виноградов, его однокашник по Киевскому Высшему Общевоинскому Командному Училищу (КВОВОУ), закончивший училище на год позже.

Вообще, командировки в Союз считались маленьким подарком судьбы и были своего рода негласным поощрением. Однажды хорошим поводом для командировки в Ташкент, с благословения начальника штаба бригады, стал обычный автомат АКС, находившийся в ташкентской прокуратуре на экспертизе по какому-то уголовному делу. Командированный офицер добросовестно прибывал в Ташкент в

прокуратуру с целью забрать автомат и доставить его в подразделение, где тот числился. В прокуратуре с чувством удовлетворения он получал ответ, что экспертиза ещё не закончена и автомат пока вернуть нельзя. После этого следовало приглашение одной из многочисленных сотрудниц прокуратуры посетить вечером ресторан «Заровшан». Получив на следующий день оправдательную справку из правоохранительного органа, оставшееся количество командировочных дней счастливцев использовал по личному усмотрению с выполнением заказов для начальства и возможным коротким вылетом на родину самолетами «Аэрофлота».

Но Васильеву и Виноградову, прежде чем ощутить праздник жизни на советской земле, предстояло совершить марш больше 500 км практически через всю территорию Афганистана колонной из двенадцати БМД и БТРД, давно исчерпавших свой ресурс для капремонта. В общем, это были ещё те боевые машины... Изюминкой этого перехода являлось ещё и то, что в экипаже находились только механики-водители. Поэтому грозно развернутые в колонне орудия «елочкой», кроме первой и замыкающей машин, на башнях которых восседали товарищи лейтенанты, предназначены были только для психологического воздействия на духов, реши те напасть на мирно идущую колонну 56-й ДШБР.

Но все возможные трудности марша меркли перед возможностью оказаться в Союзе в августе, провести N-ное количество дней в Термезе на передаче техники в капитальный ремонт да ещё, если будет на то воля Аллаха, слетать в родной Киев, а после этого открывалась перспектива очередного отпуска.

Те, кому привелось уже побывать в таких командировках, со знанием дела проинструктировали молодых лейтенантов о вкусах и скромных потребностях принимающих боевую технику товарищей, хорошо знающих перевод с фарси слова «бакшиш».

Отдельными пунктами инструктажа значились достопримечательности «города-героя» Термез, а именно: рестораны и санитарно-венерологическая обстановка в Термезском гарнизоне.

Колонна из Гардеза в составе шести боевых машин под командованием гвардии лейтенанта Виноградова пришла в Баракы во второй половине дня. Васильев встретил и разместил товарища по училищу в офицерском кубрике 9-й роты. Вечер провели душевно за ужином с киевскими воспоминаниями и радужными планами на будущее. Следующий переход предстояло совершить до Кабула, но самостоятельно идти через зелёнку практически безоружными было бы верхом идиотизма. У каждого за плечами был почти год исполнения интернационального долга в ДРА, который многому научил. Решили дождаться попутной колонны из Гардеза на Кабул, чтобы пристроиться к ней и под прикрытием батальона проскочить самую опасную зону до Мухамедки, а там и до Кабула «рукой подать».

Особой головной болью в преддверии совершения многокилометрового марша было техническое состояние машин. Поэтому для командировки были отобраны самые опытные механики-водители из числа будущих «дембелей».

Ну и ещё: на маршруте ждал «славноизвестный» перевал Саланг. Одно это слово рождало холодок в груди у каждого, кому довелось его пройти. Там, в главном тоннеле из-за плохого регулирования 23 февраля 1980 года много наших военнослужащих отравились угарным газом. Грозный приказ с «разбором полетов» и наказанием виновных был доведён до всех частей не очень ограниченного контингента. Об этом событии помнили, и ещё вспоминали о до того никому ненужных противогазах. Толик сам проверил наличие их в каждой машине, прихватив по паре запасных, на всякий случай, никуда не денешься, каптёрская привычка родного училища.

Во время обсуждения плана перехода в канцелярии 9-й роты от внимательного взгляда бывшего каптёра Виноградова не ускользнула куча валяющихся Коранов. Коллекция командира роты, недавно раненого при подрыве и отправленного в госпиталь в Союз.

Пришедший на роту из бригады после Серёги Николаева, он не прижился в офицерском коллективе, поэтому трогательной заботы о его оставленном имуществе в маленькой ротной канцелярии, включая коробки с восточными сладостями, не наблюдалось. Собрание же Коранов вообще было расценено замполитом роты, как чуждое явление для советского офицера и коммуниста. Кстати, через полгода службы блюстителя нравственности и идейности замполита потихому, в 24 часа отправили на родину за неуставные взаимоотношения, а именно: как тогда выражались, за «мужеложество» с ротным писарем в той же канцелярии. Замполит был москвичём.

Увидев потрепанные книжки, написанные арабской вязью, Виноградов оживился.

– Мне рассказывали, что один прапор в Ташкенте сдал Коран в мечети за восемь тысяч рублей. Представляешь, это же больше чем на «Жигули».

– Да, представляю, мы тоже сдали одну такую книжку в соседнем дукане за три банки с ананасами.

– Можешь попробовать, может, тебе четыре дадут, – скептически отреагировал Васильев.

– Ничего, «затарим» их, на всякий случай, в БМД так, что ни одна таможня не обнаружит.

В качестве подготовки к успешной сдаче техники решили также прикупить в Кабуле пару китайских кофейных и чайных сервизов с мадоннами и ангелочками и джинсов, пользовавшихся неизменным успехом в Узбекистане.

2.

До Кабула дошли с попутной колонной, как и спланировали, слава Богу, без приключений. Технику загнали в «парк» возле пересылки в районе аэропорта для дальнейшей подготовки к маршу. Старшим оставили там механика-водителя с командирской машины Виноградова. Он обладал авторитетом, если что не так, мог и «в торець» запросто дать. Хотя все прекрасно понимали, что ягодки ещё впереди, поэтому старались делать своё дело не на страх, а на совесть, да и в Союз хотели тоже попасть.

Толик Виноградов на попутной военной машине поехал в штаб армии оформлять все документы на капремонт. Васильев же, переодевшись в гражданку, поехал на такси в «старый» советский микрорайон. У него были ключи от квартиры одного из советников МВД, поэтому его задачей являлось приготовление ужина в шикарных, по афганским меркам, условиях городской квартиры.

В Бараках группа советских советников от силовых ведомств во главе, как и положено, с партийным советником, располагалась в помещении местной власти. Батальон отвечал за ночное охранение их резиденции. Туда выезжали, как в караул.

В Кабуле у советников были квартиры в двух построенных по советским проектам микрорайонах – «старом» и «новом». Там же жили и гражданские советские специалисты. У некоторых советников и специалистов в Кабуле находились жёны.

Несмотря на большую разницу в возрасте и воинских званиях, у Васильева со временем завязалась дружба с руководителем аппарата советников, а он оказался из Киева, и милицейским советником, прибывшим из Барнаула.

Поэтому в Кабуле Васильев стал иногда гостить у них, во время коротких командировок для выполнения заказов командования и офицеров батальона по приобретению «колоннальных товаров» перед очередными отпусками.

Хорошая отдушина, пожить хоть несколько дней в квартире с горячей водой и красивой мебелью. Военные 40-й армии откровенно завидовали советникам, не говоря уже о посольских работниках, их зарплатам и условиям жизни. Ко всему прочему, раз в месяц в специальном магазине советники и гражданский персонал имели возможность отовариться набором дефицитных продуктов, в перечень которых входила и бутылка крепких спиртных напитков, столичной водки или армянского коньяка, чего несправедливо были лишены воины-интернационалисты.

Еще больше завидовали жёнам советников и гражданских специалистов женщины-служащие 40-й армии. Оно и понятно. Поэтому они с удовольствием «подменяли» тех жён, которые уехали из Кабула или вообще туда не приезжали. Вся их напускная суровая неприступность в армейских частях куда-то мгновенно исчезала при общении с представителями «старого» и «нового» советских микрорайонов. Как-то в компании знакомых учителей, с которыми Васильев познакомился в инфекционном отделении Кабульского госпиталя, он интереса ради представился приглашённым медсестричкам тоже учителем, работающим в Кабуле по контракту. От теплоты и женского внимания ему уже в середине вечера захотелось поменять героическую профессию советского офицера на мирную учительскую, но в Кабуле.

В «старом» микрорайоне был очень симпатичный базар, где и делались все необходимые закупки. Туда же зачастую и совершали набеги представители кабульской военной комендатуры, отлавливая военнослужащих 40-й армии, потому что

им периодически строго-настрога запрещалось посещение этого места. Особенно мерзким выглядело то, когда и женщин из воинских частей, приехавших на базар за покупками, грубо отлавливали и везли в комендатуру для проверки. Вот ещё почему для советских девушек, попавших по контракту в специфические условия армейской жизни в ДРА, было за счастье оказаться под защитой товарищей советников и специалистов, на них власть военной комендатуры не распространялась.

А ещё там был клуб, где по выходным дням можно посмотреть кино или сходить на танцы. Там же выступали и приезжающие звезды советской эстрады. Очень запомнилась Васильеву картина, когда толпа советских людей с пригластительными билетами чуть не выломала двери, прорываясь на концерт Кобзона. И концерт того стоил. Кобзона не отпустили часа три, хотя его ждали на афганском телевидении. От жары он чуть не потерял сознание, но держался молодцом. И ещё спел песню о Владимире Высоцком. А это был 1982 год, прошло всего два года после его смерти. Тогда это воспринималось, как гражданское мужество.

Приняв душ, и сладко поспав на широком диване (чёрт бы побрал эту железную армейскую койку в офицерском кубрике!) с чувством, что жизнь прекрасна, Васильев отправился на базар за продуктами и сувенирами. На базаре у него уже были любимые лавчонки, дуكانщики их быстро становились друзьями, весело торговались и, широко улыбаясь, сбрасывали цену.

Вечером, когда Толик приехал из штаба армии, борщ, конечно, не такой, как у мамы, Васильев уже сварил. К борщу в баре в гостиной глаз радовала записка с предложением брать все, что душа пожелает. Хозяин квартиры уехал в отпуск в Ленинград, увезя с собой сувенир Васильева, трофейную афганскую саблю, поэтому его благодарность не знала границ.

– Вот это жизнь! – не переставал радоваться и удивляться, Толик, обходя четырехкомнатные апартаменты с бокалом армянского коньяка в руке.

– По крайней мере, ещё дня два такой жизни нам гарантированы. В штабе армии с ума сойти можно пока все оформишь, – продолжил он.

– Если б сегодня была суббота, а не понедельник, можно было бы пойти в клуб на танцы, – мечтательно поддержал разговор Васильев.

– Так что, остаемся до субботы?

– Нет, пойдем в кабак в Термезе.

3.

Первый переход из Кабула спланировали до Саланга, это было около ста километров. Самым неприятным участком до перевала была Чарикарская «зелёнка». Проскочить её без стрельбы было бы большой удачей, а перевалить Саланг в этот же день – вообще мечтой.

Толик шёл на головной БМД и задавал скорость. Дорога отличалась от гардезской и интенсивностью движения по ней колонн карнавально разукрашенных афганских «бурубухаек» и сравнительной безопасностью.

Во время коротких остановок в долине местные «баченята», как мухи, налетали на машины со всевозможными предложениями.

– Шурави, чо хочшь? – Батник хочшь? Джинсы хочшь? Гандон хочшь? – весело горлопанили они.

Другим вариантом беседы был диалог:

– Как дела товарищ? – с ударением на последнем слове.

Ответ они знали заранее и ожидали его.

– За.....сь, – почти всегда отвечал товарищ.

После этого звенел залиvistый смех. Знание великого русского языка афганской детворой каждый раз поражало прибывающих в Афганистан.

Перед самой «зелёнкою» стало понятно, что одна из машин из группы Толика уже приехала... Механик виновато стоял перед открытым люком и укоризненно смотрел на движок.

Толик, когда к нему подошёл Васильев после остановки колонны, прыгнул со сламавшейся БМД и коротко резюмировал.

– Пи.....ц, движок накрылся. Первый пошёл...

– Что будем делать? Тащить? – неуверенно спросил Васильев.

– На перевал? Ни хрена, оставляем её здесь, впереди стоит наша часть, дотащим её до парка, и пусть дожидается замполтеха. Я его предупреждал, что этим закончится.

– Умаров, он обратился к механику, – остаёшься с машиной. – Я позвоню в бригаду, скажу, где ты, и чтобы тебя забирали. Сухпай есть? Все, трос доставай. Ташкенту передам от тебя привет.

Умаров грустно кивнул.

– Толик, ты не гони лошадей, а то мы все так доедем...

– Да уж точно, тише едешь, в Термезе будешь, – невесело ответил Виноградов. – Ну шо, по коням !..

Гнать долго не пришлось. В Чарикарской «зелёнке» стреляли. Колонну остановили на нашем посту и предупредили, что впереди идет зачистка «зеленки» со стрельбой.

– Да, мы хоть и в тельняшках, но бережёного Бог бережет, – подвёл итог дня Толик.

Расположив машины на площадке возле поста, дали команду бойцам располагаться на отдых и ночлег. А сами с бутылкой водки, прихваченной из Кабула, выдвинулись к

каменному зданию, где находился командир стоящего здесь подразделения.

Встретили Васильева и Виноградова по-фронтовому гостеприимно. За ужином поговорили за жизнь. Решили, чтобы удачно проскочить «зеленку» выехать до рассвета. Это то время, когда духи ещё не свершили утренний намаз, а шурави не позавтракали, не вышли на построение, не прослушали инструктаж, не вытянули колонну, ну и так далее.

Васильев пошёл спать на улицу. Чарикарская «зеленка» отличалась от родной баракинской тем, что в ней были большие плантации виноградников. Воздух был свеж. С неба падали звёзды, а в небо летели трассеры. Очень хотелось побыстрее туда, где под этой же лунной не будет войны.

Марш, совершённый на рассвете удался, проскочили. После короткой остановки начали подъём по серпантину Саланга, Васильева не покидала мысль: хорошо, что сейчас август, можно только себе представить, как тут весело зимой. Когда же он увидел одну свою машину, стоящую у обочины с видом на пропасть, сердце недобро ёкнуло. Да, и летом тут весело бывает...

– Товарищ лейтенант, не тянет, сука, – высунувшись наполовину, прокричал ему механик, когда они остановились позади стоящей машины.

– Да, тут уже не бросишь так, как перед Салангом, – подумал Васильев.

– Быстро давай трос! – дал он команду уже спрыгнувшему с машины механику.

– Ну что, а мы потянем, Кожевников? – он обратился к своему механику.

Кожевников почти год был его механиком на 395-й, придя в батальон после учебки, а до этого он поработал на тракторе. Очень спокойный в любой ситуации и везучий, Васильев ему доверял...

– В гору тяжеловато будет, боюсь, что перегреемся, товарищ лейтенант, а на спуске можно будет, если что...

– Ясно, дай мне автомат, – решение он уже принял.

Став впереди БМД, он начал наблюдать за проходящими мимо «бурубухайками». Когда показалась не очень гружённая на вид и более или менее мощная, он вышел на середину проезжей части и показал водителю поднятием руки с автоматом остановиться. Водитель выполнил команду беспрекословно.

Спрыгнув со своего места на специальной задней подножке, ехавший, по чудной афганской традиции, ученик водителя, подложил деревянную чурку под колесо и подбежал к кабине. Водитель вылез из кабины и бойко затараторил, жестикулируя руками.

Васильев словами и жестами показал, что надо взять на буксир БМД. Оба, водитель и стажер, разгорячились ещё сильнее. Но после повторения просьбы, подкрепленной целеуказанием АКСа, оба резко успокоились. Ученик подошёл к механику, уже приготовившему трос, чтобы зацепить его к крюку, а водитель, продолжая тараторить, полез в кабину.

– Ничего, ничего, БМДшка легкая, алюминиевая потянете с помощью Аллаха, – подумал Васильев.

Так и получилось, без особого напряжения их маленькая колонна продолжила подъём до главного тоннеля. Перед тоннелем машины выстроились в очередь для его прохождения по команде регулировочной службы.

Подъехав к своей главной колонне, в хвосте которой стоял Виноградов, ожидая Васильева, они остановились. Водитель «бурубухайки» выскочил из кабины и стал снова бойко тараторить и жестикулировать.

– Кожевников, дай ему пачку сигарет, шоб успокоился.

– БМД в колонну.

– Ну как вы? – Виноградов подошёл к Васильеву.

– Дошли с помощью Аллаха. Вниз будет веселее.

А в это время к ним уже с грозным видом приближался майор с поста комендантской службы.

– Что вы тут за собачью свадьбу устроили товарищи лейтенанты, – с места в карьер попёр он.

Ответ товарищей лейтенантов майору был дан в таком же тоне с учётом года службы в ДРА и принадлежностью к десантно-штурмовой бригаде, а не какой-то тыловой шушере...

Когда колонна по разрешающему зелёному сигналу устройства, напоминающего светофор, двинулась в туннель, Васильев, сидя на башне, обложенный противогазами, трижды перекрестился. Кстати, о дополнительных патронах к противогазу, которые выдавали на случай аварийной остановки в тоннеле, чтобы не задохнуться от угарных газов, он понятия не имел.

Попустило его, когда увидел свет в конце тоннеля. Снова перекрестился, но уже с облегчением. Три километра показались, как все тридцать.

Подумалось, что всё самое страшное теперь позади.

Спуск прошли нормально. По радиостанции с Толиком поделились впечатлениями и решили, что задача дня успешно выполнена и будем идти до упора с ветерком.

То, что произошло возле Пули Хумри, было из разряда «не кажи гоп, пока не перескочишь». Вообще Пули Хумри было пыльное и суетное место с огромным количеством стоящих там воинских частей и складов, на которых периодически что-то взрывалось или горело. Длинные колонны в сторону Кабула и в обратном направлении останавливались там, в долине для привалов.

Когда Толик остановил головную машину, чтобы подтянуть колонну и сделать короткий привал после Саланга, механику одной из стоящих в колонне БТРД вдруг «взбрендило»

в голову объехать впереди стоящую БМД. Он резко взял влево и рванул вперед. В этот момент, непонятно откуда взявшийся боец, решил перебежать дорогу, и в мгновение был сбит насмерть...

– Приехали..., – Виноградов, бледный, как скатерть, подошёл к подъехавшей машине Васильева.

– Будем ждать то ли прокуратуру, то ли комендатуру...

Через несколько часов колонна продолжила движение. За это время Толик написал объяснительную записку приехавшему представителю комендатуры. Механика сбившего бойца забрали в прокуратуру, в глазах у него стояли слезы. Каждый, кто, как мог, старались его подбодрить. Труп увезли в Пули-Хумри. Осиротевший БТРД взяли на сцепку и потащили.

4.

Решили идти, не спеша, до конца дня. Если получится, дойти до Серебряного озера. Об этом месте рассказал командир подразделения за вчерашним ужином. Место уникальное по красоте. Вокруг скалы, небольшой отель построен ещё во времена короля, там любили отдыхать западные дипломаты из Кабула. В озере чистейшая вода, и вроде как, на дне есть серебряные залежи. Только колоннам там не разрешают останавливаться для длинных привалов и ночлегов. Старшим же этого поста по непроверенной информации является выпускник Киевского ВОКУ. Это была уже хорошая новость.

Хоть шли и не торопясь, но ближе к вечеру на сцепке уже были три машины.

– Вобщем, чем дальше в лес, тем голодней партизаны, – так Толик оценил складывающуюся обстановку.

Механики тоже загорелись идеей дойти до Серебряного озера. Во время одной из остановок, они получили информацию по солдатской почте, общаясь с «водилами» стоящей колонны, и доложили, что фамилия старшего на посту возле озера – лейтенант Лось.

Васильев, услышав фамилию, повеселел.

– Толик, может быть, это не Лось, а Лэсь. Тогда всё будет класс. С Шурой Лэсем они учились вместе в одном взводе в Киевском Суворовском Военном Училище (СВУ), а потом в 4-й роте в ВОКУ. В СВУ бывало, что новые учителя его тоже обзывали «суворовцем Лосем», на что он сильно обижался и сердитым тоном под добродушные смешки одноклассников поправлял преподавателя.

Васильеву очень захотелось, чтобы это был именно Шура Лэсь.

– Ну, на войне, как на войне, дай Бог доехать..., – Толик очень стал осторожен в планах, было от чего.

К вечеру уже без особых приключений колонна дошла до желанного места. Васильев сразу же направился к живописно расположенному на возвышенности отелю.

Перед входом его остановил пехотного зачуханного вида солдат, стоящий как бы на посту.

– Фамилия командира! Быстро! – строго и громко сразу же спросил Васильев, пресекая этим попытку караульного выполнить свои обязанности по охране и обороне покоя командира.

– Лейтенант Леесь, – мягко по-восточному, ответил славный сын узбекского народа.

– Комната? – еще строже спросил Васильев.

– Дэсят, даа..., елеино прозвучало в ответ.

– Поправь ремень, – так же строго сказал Васильев, и решительно направился мимо караульного.

Предвкушая радость встречи, он намеренно без стука резко открыл дверь. Лейтенант Лэсь лежал на койке, не раз-

увшись, в руках у него был журнал Плейбой. Сначала он в недоумении и гневно посмотрел на открывшуюся дверь и на посмевшегося войти без стука.

Потом вскочил и бросился навстречу улыбающемуся Васильеву, они крепко обнялись.

Сутки провели, как в гареме, только без женщин. Купания при луне, пиршество с барашком под водочку и широкий выбор фруктов и восточных сладостей в любое время дня и ночи. Бойцы тоже ели от пуза и спали. Возможность такого изобилия объяснялась тем, что мимо поста проходил трубопровод ГСМ из Союза. Во взаимодействии с обслуживающим его подразделением, в случаях экстренной необходимости, под покровом ночи краник открывался для наполнения ёмкостей разного объёма представителям дружественного афганского народа. А чтобы не обидеть их, принимали за это скромный бакшиш натуральный или денежный. При этом руководствовались методичками Главного политического управления, где чёрным по белому было написано: чтить и уважать нравы, обычаи и традиции местного населения.

В перерывах между приёмами пищи обсудили с Шурой дальнейший маршрут на Родину и по его совету решили идти на понтонно-мостовую переправу Айвадж, а не на Хайратон. Дорога была, «как-бы навпростоць», каких-то пару десятков километров, через участок горно-песчаной местности. После пройденного пути, да ещё жизни целые сутки на берегу живописного озера это не представляло особой проблемы. Как-то особо и не думалось о возможных трудностях перехода, хотя почти половина машин шла на сцепке.

На рассвете через сутки тепло попрощались с Шурой и тронулись в путь, сытые и довольные.

Через десяток километров постепенно стали приходиться в сознание, движки нещадно грелись, на многих участках пес-

чаные бугры передвинулись прямо на дорогу, поэтому скорость была черепашья. Когда солнышко пригрело, оказалось, что в машинах практически нет питьевой воды, а просто не додумались сильно пополнять её запасы, так расслабились все возле Серебряного озера.

К полудню у Васильева было уже ощущение, что они дней сорок бредут по этой пустыне, где солнце так белое. Серебряное озеро представлялось каким-то миражом. Все по-туги продолжать движение потерпели неудачу. Колонна стала. Вода закончилась. По приблизительным подсчётам до переправы оставалось километров шесть-семь. Ни встречных, ни попутных машин не было. Справа и слева барханы. Бойцы с пересохшими губами и мутными глазами сидят возле горячих машин.

– Вот тебе, бабушка, и Айвадж, – Толик, поднимается на песчаный бугор, с которого Васильев, поднеся ладонь лодочкой к панаме, обозревает близлежащую местность.

– Ну что, не видать там Красной армии?

– Ни хрена.

– А сколько человек без воды прожить сможет? Что там, в книжках про путешественников писали?

– Да, как-то мы быстро спеклись. Всего-то градусов сорок пять по Цельсию. Васильев, прищурясь, вглядывается в белизну неба и не видит солнца.

– Если тут остаться на ночь, духи обязательно нас навестят и водички дадут напиться. Подождем?

– И как по закону подлости, ни одной машины за полдня...

– А все на Хайратон идут по длинной дороге... Вот Шуре расскажу, смеяться будет.

– Короче, решил... – прервал размышления Толик. – Все на первую машину и рвём до переправы, там наш пост стоит, что-то придумаем.

Они сбегают с бугра к колонне. Толик командует и механики идут к своим машинам за оружием и рассаживаются на первой БМД.

– Бурят! Ты остаёшься здесь на охране. Мы быстро. Возьми оставшуюся воду, – Толик протягивает рыжему и конопатому Сидорову, родом из Улан-Удэ, горячую десантную флягу. Тот облизывает губы и грустно смотрит на взводного.

Потом много раз Васильев спрашивал себя и не мог ответить, почему они оставили одного бойца для охраны, что это давало, кроме огромного риска? Объяснение каждый раз приходило одно: это жара так на мозги подействовала, но это было не оправдание.

– Кожевников, заводи поехали...

Пробуксовывая, машина заревела и пошла вперед, вырываясь из песчаного плена.

Когда вдруг впереди показалась по цвету шоколадная, извивающаяся ленточка Аму-Дарьи, рев восторга бойцов на броне понёсся в небо.

До реки было метров пятьдесят, слетев как воробьи с БМД, ещё не успевшей остановиться, обгоняя друг друга, бойцы побежали к реке. После того, как машина остановилась, Васильев и Толик спрыгнули и, не спеша, молча, побрели вслед за ними.

На глинистом берегу, куда они подошли, оказался небольшой деревянный мосток и что-то вроде сруба из досок в воде. Внутри этого колодца вода была чуть светлее, чем главное течение. Бойцы уже все были в реке, барахтаясь и резвясь, они обливались и жадно лакали коричневого цвета воду.

Васильев вышел на мосток, стал на корточки, набрал из колодца полную панаму воды и, обливаясь, выпил ее залпом. Еще одну панаму воды он выпил уже постепенно, третью панаму он вылил себе на голову.

– Хорош балдеть, по местам! – команда Толика теперь прозвучала бодро и зло, командирский голос прорезался после водопою.

На посту возле переправы было отгороженное колючей проволокой место, что-то вроде парка боевых машин, куда загонялась приходившая для переправы боевая техника. Там стояли грузовики, несколько БТРов, явно не на ходу, и три танка.

Только теперь к охлажденным головам Васильева и Виноградова вернулась настоящая тревога за оставленного Бурята, в первую очередь, ну и за кучу железа, с которым тоже надо было что-то делать.

Фронтное братство и взаимопомощь, как же это часто выручало в самых разных ситуациях. Старшим на посту был командир танкового взвода.

Без лишних слов через двадцать минут два танка с десантурой на броне двинулись к оставленной колонне.

Самым счастливым мгновением для Васильева и Виноградова в тот день стало то, когда под «носом» головного БТРД они увидели сидящего на песке красного, как рак, веснушчатого маленького Бурята. Рядом лежал АКС, «ліфчик» с магазинами и фляга. Толик бросился к поднявшемуся Буряту навстречу и начал его обнимать и тормошить, тот стоял смущённый и вялый. Васильев тоже не смог сдержаться и крепко обнял ставшего вдруг таким родным солдата. Бойцы захватили для него двадцатилитровую канистру с водой из колодца возле поста и стали его поливать, тоже тиская, и радуясь встрече.

Самым же удивительным оказалось то, что эпидемиологическая обстановка в рядах сводного десантного отряда в последующие часы и дни оставалась стабильной, проще говоря, понос после употребления в больших объёмах аму-дарьинской воды шоколадного цвета не одолел воинов-гвардейцев.

5.

После того, как доблестные танковые войска вытащили десантную броню из этой маленькой «Сахары», двое суток механики колдовали над вконец измученными машинами.

– Кстати, для особенно непонятливых – на топографической карте эта местность обозначена, как Пески бугристые, высота бугров 7–8 метров, – глубокомысленно заметил Васильев, разглядывая карту, когда они с Виноградовым сидели в парке, наблюдая за работой механиков.

– Важное географическое открытие. А что у тебя по топографии было в училище?

– Не помню, «хорошо» или «отлично».

Но до изучения ли карты было на Серебряном озере. «Пульку» на картах, конечно, успели расписать, но дальше этого дело не пошло. И кто знал, что эти бугры ещё и на дорожку выходят.

Из общения с командиром танкового взвода на посту нарисовалась ещё одна проблема. Боевые машины, переходящие речку должны были быть без боеприпасов. «Погранцы» тщательно проверяли всю боевую технику. В БМДэшках не было снарядов для пушек, зато был полный боекомплект для пулеметов. И что делать со всем этим добром было неясно. Сдать его не возможно, потому что некому, сваливать в кучу пулеметные ленты в парке не хотелось, чтобы не обижать ребят с поста, т.к. они отвечали за эту территорию.

Поэтому на проведённом военном совете Виноградов и Васильев приняли единственно возможное решение – концы в воду, всё – в речку. После этого навьюченные лентами механики караваном побрели к облюбованному деревянному мостику и оттуда предали реке все имеющиеся патроны в лентах калибра 7,62 мм.

Двинуться через мост смогли на третий день после обеда. Половина машин шла на сцепке.

Свой берег встретил густой прибрежной зеленью в то время, как за спиной оставалась пустыня.

Старший смены холёвенький лейтенант пограничных войск во время проверки документов всё время делал строгое лицо. «Погранцы» начали тщательный досмотр машин. Механики скучали возле брони и с ухмылками наблюдали, как те складывали на кучку найденные в закутках патрончики. При этом «затаренные» в машинах китайские сервизы оказались вне их досягаемости.

Бурят, демонстративно сплюнув в сторону искателей патронов, пошёл по надобности в густые камыши возле берега и вернулся оттуда с бутылкой водки.

Толик с интересом посмотрел на находку, это была Столичная. Он отвинтил пробку и понюхал.

– Все ясно, военно-водочный бизнес по-узбекски. Бурят, можешь выпить её до дна, разрешаю.

В бутылке была вода. С такими штуками воины-интернационалисты уже были знакомы, покупая оптом, реже – в розницу огненную воду для перевозки её на другой берег. Предприимчивые восточные бизнесмены не утруждали иногда себя розливом даже паленой водки, а заливали просто воду.

Хороших часа три провели на границе, а когда товарищ лейтенант пограничных войск КГБ СССР начал рассказывать, как надо правильно воевать в Афганистане, перешли на повышенные тона.

Движение в направлении конечного пункта путешествия начали вечером. До Термеза было порядка девяноста километров, но – под луной без мин на дорогах, без обстрелов, без засад. Ощущение мира и безопасности пьянило всех.

Километров двадцать шли, кто как мог, по скорости, не особо соблюдая дистанцию.

Толик остановил головную машину Бог весть в каком поселке. Вдоль шоссе простирались виноградники и бахчи с дынями. Когда колонна подтянулась, он дал команду на привал и ночлег.

– Бурят, давайте, дуйте с Акиншиным к землякам в гости в ближайший дом. Поговорите насчёт ужина.

Акиншин был родом из Ташкента, его родители, бабушка и дедушка жили там, поэтому Толик взял его в командировку, чтобы было где заночевать на обратном пути.

Гонцы вернулись очень быстро.

– Хозяин просит продать тент с БМД и за эти деньги он нам даст еды на всех. Сконфуженно доложил Акиншин.

– Ну, вот и традиционное восточное гостеприимство. И сколько дает за тент земляк?

– Рублей сто, но можно поторговаться.

– Володя, ну шо будем делать? Толик обратился к Виноградову.

– Конечно, даём, на кой нам нужен этот тент? И без него примут.

Ужин под звёздами с лепешками, мясом, виноградом и дынями показался необыкновенно вкусным. Спали все тоже под звёздами на броне и на земле, расстелив оставшиеся тенты и матрасы.

Давно уже так не спалось Васильеву крепко и безмятежно.

Ближе к обеду следующего дня в Термез от колонны вошло три БМД. Васильев и Виноградов сидели на броне машины Кожевникова, за ними шли ещё две на сцепке. Остальные остались, кто где на трассе на подходе к Термезу.

Жара зашкаливала. Воздух был сухой и горячий. В Термезе первое, что бросилось в глаза, – стоящие на тротуаре вдоль

дороги бочки, такие, как для кваса в европейской части Советского Союза. Здесь же продавался морс.

В Учкызыле, возле Термеза находилась база, где сосредоточивалась техника для отправки на заводы в капремонт.

Васильева и Виноградова очень радушно встретил майор, дежурный офицер по оперативной группе на базе. Толик сразу же выдал ему бакшиш и рассказал, что остальные машины стоят по маршруту.

– Ребята, вы своё дело сделали. – Машины притянут сюда, не волнуйтесь, и со сдачей я помогу.

– Я дам дежурную машину. Вас отвезут в Термез в офицерскую общагу, там где-нибудь пристроят. Рядом офицерское кафе поедите там. Если захотите сдать чеки, тоже обращайтесь, чтоб не нажухали аферисты.

В общаге их поселили в комнату со свободными койками, хозяева которых были на полигоне.

– Ну, теперь – в кафе. Мне нравится город Термез, – удовлетворенно заметил Виноградов, когда они бухнулись на койки.

– Ташкент лучше, – философски ответил Васильев.

В кафе первый вопрос, с которым Толик обратился к пожилой официантке, был по-военному краток.

– Скажите, у Вас водка есть?

– Сынки, она тёплая, у нас холодильник сломался.

– Ну, что же делать, несите. Будем пить тёплую, как японцы.

Когда после сытного обеда и тёплой водки они вышли на пышущую сухим жаром улицу, их сразу же потянуло к бочке с морсом, и это была ошибка, потому как утолить жажду хватило только на отрезок пути около 400 м до второй бочки, потом была третья.

Кроме бочек с морсом, местной достопримечательностью были арыки, проложенные вдоль тротуара.

После третьей бочки, им стало весело от происходящего. Под ласковую и понимающую улыбку торговца морсом, они сняли с себя полевую форму одежды и сложили её на бережке. Затем аккуратно зашли в арык и уселись на илистое дно. Вода им была по грудь. Они смотрели друг на друга и безмятежно улыбались...

В местном дукане. Торговаться в дукане – старая афганская традиция

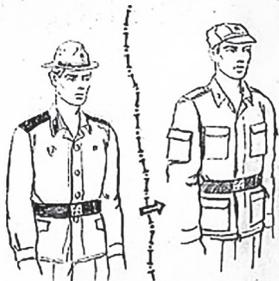
С афганскими товарищами возле дукана

Остановка «леточки» на Кабул перед батальоном

Сын Военного советника Валерия Аблазова, Ваня Аблазов с афганскими солдатами, охраняющими советский микрорайон

Вопню интернационалисту

Пересекать государственную границу только в установленной форме одежды! Строжайшим образом хранить военную и государственную тайну!

УРА! УРА! КОМАНДИРОВКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ СТАРТОМ ИЗ ТАШКЕНТА, ГОРОДА ХЛЕБОСОЛЬНОГО

1.

Уже вторые сутки все с волнением ждали возвращения Бурята в Ташкент. Больше всех переживал Виноградов, как старший группы. Самовольное оставление воинской части или дезертирство, как следствие – срок. Это всё светило Буряту, если вернутся без него в Гардез.

После успешной сдачи техники в Термезе, благодаря воле Аллаха и розданным бакшишам, в командировочном предписании дата обратного отъезда в «родной Афганистан» была перенесена на неделю вперед.

Таким макаром, у сводного десантного отряда появилось семь дней на «разграбление» города. Пребывание в Термезе,

учитывая температуру воздуха близкую к 50 градусам по Цельсию, оставило не только самые жаркие, но и душевные впечатления особенно в ресторанах термезского гарнизона.

Способ утоления жажды после теплой водки и не охлаждающего арыка с морсом в первый день был решительно изменён в пользу холодного шампанского. Виноградов и Васильев пили его так, как представители загнивающего Запада пьют враждебную Кока-Колу. С шампанским коротали и пыльную дорогу в тамбуре поезда Термез-Ташкент.

В Ташкенте сразу поехали к дедушке и бабушке Акиншина. Дедушка, а для них дядя Ваня, как старый фронтовик, разместил на постой девять бойцов радушно и без лишних вопросов. За плечами бабушки был свой нелёгкий военный опыт. Она приехала товарняком в Ташкент в эвакуацию, да так и осталась здесь на всю жизнь. «Ташкент – город хлебный» – так назывался один из советских кинофильмов.

Командирское совещание провели за столом с баранками, восточными сладостями и зелёным чаем в пузатом фарфоровом заварнике. Дядя Ваня степенно колдовал над чаем, переливая его из заварника в пиалу, а затем обратно.

Самым главным вопросом было хранение оружия. Покряхтев, он принял его по описи и сложил на антресолях, превратив их в ружейную комнату.

Инструктаж рядовых гвардейцев был предельно прост: товарищи командиры убывают на 5 суток в город их курсантской молодости Киев. Личному составу переодеться в гражданскую форму одежды. Увольнительную они получают на этот же срок. Воинскую дисциплину не нарушать! Каждый головой отвечает за себя и помнит, что вся ответственность лежит на их командирах. В случае выезда на родину, кому не далеко, пользоваться только поездом, где не проверяются документы. Сбор у дяди Вани в назначенное время.

В общем, количество нарушений воинских уставов, на какие пошли товарищи лейтенанты, зашкаливало, но это по меркам мирного времени. В условиях же выполнения интернационального долга они были уверены, что дело их правое и никаких сомнений в правильности принятого решения не возникало.

Оправдание было одно, в глубине души каждый понимал, что всё может случиться, и никто не застрахован от возвращения на Родину в следующий раз «Черным тюльпаном».

После размещения личного состава, которому для ночёвки была выделена гостиная с плацкартными местами на полу, Виноградов и Васильев отправились в гости к родным Игоря Чернявского, где всегда были рады сослуживцам сына и внука. Вечером опять-таки традиционно ужинали в «Заровшане» с сестрёнкой Игоря и его супругой.

В «Заровшане» царила удивительная атмосфера праздника жизни, украшенного восточными танцами на сцене и шёлковыми прозрачными нарядами барышень и дам в зале. Там всегда было много афганцев. После сбора хлопка в ресторане собиралось студенчество и местная интеллигенция, чтобы отметить возвращение со своей «хлопковой войны». Из общения с ними Васильев много узнал нового о режимном ударном труде на хлопковых плантациях. Плакаты с рекордными цифрами собранного урожая хлопка для советской страны под чутким руководством коммунистической партии встречали прилетающих в аэропорту, и сопровождали по всему городу. На этих же плакатах широко улыбался собранному урожаю дорогой Леонид Ильич Брежнев, удивительно напоминавший уроженца ферганской долины.

На следующий день офицеры совершили культпоход в «чековый» магазин. Заинструктированные до слёз, Васильев и Виноградов высокомерно отбрасывали все заманчивые

предложения по обмену чеков на рубли, поступавшие как от отдельных граждан, так и групп товарищей, явно не участвовавших в сборе хлопка по идейным соображениям. Васильев купил в подарок папе небольшой «Панасоник», для мамы ещё в Кабуле был приобретён кофейный сервиз.

Гордые тем, что не попались на удочку ташкентских аферистов, они затем поехали в Ташкентское ВОКУ, где проходил выпуск молодых офицеров. Виноградов хотел кому-то передать привет из 56-й ДШБР. Причём вырядились с афганским шиком в выгоревшую спецназовскую «песочку» и кепи.

В училище был день открытых дверей. Но на главной аллее их остановил полковник, заместитель начальника училища и отчитал, как нерадивых курсантов.

– Товарищи лейтенанты, как Вам не стыдно? Сегодня здесь праздник, а Вы пришли пугать девушек и мам своим фронтовым видом.

Сказав это, он развернулся и пошёл в сторону плаца.

Пристыжённые Виноградов и Васильев опешили от услышанного и даже не попытались что-либо возразить.

– Да, пижоны нечего сказать, невесело заметил Виноградов.

– Пошли отсюда, не будем людям портить праздник. Нам ещё билеты брать надо на самолет, – ответил Васильев, вспомнив свой выпуск и курсантскую любовь Марину в бальном платье. Их выпуск был омрачён смертью накануне начальника училища Вениамина Ивановича Ляшко, «Вени», как его называли курсанты. Всё это теперь казалось далеким и нереальным.

В аэропорту шум и суета возле касс напоминала восточный базар. Васильев решил лететь на Днепропетровск, чтобы навестить родителей, а обратно на Ташкент, по возможности, через Киев. Виноградова ждала супруга в Москве у своих родителей.

Ни на Днепропетровск, ни на Москву билетов не было. Выход из затруднительной ситуации был хорошо знаком воинам-интернационалистам.

– Товарищи, у нас бронь. Виноградов культурно, но решительно пошёл на штурм к амбразуре кассы, держа в руках синий служебный паспорт.

– Извините, пожалуйста, мы от военного коменданта. Васильев прикрывал его прорыв, быстро реагируя на слабые возражения томящихся в очереди к кассе граждан.

Кассирша приветливо улыбнулась и взяла синие паспорта, в каждый из которых были вложены по пятьдесят чеков одной купюрой.

После приобретения билетов на дорожку выпили шампанского в буфете аэропорта. На трапе самолета Васильев, вдохновлённый шампанским, подобрал кем-то обронённый букет цветов и вручил его барышне, оказавшейся на соседнем кресле. Правда, чуть позже его пришлось вернуть стюардессе.

2.

Самолёт приземлился в Днепропетровске около десяти часов вечера. Душа Васильева пела от предвкушения встречи с домом. Оставалось только решить, как добираться до родных Жёлтых Вод. Можно было поехать к днепропетровским родственникам и заночевать у них, а утром добираться автобусом. Но так хотелось побыстрее домой!

На стоянке такси было много машин, а водители сновали в толпе прибывающих пассажиров и предлагали свои услуги.

– Сколько до Желтых Вод? Поинтересовался он, ради интереса, у приблизившегося к нему таксиста.

– Сто, командир, – кратко ответил тот. Это было больше чем билет на самолет Ташкент-Киев.

– Сколько той жизни, главное, что через три часа буду дома, – подумал Васильев.

– Поехали.

– Едем, командир, давай только пять минут подождём, может быть, ещё кого-нибудь прихватим.

Из здания аэропорта продолжали выходить пассажиры ташкентского рейса. К ним приблизился подтянутый мужчина лет тридцати пяти в джинсах из Афганистана, сильно отличавшихся от здешних, и батнике. В одной руке он нес увесистый портфель в другой пакет с новыми джинсами.

– Ребята, Вы куда едете?

– А вам куда? – живо отреагировал таксист.

– Я в Кривой Рог в командировку на комбинат.

– Можно, только через Жёлтые Воды.

– Отлично, едем, – сказал он с улыбкой.

– Меня зовут Слава, – он протянул руку Васильеву. Рукопожатие было крепкое. Черты лица чем-то напомнили Высоцкого.

– Что, из-за речки? Вопрос звучал по-ташкентски. Я вот тоже бакшиш везу в Кривой Рог, ваш, афганский. Он показал пакет с джинсами.

Разместились на заднем сидении. Васильев за водителем, попутчик Слава возле дверей. Машина потихоньку тронулась и, проехав метров тридцать, остановилась у голосующего товарища в очках и кожаной папкой в руке. Он открыл переднюю дверь.

– Шеф, можно с Вами до города?

– Садись, только быстрее.

Метров через двадцать стоял ещё один голосующий. Водитель обернулся и спросил Васильева извиняющимся тоном.

– Подберём, если он до города?

– Конечно.

Машина с полным экипажем наконец-то набрала скорость, из радиоприёмника зазвучала песня Челентано, от этого стало ещё теплее на душе.

Сидящий на переднем сидении обернулся и участливо обратился к Васильеву и сидящему рядом Славе.

– Что, ребята, из Афганистана?

– Нет, я из Ташкента. – ответил небрежно Слава.

– А шо, заметно? – весело спросил Васильев.

– В военный госпиталь из Ташкента стали переправлять много афганцев в инфекционное отделение с гепатитом, мне мои коллеги сказали.

– Ещё анекдот афганский рассказали:

– В кабаке офицер-афганец в третий раз приглашает подругу на танец и во время разговора только что-то мычит нечленораздельно. Подруга смотрит на него и спрашивает с опаской, а что у вас с речью? Вы нормальный? Да, отвечает офицер, только у меня язык колом встал.

В салоне раздается дружный смех.

– Я тоже слышал, – подключается товарищ с заднего сидения:

– В парикмахерской стрижется афганец. Парикмахерша его раз за разом спрашивает: Как обстановка в Афганистане? И он каждый раз отвечает: Нормализуется... Когда она его достригла, он обращается к ней: А зачем вы меня так часто про обстановку в Афганистане спрашивали? – Когда я спрашивала, у вас волосы дыбом становились, стричь легче было.

Снова звучит громкий смех.

– Классно едем, говорит товарищ в очках. Я в аэропорту провожал коллег на медконференцию, и мы весело коротали время за коньячком и картишками. Сегодня ребята со скорой забавную игру показали. Тринька, называется. Могу показать, если хотите.

– Да тут неудобно играть, неуверенно говорит Слава, сидящий теперь вплотную с Васильевым.

Товарищ, сидящий за ним, вступает в беседу:

– Нет, ну если только посмотреть. А это много займет времени?

Васильеву весело от предложения, тем более, что в батальоне они тоже коротали время за картами, только расписывали «Пульку».

Товарищ с переднего сидения разворачивается к ним, поправляет очки, кладет папку на колени сидящих и сдаёт по три карты.

– Это быстро. Только надо всем сделать символический банк из мелочевки, – он кладет трешку, остальные следуют его примеру и складывают в банк по мелкой купюре.

– И что дальше? – спрашивает сосед Славы.

– Ничего, это все. Можно вскрыться, и у кого больше карты, тот и выиграл банк.

– Ну что, вскрываемся? Или можно ещё круг сделать, только с повышением, – он кладет в банк пятёрку. Все смотрят в свои карты и добавляют в банк, каждый повышая на несколько рублей.

– Да, не шахматы, – замечает Слава и вскрывает карты.

Все вскрывают карты, у Васильева больше всех.

– Всё, банк твой, командир, – говорит товарищ в очках и передаёт Васильеву кучку купюр.

– Надо же, – думает Васильев, – и в карты сегодня везёт.

Народ в салоне улыбается. Товарищ с первого сидения собирает колоду и обращается к водителю, уточняя, как тот будет ехать через город.

– А можно ещё разок? Спрашивает неугомонный пассажир. Ну, шоб отыграться, я чувствую, мне повезёт и будет на пиво.

– В принципе, можно, если только остальные не против. Как говорится, гусары пьют до дна... Но только разок, а то мне скоро выходить.

Он тасует колоду, даёт сбить Васильеву и раздаёт карты. В банк он бросает двадцатипятирублевку.

– Ого, – говорит инициатор игры, – да тут не на пиво, а на коньяк армянский хватит. Ладно, кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Даю тридцать.

Слава молча кладет сорок и смотрит на Васильева.

– Ладно, мизера ходят парами, – думает Васильев, – и достаёт из заднего кармана полтинник.

– Теперь можно или вскрываться или повышать банк..., – дирижирует процессом товарищ с переднего сидения.

– Эх, была не была, – он открывает свою кожаную папку и достаёт из неё сто рублей купюрами по двадцать пять и кладёт в банк.

– Ничего себе, – озадаченно замечает любитель пива. – Мы так не договаривались, я – пас, а то от жены точно достанется.

Наступает очередь Славы. Он долго смотрит в свои карты, цокает языком лезет в карман джинсов и кладет в банк сто пятьдесят рублей.

Чтоб не ударить в грязь лицом, Васильев с каким-то непонятно откуда взявшимся азартом достаёт портмоне и отсчитывает двести рублей.

– Ну, мужики, вы даёте. У меня только казённые деньги, – пассажир снимает очки, протирает их. Заметно, как он нервничает. Он вытирает лоб носовым платком. Затем снова открывает замок кожаной папки и кладет в банк двести пятьдесят рублей.

– Пас, – Слава качает головой, – так я до Кривого Рога не доеду.

Васильевым овладевает спортивная злость. Он прикидывает, что наличкой у него осталось триста и двести за такси.

Остальные на банковском счету в сберкнижке. Правда в сумке в багажнике есть ещё чеки и магнитофон. Нет, то НЗ и подарок. Мысленно решает он:

– Есть такая команда в армии: Отставить!

Внимательно наблюдая за нервничающим очкариком, теперь он так его окрестил, Васильев, стараясь выглядеть уверенным, выкладывает в банк триста.

Слава смотрит на банк и Васильева и неодобрительно покачивает головой, стараясь чтобы было незаметно, он поворачивает свои карты в сторону Васильева. Хотя, это и необязательно, у Васильева масть все же сильнее. В это время очкарик ёрзает на переднем сидении и суетно начинает шарить по всем карманам. Достает мятые купюры, считает и складывает в банк.

– Здесь триста двадцать. Предлагаю вскрыться, – слегка заикаясь говорит он и снова протирает лоб платком.

У Васильева больше нет выбора. Повышать ставку больше нечем.

– Вскрываемся, непринуждённо говорит он и открывает карты. Очкарик всматривается и со вздохом облегчения открывает свои карты. У него больше. Он снимает очки и протирает стекла.

– Вот это повезло, вскрикивает сосед Славы. – Да-а-а, ну, ничего, командир, тебе в любви повезёт...

Очкарик собирает деньги в банке и прячет их в папку. Всматривается в окно и просит водителя остановить через пятьсот метров.

– Да, бывает же такое, – вроде как виновато произносит он и протягивает всем руку для прощания. Рука у него влажная и рыхлая.

– Вот же повезло, – продолжает завидовать разговорчивый пассажир после того, как очкарик выходит из машины.

– Ничего, переживём, – отвечает Васильев и отворачивается к окну. Ему уже надоедает этот говорун. За окном плывет вечерний город. Главное, что магнитофон и сервиз в сумке, впереди дом.

Разговорчивый выходит через пять минут.

Васильев и Слава остаются вдвоем в салоне.

– Володя, не расстраивайся, – Слава как-то пытается поддержать Васильева.

– Да все нормально... – Васильеву теперь хочется закрыть глаза, что он и делает, откинувшись на спинку сидения, слушать музыку, и ни о чём не говорить. Он быстро засыпает и открывает глаза уже в Жёлтых Водах. На душе легко и светло, невзирая на обстоятельства. Он в городе детства.

Машина останавливается возле дома. Слава выходит из машины и помогает достать сумки из багажника.

– Куда ты, Слава, на ночь глядя поедешь? Обращается к нему Васильев.– Может, переночуешь у меня, а завтра утром в свой Кривой Рог?

– Ничего, Володя, прорвёмся.– Удачи тебе там, в Афганистане и в любви. Они крепко жмут друг другу руки.

3.

Озарение пришло к Васильеву утром. Анализируя всё по порядку в деталях, он пришёл к неутешительному для себя выводу. Как-бы это сказать помягче, его просто объегорили. Он попросту расслабился после Ташкента на родной земле. Ну что ж, будет, о чём вспоминать и рассказывать. Но разыграно всё было, как по нотам. Надо отдать должное артистичности и профессионализму земляков... Теперь он вспомнил, что даже движение карт при сбитии им колоды было не таким, как обычно.

Через два дня Васильев улетал из Днепропетровска в Киев. Его вечерний рейс задерживался по техническим причинам. Желание подтвердить свои выводы не оставляло его все это время. До прилета ташкентского рейса оставалось немногим больше часа и он решил погулять по залу ожидания, внимательно рассматривая пассажиров.

Когда он увидел знакомую тройцу, сидящую рядом, ему стало просто забавно. Ни секунды не сомневаясь, он направился напрямик к ним.

– Привет, ребята! Как дела? Рейс из Ташкента встречаете?

– Ему было приятно наблюдать некоторую растерянность на лицах сидящих товарищей, поэтому он продолжил с тем же напором.

– Вы знаете, мой дядя начальник Ленинского райотдела ОБХСС. Я ему позвонил, он сейчас подъедет. Сыграем вместе?

Первым не выдержал очкарик. Он засуетился, начал протирать лоб и очки платком. Резко вскочил и, буркнув сердито, что ничего не понимает ускоренным шагом пошел к выходу.

– Ну что, жена не ругала, что поздно вернулся домой без пива? – Теперь Васильев обратился к неугомонному попутчику. Тот тоже что-то буркнул и быстро рванул за очкариком.

Слава оставался спокойным и с легкой улыбкой смотрел на Васильева. Васильев сел рядом. Ему чуть полегчало от позорного бегства граждан аферистов.

– Володя, пошли в бар, посидим, коньячку выпьем, поговорим... Слава говорил располагающе даже в этой ситуации.

– Можно... – так же, с усмешкой ответил Васильев.

Они вышли из здания аэропорта, и, по предложению Славы, пошли в аэропортовскую гостиницу. В баре было многолюдно, приглушённый свет и негромкая музыка создавали свой уют. Бармен тепло поздоровался со Славой, тот за-

казал по сто коньяка и шоколад. Они устроились за столиком в уголке.

– Володя, ты понимаешь, я шпилер, – начал первым разговор Слава.– Если ты думаешь, что всё это мне доставило удовольствие, то это не совсем так.

Васильев впервые в жизни слышал это слово.

– А что означает шпилер?

– Ну, игрок... Он пригубил коньяк, поставил бокал и начал ломать шоколад, не снимая обертки. Васильев тоже отпил немного коньяка.

– Причём неплохой игрок, это моя профессия. И играю я всю свою сознательную жизнь, часто по крупному. И по-другому уже не будет. А в этой компании я временно. Меня тоже немного подставили. Теперь я должен «Доктору». Это тот, который был в очках, а долг надо отдавать. Вот и работаю с ним, пока долг не отдам.

Бар постепенно наполнялся посетителями. Некоторые, заходя, приветливо махали Славе. Зашли в бар и два милиционера, они тоже кивнули Славе. Тот в ответ поприветствовал их пионерским салютом.

– Что, друзья? – насмешливо спросил Васильев.

– Они дежурят в аэропорту и прикрывают нас за умеренную плату, – спокойно ответил Слава.

Васильев отпил ещё коньяку, мысли его путались. Образ милиционера для него воплощали Юматов и Лановой в «Петровке, 38». Преступники казались людьми оступившимися, и они должны встать на путь исправления к концу фильма.

– Ты сидел? – спросил он у Славы.

– Да, за мошенничество в колонии общего режима под Иркутском. Кстати, освоил несколько специальностей: «завбиблиотеки», «завклуба», «начальника лесопилки», «завгара», – с усмешкой ответил он, и добавил:

– Освободился, с женой развелись, детям оставил дом, и помогаю.

– Шо ж ты не стал машины гонять за Урал после освобождения, как в песне Высоцкого? – В Васильеве снова поднялась праведная волна и желание перевоспитания, теперь вспомнился фильм «Калина красная»...

– Так он же тоже не гонял, а только пел об этом, – с улыбкой ответил Слава.

– Володя, у меня батя сталинцем суровым был, в кители и сапогах его помню по детству. Окончил он свой славный путь в колонии, недалеко от той, где я потом сидел. Так что моё коммунистическое воспитание на том и закончилось, а в детдоме для детей репрессированных советских руководителей пионерской организации не было.

В зал зашли три офицера-летчика, увидев Славу, подошли к столику, поздоровались за руку. Васильев по-прежнему ощущал полную кашу в мыслях.

– Здесь лётная часть стоит возле аэропорта, – пояснил Слава, – Ребята неплохие, но бухают сильно. Иногда займы просят. Даю, конечно.

– Ладно, за знакомство, – Васильев протянул бокал с коньяком. Они чокнулись. – Слушай, Слава, а как так странно колода сбивалась?

– Учись, командир, пока я жив... – Он достал колоду карт из портфеля, разделил её приблизительно пополам и обе половинки согнул пальцами в дугу. Затем аккуратно расправил, сложил вместе и предложил сбить Васильеву. Васильев слегка прикоснулся к колоде и её разделённая половинка легко пошла вперед.

– Да, шо называется, ловкость рук и никакого мошенничества. «Надо будет ребятам в батальоне показать» – подумал Васильев.

В это время за соседний столик села симпатичная стюардесса.

Васильев и Слава одновременно посмотрели на нее, оценивающе.

После чего Слава встал и отрывисто, как на служебном совещании, подал команду:

– Товарищи офицеры!

Стюардесса удивлённо посмотрела на него, а он, имитируя строевой шаг, направился к барной стойке.

Через две минуты он наливал шампанское в бокалы, а Татьяна, так звали стюардессу, залиvisto смеялась его «гусарским» комплиментом. Самое интересное было то, что она была с борта на Киев, которым должен был лететь Васильев.

– Ну что, дети мои, я вынужден Вас покинуть. У меня завтра международный симпозиум. Танечка, не обижайте воина-афганца, приютите его, обогрейте... Я знаю, что вы надёжная, как весь гражданский флот...

Слава встал и церемонно раскланялся перед покрасневшей Татьяной.

Васильев тоже встал и, дождавшись окончания церемонии расшаркивания, пошёл с ним к выходу из бара.

– Танечка, мой друг Володя сейчас вернётся, – Слава лучезарно улыбнулся.

Выйдя на улицу, Слава достал сигарету и закурил.

– Володя, ни в Киеве, ни в Днепре возле чекового ни с кем не связывайся. По вам работают целые бригады... Там есть несколько фокусов, деньги за чеки могут заворачивать в бумагу и подменять – это кукла. Могут ломать пачку купюр после пересчета, это, когда якобы не хватает пару червонцев. Червонцы добавляют, извиняются, а в пачке уже не хватает половины денег. Короче, чтоб отстали, отвечай сразу: «Ищите лохов в другом месте».

Это слово, явно не из словаря Даля, Васильев тоже слышал первый раз в жизни.

– Прилетишь в Днепр, найди меня, посидим где-нибудь в хорошем месте. Я пока буду работать в аэропорту с «Доктором» и «Кенарем». Спросишь у бармена Славу «Рогана». Он подскажет, когда я буду. Давай, командир, возвращайся живым, – Слава протянул руку.

Васильев пожал его руку, и с усмешкой ответил:

– Прилетай в Кабул, Слава, там тоже работы много. В дуканах и на базарах чеки на афгани меняют, правда, если что не так, могут яйца отрезать...

Слава расхохотался, повернулся и пружинистой походкой направился к стоянке такси.

Васильев вернулся в бар. Татьяна встретила его ласковой улыбкой...

4.

В Ташкенте Васильев поскромничал и не стал рассказывать Виноградову о своих приключениях. Неприбытие Бурята в назначенное время омрачало настроение. По словам бойцов, он уехал автобусом в Фергану к родственникам.

Слава Богу, к обеду второго дня он явился, как «красно солнышко», с торбами, наполненными дарами ферганской долины.

Он виновато стоял во дворе возле дома перед Виноградовым с опущенными глазами, сияя веснушками. Ругать его просто было невозможно.

– Бурят, дал бы я тебе по твоим растопыренным ушам. Ты что, позвонить не мог дяде Ване?

– Я номер телефона забыл, – он виновато шморгнул носом.

– А писать тебя учили в твоей бурятской школе?

– Ладно, живи. Помни мою доброту. Иди, угощай дядю Ваню, он тебе тоже пару ласковых слов скажет.

Груз свалился с плеч Васильева и Виноградова. Однако финансовое положение после отпуска не позволяло достойно провести вечер перед отлетом в Кабул.

– Есть план.– Загадочно произнес Виноградов и пошёл вслед за Бурятом в дом.

Вернулся он с кораном в руках, и присел на лавочку возле Васильева.

– Смекаешь? – С оптимизмом спросил он. Это был самый большой по размеру коран из тех, что Виноградов выбрал в канцелярии «девятки».

– Понял, не дурак. Только я в засаде буду тебя ждать возле мечети.

– Да, ты настоящий товарищ. Прошу считать меня коммунистом, если я не вернусь со встречи с правовежными.

– Ты же и так коммунист.

– Ну, тогда поехали...

Операция прошла без потерь. Помня заповедь товарища Сухова про восток, Толик не стал соваться в мечеть сам, а обратился к товарищу возле входа, тот кивнул и зашёл вовнутрь. Через некоторое время к нему вышел, должно быть, служитель культа, молча взял завёрнутую в газету книгу и ушёл с ней.

Минут через десять вышел третий человек, протянул Виноградову руку и также развернулся и ушел.

– Двести! – выдохнул Виноградов, подойдя к месту засады, где его ждал Васильев.

– Ну, и смотрели же они на меня недобро, прямо, как духи. Ладно, главное, что получилось. Едем, в видеобар в «Заровшан». Там шоу Бенни Хилла посмотрим...

Выезд от дома дяди Вани на пересылку, чтобы оттуда ехать на военный аэродром, наметили на пять утра, но не выехали ни в пять, ни в шесть, ни в семь.

Теперь отличился внук фронтовика. Акиншин приехал только к 9 утра. Дед был по-военному строг и отчитал внука, да так, что Виноградову уже и добавить было нечего.

Причина опоздания была очень серьёзная: он попрощался с девушкой, и она его не отпускала.

Виноградов только махнул рукой.

– В бригаде поговорим.., – только и сказал он.

Выезд был перенесён на следующее утро. Акиншину было приказано ночевать у деда вместе со всеми и никаких больше ночных прощаний, а у любимого личного состава появился ещё один день на разгильдяйство.

Товарищи лейтенанты использовали день для продолжения просмотра жизнеутверждающих несоветских весёлых сериалов в видеобаре под коньячок.

По возвращению в бригаду, Виноградов взял «шефство над Акиншиным», держал его возле себя, шоб, не дай Бог, ничего не вышло. Но перед самым дембелем тот воспользовался случаем, когда Виноградова не было в бригаде, и напросился на операцию. Это был его последний выход...

Виноградов позвонил в Бараки и всё рассказал Васильеву. Ему ещё предстояло встретиться с дедом и бабушкой Акиншина.

Как это не было тяжело, Васильев каждый раз, попадая в Ташкент, приходил в дом дяди Вани. Они сидели за столом с баранками и восточными сладостями, дядя Ваня колдовал над зелёным чаем, в глазах у него стояли слёзы.

Оказываясь в Днепропетровске, Васильев без труда находил Славу, они весело проводили время. Слава рассказывал с

юмором о делах своих грешных, а Васильев об успехах в боевой и политической подготовке. Последняя их встреча произошла в суде. Когда Славу в наручниках ввели в зал суда, он обаятельно улыбался. Увидев Васильева сидящим в зале, он подмигнул ему и ободряюще кивнул...

Ташкент. Урожай хлопка

Воину интернационалисту

Запрещается!

Заходить во дворы и другие дома местных жителей, заглядывать в их окна и двери, в лица женщины, вступать в разговоры с ними.

Воину интернационалисту

ЗАПРЕЩАЕТСЯ!

Вступать в несанкционированные связи, знакомства.

С ГОРЕЧЬЮ ... НЕ ОТ АФГАНСКОГО МЕДА...

1.

На «Мухамедке» кабульскую колонну подразделениям 3-го батальона 56-й ДШБР передавала на сопровождение рота 191-го мотострелкового полка. Ротой командовал Женя Селезнёв, однокашник Васильева по Киевскому ВОКУ. Вообще, в 191-м полку было много ребят из их выпуска.

Бывая в Кабуле, Васильев при возможности, заезжал к ним в гости в «Теплый стан» – так назывался район дислокации полка. Его всегда встречали там радушно и тепло. Вечером собирались за столом в офицерском «модуле» и делились столичными пехотными новостями и провинциальными десантными. Часто сидели в комнате Серёги Скуловатого, строгого и суро-

вого, несмотря на природную худобу и небольшой рост, профессионального «каптерщика» – сначала 1-й роты Киевского СВУ, а затем и 4-й роты КВОКУ.

Он был достойным воспитанником знаменитого суворовского старшины Ивана Григорьевича Коваленко (кличка «Борман» – после фильма «17 мгновений весны»), отдавшего суворовскому училищу двадцать пять лет жизни после суровой солдатской службы в морской пехоте. Старшину в роте боялись больше, чем начальника училища. Попасть к нему в каптерку на воспитательную проработку было сравнимо с медленной пыткой сжигания на костре. А получить от него один наряд вне очереди и быть под его неусыпным оком все двадцать четыре часа в сутки тоже – не дай Бог! Офицеры-воспитатели разбрасывались этими нарядами, как орехами, забывая о них на следующий день. Так что, Серёга был весь в него по хозяйственности и строгости.

Иногда застолье украшалось присутствием полковых или госпитальных барышень и дам. В этом было преимущество столичной жизни.

С другой стороны, офицеры в Бараках считали, что женщина в воинской части – это, как на корабле, к несчастью. Периодически из бригады до них доходили неуставные истории, самострелы из-за неразделённой любви, выяснения отношений с использованием огнестрельного оружия. Как-то один взводный долго искал после ужина замполита бригады с гранатой в руке, а потом залез к нему в КУНГ, выпил всё, что было в холодильнике, и заснул, потопив накопившуюся злость и ревность в алкоголе, принадлежавшем «комиссару». В итоге он, как и положено, – получил взыскание по партийной линии.

Васильев нашел Женю и всех его взводных на броне командирского БТРа возле здания поста Царандоя за общим

приторным занятием. Они увлечённо, за обе щеки, со смехом уплетали солдатскими алюминиевыми ложками жидкий мед из колониальных банок. В меду было всё: и щеки, и форменное х/б, и броня боевой машины.

– Здорово, пехота! Вам Гульбедин прислал медку? – пошутил Васильев, взбираясь к ним наверх.

– «Шурави-контроль» никто не отменял, – последовал весёлый ответ.

Проверки на дорогах иногда проводились совместно с представителями ХАДа или Царандоя. По данным информаторов, часто оружие провозилось в раскрашенных афганских грузовиках – «бурубухайках» с дровами, поэтому и устраивали такой контроль. Но в результате его, чаще всего в качестве трофеев контролёрам доставались арбузы, яблоки, сладости. Оружие, наверное, везли по другим дорогам.

– Ну, что, колонну сдал, колонну принял? – спросил Васильев.

– Ага... У нас обошлось без стрельбы. А вам удачи в вашей родной зелёнке. Будете у нас в Кабуле, милости просим... – не отрываясь от мёда, ответил Женья.

«Зелёнка» между «Мухамедкой» и Бараками была идеальным местом для нападений на колонны. Всё шоссе было в воронках от мин и фугасов, на обочинах лежали многочисленные скелеты сгоревшей боевой и автомобильной техники. Среди этого металлолома невинной жертвой оказалась и мусороуборочная машина, которую гнали в бригаду по заявке тыловиков. Её нетипичный вид вызвал особый интерес у «товарищей моджахедов». Они, должно быть, приняли её за новый образец советского оружия массового уничтожения или штабную машину и расправились с ней с особой яростью.

На этом участке между 3-м батальоном и душманами проходило постоянное «соревнование», кто кого перехитрит.

Порядок встречи и сопровождения колонн постоянно совершенствовался и менялся в зависимости от обстановки. Если вначале «броня» шла, распределенная по колонне, и просто отвечала на огонь из засад, то впоследствии стали выставлять неподвижные посты в самых опасных местах. Для того, чтобы обезопасить себя от выхода «духов» к шоссе, в глубину «зелёнки» высылались дополнительные группы. Позже стали применять выходы засадных групп в ночь накануне прохождения колонны или выброску их с вертолётов. А когда и этого оказалось недостаточно, стали проводить прочёсывание «зелёнки» до прохождения колонны. В пик особой «напряженки» вызывали «вертушки» огневой поддержки из Кабула для обработки местности.

В общем, каждый честно отрабатывал свой хлеб и «духи», и шурави.

Появление взволнованного Жени Селезнёва в комнате офицеров «девятки» 3-го батальона в Бараках через час после возвращения стало полной неожиданностью для Васильева.

– Володя, наш взводный, случайно не у вас в батальоне?
– Самим вопросом Васильев, что называется, был сбит с панталыку.

– Да нет, а что случилось, Женя?

– Наш взводный пропал... Когда мы двинулись из «Мухамедки» на Кабул встретили то ли остатки колонны, шедшей на Гардез, то ли новую, чёрт поймешь... Начался обстрел из «зелёнки». Мы помахались немного. А когда вышли из-под обстрела, выяснилось, что его нет на БТРе. Бойцы думали, что он после спешивания перешёл на другой БТР, – всё это Женя говорил отрывисто и нервно. – Ладно, Володя, мы погнались обратно на Кабул...

Васильев даже не знал, что сказать в ответ, он проводил Женю до дороги, где стояла его рота, и попрощался.

Возвращаясь к себе в расположение, он пытался понять, как это могло произойти, и не находил вразумительного ответа. Одним словом – пехотный бардак... Перед глазами Васильева стояла картинка смеющихся офицеров на броне, лакомящихся афганским медом.

За время службы Васильева в батальоне был только один без вести пропавший боец. Это был фельдшер из медпункта Вовы Войта, родом из Ленинграда. Он вышел ночью с группой 8-й роты и исчез при выдвижении к месту засады после привала. Группа до утра его ждала, а утром вернулась в батальон. Через несколько месяцев агентурщики получили информацию, что он жив и здоров и находится в банде. Ушёл он сам. Так что это был особый случай. А потерять командира взвода! Это и в плохом сне не могло ему привидеться.

Вечером в батальон пришло распоряжение, выйти на следующий день в «зелёнку» для обеспечения прочёсывания, которое будет проводиться силами 191-го мотострелкового полка.

2.

Утром «девятка» вышла в «зелёнку» и выставила неподвижные посты недалеко от «Мухамедки» вдоль шоссе с противоположной стороны от района проведения зачистки силами 191-го полка.

Васильев, взяв с собой Ягодкина с отделением Гладких, выдвинулся в глубину «зелёнки» и занял позиции для наблюдения вдоль небольшого арыка. В полукилометре от них находились дувалы кишлака. Кишлак был практически не разрушен.

Рота получила задачу стоять на постах в «зелёнке» до окончания прочёсывания. С ротой вышел зам. комбата капи-

тан Костенко. Он не очень давно был переведён в батальон из Джелалабада. В Афганистане он находился уже почти полтора года. На операции обычно выходил с одной из рот и активно искал встречи с противником, действуя инициативно, требуя этого и от всех офицеров. Внешне он отличался от баракинцев тем, что вместо панамы носил пилотку, подломленную возле звёздочки по образцу пилотки офицера Вермахта. Такие штучки армейской моды Васильев помнил ещё по училищу.

Васильев с ним уже чуть-чуть повоевал на прочёсывании. В принципе, всё прошло нормально, и замечаний за действия взвода от Костенко он не получил. Нарвавшись на «духов», его бойцы действовали спокойно и грамотно. Пока часть взвода вела вялую перестрелку, Ягодкин и «Ко» по арыкам, прорытым для полива полей, где ползком, где бегом, где «рачки», зашёл духам во фланг и покуражился, заставив их быстро уйти, потеряв несколько галошей.

Кроме своей решительности, на операциях Костенко проявлял быстро ставшую известной и другую страсть – лично разбираться с пленными или задержанными. Пленных он предпочитал не оставлять в живых.

Ближе к обеду два брата-акробата, Ягодкин с биноклем на груди и Гладких с загадочной улыбкой, находившиеся на правом фланге, доложили Васильеву.

– Товарищ лейтенант, – начал Ягодкин, – есть подозрительный дувал...

– Надо бы проверить. – Дополнил Гладких, как всегда, из-под лба, внимательно посмотрев на Васильева...

– Может, вы что-то перепутали, орлы? Сегодня не мы зачистку делаем, а пехота. Или на одно место приключений захотелось? – отреагировал Васильев.

– Не-е-е., серьёзно, товарищ лейтенант. – Ягодкин сделал обиженную гримасу.

– Там на крыше бача сидит, и у них, как в карауле, смена происходит через какое-то время, – мягко уточнил Гладких.

– Ну, показывайте, юные следопыты, – согласился комвзвода.

На высоком, в форме куба, строении-башне в центре жилых глиняных построек, обнесённых глиняным забором, действительно сидел то ли мальчик, то ли юноша. Через несколько минут он исчез, а затем снова появился.

– И что, всё время так сидит? – уточнил Васильев.

– Его ещё другой менял и тоже сидел и смотрел... Им что, делать нечего, что они на крыше полдня сидят? – возмущённо произнес Ягодкин.

– Ладно, я понял... Ягодкин, оставайся с группой и наблюдай. Гладких со мной, идём к броне. Я доложу Костенко, – подытожил Васильев.

С машины Васильев связался с Контио, который был за ротного, и кратко изложил ситуацию. Через несколько минут Контио вышел по связи на Васильева и сказал, что Костенко выдвигается к нему...

Костенко подъехал к посту на БТРе Управления, его сопровождали три орла, которых он выбрал в батальоне для своей личной охраны.

Когда Ягодкин показал Костенко дувал с наблюдателем на крыше, тот, недолго раздумывая, принял решение.

– Так, выдвигаемся скрытно, насколько получится, затем бросок и делаем зачистку, – его уже охватил охотничий азарт.

Метров за двести от жилища начиналась открытая местность, это были огороды. Когда группа в полный рост побежала к дувалам, наблюдатель нырнул вниз.

Деревянные ворота легко открылись от ударов бойцов. Костенко первым вбежал во двор и стал стрелять в воздух и по стенам построек. К нему навстречу с криком и плачем бросились женщины и дети.

– Где душманы? – заорал Костенко.

В ответ те закричали ещё громче.

– Дом обыскать!

Костенко окружила вопящая толпа. Из мужчин на дворе, оказалось только два старика, они протягивали к его лицу худые сморщенные ладони, сложенные лодочкой и, захлебываясь, что-то страстно тараторили.

– Были бы сейчас здесь духи, нам бы мало не показалось на огороде, во время этой «чапаевской» атаки, – подумал Васильев, и ему стало неприятно от всего происходящего.

Бойцы в это время шарили по всему жилищу, вышибая двери там, где они были.

В проходе из полуподвального помещения появился Ягодкин, таща за шиворот юнца лет шестнадцати. Схрон был оборудован именно там. Это была узкая ниша в которой можно было поместиться только лёжа. Её прикрывала лёгкая дверца, замазанная толстым слоем глины. Оружия там никакого не было.

Когда Ягодкин выволоч на двор парня, женщины с воплем бросились к нему, хватая за одежду и не давая вести его дальше.

Костенко поднял вверх АКС и стал стрелять в воздух, крича при этом: «Душман» !!!

– Все, уходим, – он схватил за рукав перепуганного пацана, и, угрожая стоящим и орущим автоматом, потащил его к выходу.

До арыка они дошли вместе, затем Костенко с пленным, которого вели его личные «нукеры», пошёл по «зелёнке» в сторону поста командира «девятки», приказав Васильеву с группой остаться и, если что, прикрыть их.

Через несколько минут Васильев услышал вопль и визг.

– Гладких, вперёд! Разберись, что там случилось.

Гладких вернулся и, волнуясь, медленно проговорил.

– Они его режут штык-ножами... Пронзительные крики продолжались минут десять.

– Рейнджеры х...вые, даже убить не могут тихо, чтоб не мучился, – презрительно произнёс Ягодкин.

В фильмах про Отечественную войну всегда показывали, как немцев убивали одним ударом ножа. Выглядело это красиво, – подумал Васильев. На душе было противно.

– Все, уходим к броне.., – не глядя на подчиненных, командовал Васильев.

Контио вышел по связи на Васильева и сказал, что получена команда сворачиваться и возвращаться.

– А что с прочёсыванием?

– Нашли труп взводного. Его подбросили на дорогу.

Труп взводного 191-го полка нашли в глубине «зелёнки», на тропе между разрушенными дувалами. Он не был изуродован, чего можно было бы ожидать в этой ситуации.

3.

Через несколько недель Васильев оказался в Кабуле. Он, по распоряжению командования батальона, выполнял деликатные поручения, и гостил в старом советском микрорайоне. Все поручения были выполнены, покупки сделаны и хотелось уже «домой». Тем более, что батальон должен был выйти на операцию к «Мухамедке». Но ни колонн, ни вертушек, как назло, не было.

Коротая время, он впервые побывал в Посольстве СССР, воспользовавшись любезным приглашением милейшего полковника Осипова, советника МВД, у которого квартировал.

Территория Посольства приятно поразила торжественностью комплекса зданий, ухоженностью, большим количе-

ством зелени, кустов цветущих роз, теннистых аллей и особенно – голубым бассейном.

– Да, это не наш надувной бассейн с химроты, – подумал Васильев, – это бассейн для небожителей, имя которым – советские дипломаты.

Именно этот голубой бассейн окончательно утвердил в нём желание стать военным дипломатом.

На третий день кабульского вояжа Васильев встретился с Женей Селезнёвым. Тот приехал на базар в микрорайон и рассказал, что его рота принимала участие в съёмках фильма «Жаркое лето в Кабуле» с Николаем Олялиным в главной роли, а на следующий день должна выйти к «Мухамедке» для встречи колонны из Гардеза. Это подходило Васильеву. Там можно было пересечь на колонну батальонного сопровождения.

– Ну и как кино? - не удержался от вопроса Васильев.

– Нормально, переделали моих «чурок» в душманов и снимали, как они спускаются с горы к подбитому вертолёту. В общем: Мотор! Душманы пошли! Стоп! Плохо! Душманы на гору! Мотор! Душманы пошли! Вертолётчик! Огонь по душманам! Стоп! Он пулемёт не может зарядить! Душманы на гору! Ну, вот так до опупения под солнцем. После дня съёмок мои «душманы» попросили, чтобы их в кино больше не брали, лучше на операцию. А Олялин молодцом держался... – прокомментировал киносъёмочный процесс Женя.

Договорились, что Женя подберёт Васильева утром возле микрорайона, это было по пути выдвижения роты.

На следующий день рано утром, переодевшись в свою выгоревшую спецназовскую «песочку», с большим баулом за спиной, за полчаса до условленного времени, Васильев пошёл на то место, где его должен был забрать Женя. Когда он подходил уже к шоссе, прямо перед ним на высокой скорости без остановки пронеслись БТРы «жениной» роты.

Васильев вышел к дороге и грустно посмотрел им вслед. Вспомнил, как потеряли пехотного взводного:

– Может, и он также смотрел вслед уходящей колонне?

Возвращаться в квартиру гостеприимных хозяев после того, как уже попрощался, не хотелось.

– Пора и честь знать, – подумал он.

Невдалеке, на углу микрорайона была стоянка такси, туда он и направился, по пути, думая, что делать дальше.

Когда он подошёл к стоянке, из старой жёлтой тойоты с пашечками выскочил таксист и подбежал к Васильеву, хватаясь за его баул.

– Куда едем, командор? – весело затараторил он. – Недорого едем. Куда хочь? Аэродром хочь? Дворец Амина хочь? (в дворце Амина находился штаб 40-й армии).

Васильев сел на переднее сидение и, немного поразмыслив, спросил:

– В Мухамед Ага едем? Провинция Логар, знаешь дорогу?

– Едем, командор. Чан пайса даешь? – с азартом спросил водитель.

– Не обижу, поехали... – успокоил его Васильев.

С таким же азартом афганец включил скорость и рванул с места.

Васильев ещё был весь в сомнениях от неожиданно принятого решения. Он достал из кобуры свой ПМ, перезарядил его, поставил на предохранитель и сунул в карман песочки на бедре.

Водитель покосился на него, проехал еще метров двести и резко развернулся. Подъехав к стоянке такси, он остановился.

– Извини, командор, не поеду...

– Понятно. Ну, на всё воля Аллаха...

Васильев вышел из машины, водитель подал ему баул. Тут же подскочил другой таксист:

– Куда ехать, командор?

– В Тёплый стан, – облегчённо сказал Васильев, чувствуя, как тяжесть предыдущего решения свалилась с плеч.

– Чан пайса даешь?..

На следующее утро Васильев с попутной колонной выехал в Бараки.

С Женой Селезеныным после ДРА Васильев встретился уже в Академии имени Фрунзе. Вспоминали о Кабуле и «Мухамедке». Говорить о потерянном взводном Васильеву не хотелось...

О судьбе замкомбата Костенко Васильев узнал в 1992 году из огромной статьи в Известиях под названием «Кровавый комбат».

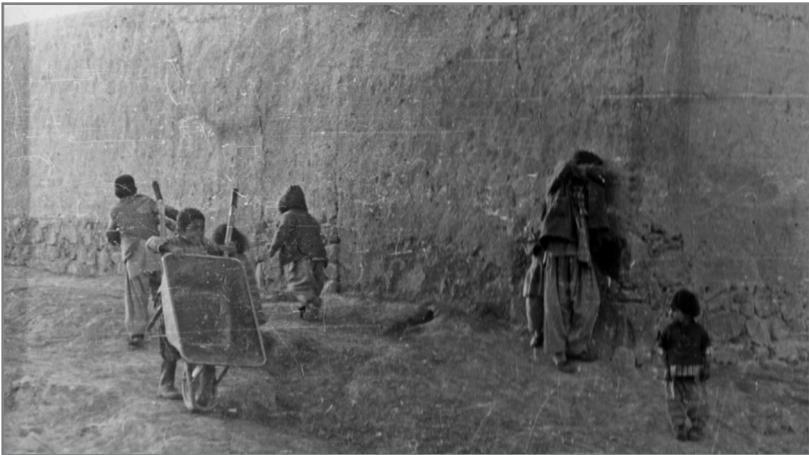
Из статьи Известия № 179 от 8 августа 1992 года:

«... неподалеку от села Владимировка будет обнаружена машина УАЗ с номером 54-26 АП, принадлежащая штабу 14-й армии. На заднем сиденьи – остатки трупа, который продолжает гореть, на нем еще заметны остатки военной одежды, голова покрыта капюшоном, сохранились остатки волос, коротко постриженных сзади, темнокаштановых. Кисти рук отсутствуют».

Из ответов Президента ПМР Смирнова. «...Когда его окружили в школе, мне передали, что Костенко требует, чтобы президент обеспечил ему проезд. Я ответил: президент преступникам проезда не обеспечивает».

Строевой смотр 3-го ДШБ, проводит замполит бригады.
В пилотке зам. комбата Ю. Костенко

Испуганные афганские дети. Мы пришли построить им социализм

Афганские дети. Мы старались их не обижать

Подорванные БМД 3-го ДШБ

Разминирование

Сожжённые бензовозы. Проклятая «зелёнка»

Вопрос интернационалугу

Не следует располагать подразделение в непосредственной близости от общего источника воды, иначе афганские женщины, которые по мусульманскому обычаю, не должны приближаться к незнакомым мужчинам, не смогут пользоваться им!

«ЗВЕЗДА» – ХОРОШО. «ЗА ОТВАГУ» – ДОРОЖЕ!

1.

В тот июльский день колонну – «ленточку», следующую на Гардез, «девятка» довела до Баракон к обеду, без осложнений. Возле расположения батальона её, как эстафетную палочку, встречала для дальнейшего сопровождения рота от бригады. После небольшой остановки для перекура и организации взаимодействия между старшим сопровождения и старшим колонны её движение было продолжено.

Но для офицеров «девятки» и тех, кто участвовал в сопровождении от батальона, работа была сделана. БМДешки после высадки десанта, пыля, медленно двигались в парк на стоянки. Там механиками «во всю рулил» техник роты Шура Алексеев. Взводные, отдав распоряжения гвардей-

ским сержантам на сдачу оружия и подготовку к обеду, не спеша, пошли к зданию казармы, отряхивая пыль с х/б и, обсуждая, как всё прошло.

На «выходе» со взводом Васильева был замполит роты Слава Ключников. За полгода совместной службы в роте они сдружились. Во время операций и сопровождений колонн замполит находился со взводом Васильева. Слава, романтик по натуре, бойцов вдохновлял не пламенными речами «в свете последних решений партии и правительства», а личным примером. В Афгане он был уже почти два года, поэтому среди бойцов в роте пользовался авторитетом.

В свободное время Васильев и замполит вели душевные беседы о жизни, женщинах и литературе. Слава ждал своей замены с недели на неделю и жил розовыми мечтами о будущей службе в Союзе.

Зайдя в свой кубрик, они повесили АКСы на спинки кроватей, а пыльные тяжелые жилеты – на вешалку, длинную доску от снарядного ящика, прикрепленную к стене, с вбитыми в неё гвоздями – предмет совместного дизайна старшины и техника роты.

Спасательные жилеты из комплекта БМД, ввиду чрезвычайно редких задач, а то и полного отсутствия необходимости форсирования водных преград на территории ДРА, были без надобности, ну а «голь на выдумки хитра». Выпотрошив их начинку, жилеты стали использовать для запасных магазинов, перевязочных пакетов, гранат, сигнальных патронов и всего, что могло пригодиться. Носить всё это добро на себе в жилете было удобно, а магазины на груди морально воспринимались, как подобие бронезащиты.

Первые образцы бронежилетов только начали поступать в батальон. Они были тяжёлые, неудобные и не спасали от прямого пулевого попадания. Появился даже анекдот. На во-

прос, пробивает ли пуля бронезилет, звучал уверенный ответ: нет, она застрянет в задней стенке.

Многие офицеры, в том числе и Васильев, их просто не надевали. Бегать в этом скафандре по «зелёнке» было невесело, поэтому бойцов заставляли их одевать только тогда, когда те находились сверху на броне во время сопровождений.

Васильев не одевал бронезилет из-за суеверия, чтобы часом не притянуть к нему чего-нибудь нехорошего. Док батальона, Вовочка Войт, напротив, всегда был в бронезилете, в каске, надетой поверх панамы даже в летнюю жару, кожаных перчатках и круглых очках. Своим грозным видом он вызывал улыбку. Тем не менее, это его и спасло, когда он в развалинах нарвался на растяжку. В итоге потерял кисть руки, но, слава Богу, выжил.

В общем, приметы были коллективные и индивидуальные. Так, например, механики не хотели ставить на свои машины запчасти с подбитых или подорванных машин. Ну, а не мыться (в бане) и не бриться перед операцией – это было главной заповедью, написанной и подтвержденной кровью.

Это же относилось и к талисманам. Комарь, например, сделал дырочку в серебряном советском полтиннике 20-х годов, который привез для борьбы с микробами в воде, и носил его на верёвочке на шее, как крестик.

Освободившись от «сбруи» и курток х/б, Васильев с замполитом взяли полотенца, чтобы сходить окунуться в надувном «бассейне», установленном командиром взвода связи в маленькой зелёной зоне за штабом. Это благо стало возможным, благодаря дружбе с химиками бригады.

Но выйти из кубрика они не успели. Дверь с грохотом открылась, и в комнату с выпученными глазами влетел техник их роты Алексеев.

– На выход! Тревога! Нападение на колонну! – заорал он.

– Какое нападение? На какую колонну? Шо ты орёшь, как резаный, – в недоумении, тоже переходя на повышенный тон, притормозил его Васильев.

– Шура, что случилось? Объясни всё спокойно, – попросил Слава, уже одевая на себя куртку х/б и стараясь быть выдержанным и культурным.

– Духи обстреливают колонну прямо за «горкой». Есть подрыв. Барыга (начальник штаба батальона) приказал пулей лететь туда, – немного спокойней изложил ситуацию техник роты.

– За горкой? Шура, ты трезвый? – Васильев всё ещё не верил услышанному.

«За горкой», означало практически «под носом» у батальона. На горке стояло охранение. С неё хорошо просматривалась дорога на Гардез и вся близлежащая местность. Кишлак, начинавшийся от подножья горки, считался мирным и другим быть не мог, иначе его бы уже не было. За кишлаком дорога извивалась по открытой пустынной местности и была крайне неудобна для того, чтобы делать на ней засады. Ничего подобного за всё время дислокации здесь батальона не было и, казалось, быть не могло.

Одеваясь на ходу, прихватив автоматы и жилеты, Васильев со Славой ускоренным шагом покинули расположение роты и через три минуты были в парке. Десантура уже сидела на броне.

Территория батальона напоминала разворошенный улей. Благодушная после возвращения с боевого задания атмосфера сменилась суетой, беготнёй, неразберихой и начальственным криком НШ «Барыги». Он стоял на главной аллее и цветастыми забайкальскими выражениями с примесью конотопского колорита с сенного рынка, хорошо знакомого Васильеву, руководил войсками по ускоренному выходу из расположения части. Ситуация оказалась нештатной.

Ждать Володю Контио, исполняющего обязанности командира 9-й роты и успевшего уйти на обед, Васильев не стал. Заскочив на башню 95-й БМД, он напялил на себя шлемофон и дал команду Кожевникову:

– Вперед! Только аккуратно, не задави никого.

Слава занял место на башне замыкающей БМД. Выехав через боковые ворота на шоссе, машины взвода дали газу. Дорога перед батальоном была свободна, колонна уже ушла. Из главных ворот выходили БТРы «семёрки» и тоже резко набирали скорость, разворачивая башни «ёлочкой».

Ситуация прояснилась быстро. Нападение на колонну произошло за кишлаком километрах в четырёх от горки. Колонна без остановки, со стрельбой ушла на Гардез. На шоссе остались два подорванных КАМАЗа. Один был с боеприпасами. Фейерверк получился ещё тот! На обочине метрах в ста за КАМАЗами возле развалин дувала стоял БТР сопровождения. Не совсем было понятно, как он там оказался. В него духи попали из гранатомёта и обстреливали с оборудованных позиций в долине, не давая приблизиться к подбитой машине. Нечего сказать, всё было организовано мастерски, а главной составляющей такого успеха стал выбор места засады. Для «шурави» 3-го ДШБ это нападение на грани наглости стало полной неожиданностью.

Подходящие на помощь БМД и БТРы батальона разворачивались в сторону долины и поливали её, не жалея патронов. К подавлению огня духов подключились миномёты и орудие с горки, но пока без особого успеха.

Васильев передал по связи своим машинам тоже развернуться и открыть огонь, а десантуре спешиться. Затем продолжил отдавать команды:

– Слава, командуй, я постараюсь подойти поближе к БТР.

– Кожевников, давай к «коробочке»...

Когда БМД приблизилась метров на пять, через открытый люк башни Васильев услышал раздирающий крик из БТРа.

– Ягодкин, остаешься с Гладих, все остальные – к машине и за дувал.

Сержант Ягодкин был его «замком» (заместителем командира взвода), младший сержант Гладких – командиром отделения, оба – «личной гвардией». Ягодкин, родом из Поволжья, за год службы в ДРА превратился в заправского «сволочного рейнджера». Дерзкий, иногда до дури, и удачливый в бою, жестокий по отношению к духам. Несмотря на ласковую фамилию, командовал бойцами так, что они его и боялись, и уважали. Гладких, родом из Иркутской области, был старше Ягодкина, на гражданке он закончил техникум. В манерах поведения и в движениях он был полной противоположностью «замку». Передвигался мягко и осторожно, по-лисий, слегка прихрамывая после травмы ступни. С подчинёнными разговаривал спокойно, но внимательно глядя в глаза. Когда он вычислил в отделении «стукача», посетившего вечером «особиста», без лишних слов организовал ему в кубрике «тёмную» для перевоспитания. На вопрос Васильева, что у того с лицом, ответ был стандартный, ударился о кровать несколько раз. Распоряжения командира взвода Гладких выслушивал молча, выражая понимание кивком головы.

– Кожевников, разворачивайся и задним ходом – к боковому люку.

– Понял.

Идея состояла в том, чтобы вплотную подойти к БТРу и погрузить раненого или раненых через десантный люк БМД, максимально не подставляя себя под пули.

– Ягодкин, как только остановимся – оба, мухой в БТР.

– Понял, товарищ лейтенант.

Когда БМД стала возле подбитой «коробочки», Ягодкин буквально выпорхнул из десантного отделения, в несколь-

ко прыжков оказался наверху БТРа возле башни и нырнул в машину через открытый водительский люк. Гладких тоже проворно выскочил и нырнул, но в нижний люк десантного отделения, тоже открытый. Крик из БТР рвал душу.

Через несколько минут Гладких уже был снаружи и, придерживая за плечи, тащил из люка стонущего и плачущего раненого. Из-за дувала, пригибаясь, к нему подбежали два бойца и стали помогать. Когда раненый в окровавленном х/б оказался снаружи, они подняли его и понесли к десантному люку БМД. Васильев был уже на башне, следя за ними, чтобы дать команду на движение сразу, как только раненый окажется в десантном отделении.

Ягодкин выбрался из люка вслед за раненым, руки и х/б у него были красные от крови. Через мгновение он был уже в десантном отделении, помогая укладывать пострадавшего бойца.

– Ну, шо там, Ягодкин?

– Там один наповал, товарищ лейтенант, этого посекло осколками, грудь и живот в крови. Я вколол ему промедол.

– Ясно, попробуйте его перевязать.

Раненому после укола стало чуть легче. Он стонал и всхлипывал.

– Кожевников! Вперёд в батальон...

По связи Васильев вышел на замполита.

– Слава, я с раненым в батальон и обратно.

– Понял, Володя. Духи, кажется, уходят... Володя, они вернутся к подбитым машинам обязательно.

– Ты предлагаешь их подождать? Классная мысль. Мы с Контю переговорим с Барыгой.

Выехав на шоссе, Кожевников дал газу.

– Въезжаем через центральные ворота и по аллее к медпункту.

– Понял, товарищ лейтенант.

Васильев уже обдумывал предложение замполита. Когда они подъехали к центральным воротам, оттуда как раз выезжала МТЛБ (Многоцелевой тягач лёгкий бронированный) с доком на броне. Он сидел очень серьёзный и экипированный по всей форме. Васильев начал ему активно махать. «Таблетка» остановилась. Док недовольно прокричал Васильеву:

– Я туда, там раненые.., – он указал рукой в сторону горки.

Васильев сорвал с себя шлемофон, швырнул в башню и, спрыгнув с машины на землю, заорал на дока:

– Вовочка, заворачивай оглобли... Раненый в машине... Ты бы ещё дольше собирался...

А потом дал команду:

– Кожевников, давай к медпункту. Потом ждите меня за воротами...

Васильев уже ощутил внутреннюю уверенность в том, что надо делать засаду и если получится, наказать зарвавшихся душманов так, чтобы они в будущем очень хорошо подумали перед тем, как приближаться к батальону.

2

Исполняющий обязанности командира «девятки» Володя Континио в парке руководил посадкой остатков роты для выхода к месту нападения. Васильев подошел к нему и кратко рассказал о ситуации и идее замполита.

– А, что? Нормально, Григорий! – оптимистично отреагировал он.

– Отлично, Константин! – в этом же ключе ответил Васильев, – Идем к Барыге...

Начальник штаба батальона гвардии майор Барышников Владимир Борисович оставался за комбата, уехавшего в от-

пуск. Васильева с ним связывала совместная служба и память о Конотопе, где тот был его первым начальником штаба. Будучи командиром разведвзвода, Васильев был его непосредственным подчинённым. Правда, там всё было по-другому. Розовощёкий лейтенант Васильев прибыл после училища из столицы Украины, к тому же, имея за плечами «киевскую кадетку», а капитан Барышников, выпускник Орджоникидзевого ВОКУ, был переведен в Конотоп после службы в Магочи, в суровом ЗаБВО. Между ними была огромная пропасть. Васильева коробила сдвинутая набок фуражка НШ, мятые погоны на кителе и гражданский шарф под шинелью, не говоря уже о неуставных выражениях НШ при общении с молодыми офицерами. Это был лексикон забайкальских «бичей».

В общем, расставание после приказа об убытии Васильева в ДРА, к которому приложил свою руку Владимир Борисович, не имело признаков особой печали. Когда же Барышников через год приехал в Бараки по замене, они встретились, как родные, крепко обнявшись.

На первой же операции «Барыга», с присущей ему импульсивностью, ночью разрядил магазин своего автомата в бойца из охранения, приняв его за душмана. Он получил взыскание и долго переживал из-за этого случая. Со временем всё уляглось, Барыга вошёл в курс дела и лихо, в «чапаевском» стиле, рулил на операциях.

Бойцы его любили за юмор в любой обстановке. К выражениям забайкальских «бичей» Борисыч прибавил конотопский колорит. Традиционным его распоряжением было: «Купи петуха на конотопском (или алайском, что в Ташкенте) рынке и пудри (в оригинале звучало е-и) ему мозги...»

Офицеры уважали Борисыча за стремительность в принятии решений и доверие к инициативам и советам тех, кто имел больший боевой опыт.

Была у «Барыги» ещё одна история, о которой Васильев услышал по вражескому радио Свобода, находясь в Днепропетровском военном госпитале со вторым гепатитом.

Ни много, ни мало, но прозвучало обвинение в том, что советские войска применили химическое оружие в провинции Логар (место дислокации ЗДШБ) и ООН направит своих экспертов для расследования инцидента. Подробности применения «химического» оружия подлечившийся Васильев узнал по возвращении в Бараки.

На операции батальон блокировал кяриз (глубокий колодец с разветвлёнными подземными каналами), в нём, по данным агентурщиков и пленных, находилась большая банда. Двое захваченных «мирных жителей» были направлены туда для переговоров с требованием выйти из подземелья и сложить оружие.

После нескольких безуспешных попыток договориться и решительного отказа истинных мусульман сдаться, последовала команда слить бензин из батальонного бензовоза в кяриз и поджечь. Что и было сделано. Взрыв уничтожил под землей в водоводах всё живое.

Через какое-то время разразился международный скандал с обвинениями. Кроме бандитов, там погибли и мирные афганцы: женщины и дети, взятые бандитами в качестве живого щита. История оказалась трагической...

Васильев с Контио подошли к штабу, когда «Барыга» говорил по связи с командиром «семёрки»:

– Коля, шас к вам ещё «девятка» выйдет и сапёры, прочешите всё вокруг... Собрать надо всё, шо разлетелось. Пусть саперы всё это говно взрывают...

Очень часто духи использовали неразорвавшиеся бомбы, миномётные мины и снаряды для установки фугасов на дорогах. Сила взрыва элегантной пластмассовой итальянской

противотанковой мины удесятирялась благодаря браку советской военной промышленности.

– Володя, – обратился он к Контио, – духи ушли. Семёрка притащит в батальон БТР, в который из гранатомёта вхерачили, еб тыть... А вам надо всё вокруг там прочесать.

– Владимир Борисович, мы тут подумали... Они же обязательно ночью придут посмотреть на результаты своей работы.

– И что вы предлагаете? Поставить растяжки?

– Там, недалеко от подорванных машин, есть разрушенные дувалы... – включился в разговор Васильев.

– Мы с замполитом и группой останемся в них до ночи и подождём «товарищей душманов»...

– Ёперный теятр, – крикнул Барышников с чувством удовлетворения. – Давай, Володя. Возьми с собой у Сивакова связиста. Пусть Женя сам станцию проверит... Будьте постоянно на связи, если что, поддержим сразу... Комарь своей батареей накроет всех духов, ну и вас заодно... Шучу.

– Ну, тогда пирожков поедите, – тоже, шутя, отреагировал Васильев.

После оптимистичного утверждения замысла боевых действий Васильев с Контио решили, что Контио сразу же с остатками роты выдвигается к месту нападения, а Васильев загружает всё необходимое в свою машину и подтягивается туда по готовности.

Васильев вернулся к своей машине, она стояла уже за воротами. Ягодкин с Гладких сидели на башне и курили.

– Ягодкин, ну что там с раненым?

– Он в медпункте. Войт с ним возится... Вызвали вертушки...

– Ясно. Значит так: машину – в парк, сами – в столовую на обед. Гладких, получи на складе сухпай на десятерых, скажешь, что с Барышниковым всё согласовано. Я потом распишусь в накладной.

В ответ Гладких, как всегда, внимательно посмотрел на Васильева из-под лобья, слегка наклонив голову, и, понимая, кивнул.

Васильев, точно знал, что лучше, чем Гладких, эту задачу никто не выполнит, он ещё и допмак выбьет из «складчиков». В вопросах обеспечения продовольствием ему не было равных в роте. Его способности вызывали белую зависть у других командиров взводов «девятки».

Как-то на одной из операций во время привала для обеда они сидели все вместе перед тем, как разойтись по своим направлениям. Гладких первым принёс для своего командира взвода обед, состоявший из разогретой банки с кашей, чая и сгущёнки с печеньем на десерт. Васильев с чувством превосходства посмотрел на своих коллег – товарищей лейтенантов и ёрнически пожелал им приятного аппетита.

– Ягодкин! Остаёшься на ночь духов ждать. Возьми в ружейке пару цинков с патронами, гранаты, ночной бинокль. Подумай, что ещё надо...

– Понял, товарищ лейтенант, – с энтузиазмом ответил Ягодкин. – А кого берём с собой?

– Ещё семерых отличников и связиста. Людей пусть Гладких берёт из своего отделения и добавь, кого надо.

Это было доверие, поднимавшее авторитет его сержантов в глазах бойцов. Васильев знал, что отобранные будут самые надёжные. При выходах на засадные действия существовало своего рода соревнование, чтобы быть включённым в состав группы. Если тебя не берут на операции, ты – «чмошник», – примерно так рассуждали в солдатском кубрике.

– Так, на всё про всё – час времени. Я в столовую, а потом к Сивакову за связистом... Ждите меня в расположении... – подытожил Васильев.

Когда БМД Васильева подъехала к роте, личный состав рассредоточился и занимался осмотром местности и сбором «металлолома».

– Ягодкин! Всё, что привезли, – в дувал. Вперёд! Гладких! Оповести бойцов, кто с нами остаётся, чтобы по одному, незаметно, не привлекая внимания, перебрались в дувал и умерли там...

Отдав распоряжения, Васильев пошёл на встречу к подходящему замполиту.

– Слава! «Барыга» дал добро, остаёмся... Там, на машине – обед для тебя. Гладких организовал. А потом – к бойцам в дувал, и будем ждать ночи...

– Отлично, Володя. Мы нашли места, откуда духи вели огонь. Классные позиции с путями отхода до самого оврага. Так что, вряд ли кого-то из них зацепили. А по оврагу – в долину, и можно уходить хоть в сторону Гардеза, хоть в кишлак.

К ним подошёл Контио и сказал, что «семёрка» уже собирается уходить:

– Мы ещё минут двадцать тут пошарахаемся, а вы за это время – в дувалы. – Контио оценивающе посмотрел на развалины, куда уже направился Ягодкин, делая вид поисковика.

– Володя! Сделай здесь проверку личного состава роты перед выходом. Я думаю, что за нами сейчас присматривают, – заметил Васильев. Кишлак находился в паре километров от них, слева – господствующие высоты, видимость отовсюду отличная.

– Изобразим, как положено... Я ещё поору на разгильдяев, лазящих, где ненадо.

– Ну, всё, пока... Мы будем в готовности к вам выдвинуться. Вечером «Барыга» баню организует... Может, успеете?

– Мы – как только, так сразу. Главное, ужин оставьте.., – отшутился Васильев.

Они разошлись, замполит пошёл к машине перекусить, где его ждал Гладких, Васильев – к дувалу, а Контио – к роте.

За отходом роты Васильев с замполитом наблюдали, уютно обосновавшись в развалинах. Бойцы уминали сухпай, некоторые тут же укладывались на боковую, благо до ночи был вагон времени. Гладких и Ягодкин по очереди изучали местность через большой ночной бинокль.

Глиняный разваленный дувал подходил почти к шоссе. По его линии Васильев и выбрал позицию. Сгоревшие грузовики находились прямо перед ними метрах в ста пятидесяти. Местность была открытая и хорошо просматривалась. К грузовикам духи, по его оценке, безопасно могли подойти из долины, откуда вели обстрел, или по шоссе со стороны Гардеза. Теперь оставалось только дожждаться ночи...

Вечер выдался безлунным и небо не очень звёздным. Васильев рассматривал местность через бинокль, чтобы привыкнуть к картинке. Ощущение было такое, как будто ты под водой открыл глаза, фон зелёный с расплывающимися очертаниями предметов. Когда Васильев отрывался от бинокля, он смотрел на горы вдалеке. Где-то появлялись огоньки, тогда это очень напоминало маленькую картину Верещагина «Огонь в горах». Зал Верещагина в киевском Русском музее с батальными полотнами и маленькими фронтовыми зарисовками был для него любимым местом в музее.

– Ну что, Слава, выходим? Хорошо стемнело «чиёрт побери».

– Как скажешь, командор, – короткая время, они обговорили все темы. От скуки Слава ещё и политзанятия провёл с зевающими бойцами. К удивлению Васильева, некоторые из них даже проявили интерес к международным событиям.

Младший сержант Игорь Иванов, будущая смена Ягодкина, москвич, философски задался вопросом о влиянии последней резолюции ООН, осуждающей вторжение СССР в Афганистан, на возможность вывода войск.

– А ты откуда знаешь про резолюцию? – тоже удивился Слава.

– Так замполит батальона в караулке нам рассказывал про неё после ужина. Достал этой резолюцией, я как раз в отдыхающей смене был и не поспал из-за него.

Нередко замполита батальона после застолий в штабе тянуло в солдатские массы провести разъяснительную работу и поговорить о руководящей роли КПСС.

– Хуб, пошли. Сабянин первый, давай до конца забора к шоссе, – Сабянин был пулемётчиком и Васильев определил ему место на правом фланге. – Я за Сабяниным. Дистанция 6 метров друг от друга. Выходим тихо... На месте ни слова, и наблюдать...

Группа гуськом, пригнувшись, быстро заняла позицию. Слава был рядом с Васильевым.

Прошло что-то около получаса. Васильев уже знал, что в ожидании минуты тянутся, как часы. А в бою, особенно на сопровождениях, часы летели, как минуты. Они лежали, наблюдая за шоссе, и иногда перешептывались со Славой. Справа от Васильева лежал Сабянин, направив свой ПК не вдоль шоссе, в сторону машин, а на долину, как бы прикрывая фланг.

Васильеву захотелось чуть размяться после лежания. Он привстал на одно колено и стал рассматривать местность через бинокль по секторам от машин вправо по долине, и затем, медленно поворачиваясь, на кишлак, находящийся у них в тылу.

Когда внезапно зелёный фон в бинокле превратился в чёрное пятно, Васильев подумал, что сел аккумулятор, и поэтому пропала видимость. Но чёрное пятно стало перемещаться

и вокруг него снова появились зелёные островки. Васильев чуть приподнял бинокль и увидел в нём прямо перед собой очертания лица, а чёрное пятно оказалось бородой...

Васильев ватной рукой опустил бинокль, теперь он различил движущийся силуэт в метрах десяти от них, за ним второй..., послышался тихий говор. Духи шли к машинам по шоссе из кишлака и сейчас они оказались за спиной у группы. АКС Васильева лежал на земле позади него. Сабянин смотрел на командира взвода, стоя на четвереньках, до этого он тоже хотел поменять положения тела, но так и застыл, увидев замершего Васильева и его жест рукой.

Духи продолжали двигаться. Теперь Васильев увидел третьего, четвертого, пятого. Они шли друг за другом с дистанцией в три-четыре шага. Вот первый поравнялся с развалинами, где находились Васильев и Сабянин. Винтовка у него висела на плече. До него было метра четыре, их разделял всё тот же разрушенный глиняный забор.

Васильев покосился взглядом на ПК Сабянина на земле.

– Не шевелиться... Они нас не заметили... Пусть пройдут... Только бы никто из бойцов себя не выдал лишним движением. Хорошо, что ночь тёмная..., – собственные мысли показались громкими.

Первый прошёл мимо. Тихий говор идущих за ним стал отчетливее.

– Это хорошо, значит, бойцы уже поняли, что у нас гости с тыла...

Второй остановился, повернулся назад и что-то сказал третьему.

– Не шевелиться... На позиции гробовая тишина... К пулемёту бросаться только в крайнем случае...

Духи двинулись. Вот прошёл мимо пятый. Васильев следил за ними, повернув голову.

– Пусть отойдут дальше... Теперь уже мы у них за спиной... Их уже не видно. На позиции все, как умерли... Молодцы...

Васильев разворачивается, осторожно ложится всем телом на землю и кладет руку на АКС. Замполит тихо подбирается к нему и кивает подбадривающе.

– Слава, надо дождаться, когда они пойдут обратно...

Они слышат говор возле машин и позвякивание.

– Осматривают, суки... Слава, я не могу больше ждать... Они мне надоели...

– Ну что, огонь? – тихо спрашивает замполит.

– Огонь! – Васильев со злостью жмёт на спусковой крючок.

Вся позиция в мгновение ошетиливается ливнем трассеров. В небо летят осветительные ракеты, вырывая из темноты остовы сгоревших грузовиков. Становится светло. В этом свете огонь ещё больше усиливается. Бойцы с остервенением лупят длинными очередями, перезаряжают магазины и снова открывают огонь. В небо взлетает СХТ (ракета сигнала химической тревоги), освещая местность и оглашая пространство противным воем, и снова летят осветительные ракеты. Фейерверк продолжается минут пять.

– Ну, всё, хорош, отбой.., – Васильев даёт команду по цепи. – Ягодкин! Перебежками к машинам, вперед!

Ягодкин срывается первым, за ним, по одному справа и слева, пригнувшись, бегут бойцы, опережая друг друга. Через несколько минут они уже возле машин. Васильев с замполитом и связистом идут следом.

– Один есть, готов, – орёт Ягодкин.

Васильев подходит к нему. Ягодкин светит на лежащего фонариком. Бородатый лежит на спине, раскинув руки, рядом лежит карабин, его ремень украшен побрякушками.

– Обыщи его, – обращается Васильев к Ягодкину. – Всё забрать, пусть особист разбирается.

– Связь! Давай, соединишь с начальством...

– Ну что, Слава, будем докладывать? Можно было, конечно, и лучше поработать, но ничего, они эту ночку надолго запомнят...

– Нормально всё, командор...

– Товарищ лейтенант, НШ на связи.

Васильев надевает наушники и слышит знакомый бодрый голос:

– Синус 2-й! Доложите, как обстановка. Мы слышали ваш сабантуй, Горка докладывает, что получился красивый фейерверк.

– Косинус! Обстановка нормальная. Один в прикупе, четверых обстреляли.

– Молодец, Володя, может быть, ещё там посидите до утра? А вдруг придут ещё?

– Владимир Борисович, ноги надо делать, это же не Сенной рынок, чтоб тут рассиживаться...

То, что надо как можно быстрее уходить с места удачного столкновения, Васильев уже усвоил по горькому батальонному опыту. Так нарвалась «восьмёрка», задержавшись на месте удачной засады, собирая трофеи. Тогда потеряли взводного.

– Ладно, не бойсь, Володя, солдат ребёнка не обидит... Даю команду твоему Синусу на выход. Вернётесь – сразу ко мне на доклад. Конец связи.

Минут через пятнадцать все услышали приближающуюся канонаду. Вышедшие за ними четыре машины «девятки», пройдя Горку, открыли огонь «ёлочкой», на всякий случай, и, чтоб скучно не было. Подойдя к ним, колонна развернулась в сторону долины и открыла огонь «во чисто поле», с брони в небо полетели осветительные ракеты.

Контю с командиром пулемётного взвода Шурой Руденских подошли к Васильеву:

– Ну что? Всё нормально?

– Да, слава Богу, – устало ответил Васильев, протягивая Контио пачку бумажек, на одной из них была фотография бородача. – Может быть, агентурщикам пригодится.

– А оружие было? – спросил Контио.

– У Гладких карабин его.

– Ну шо? Проверяем людей и, по коням...

Личный состав бодро расселся по машинам на броню. Участники шумно делились впечатлениями с приехавшими за ними. Ягодкин последним заскочил на броню машины, на башне которой сидел Васильев.

– Ну, и где ты лазишь?

– Товарищ лейтенант, я под бородатого РГДэшку положил. Друзья ж придут за ним...

– С тобой не соскучишься, Ягодкин. Ладно, поехали домой...

Васильев по связи доложил о готовности Контио. Колонна тронулась в направлении батальона.

В штаб на доклад Васильев пошёл вместе с Контио, прихватив трофейный карабин.

Барышников встретил его широкой улыбкой. Взяв карабин в руки, поцокал языком, рассматривая инкрустацию на прикладе.

– Тут вот, замполит говорит, что надо доложить в бригаду, что завалили человек десять, чтоб солиднее всё выглядело... Под это дело можно и пару наградных оформить на твоих бойцов. Ты тоже геройский парень, мне рассказали, шо ты на прошлом выходе в пастуха афганского переодевался и за стадом баранов бегал.

– Хоть пятнадцать... – согласился Васильев, – нам татарам – всё равно. А бойцы и так уже заслужили по совокупности, тем бодем, у некоторых скоро дембель... А от того переодевания я, кроме вшей, никого не поймал.

– Ну, ладно, Володя, иди, отдыхай, налил бы тебе самогону, но ты ж не пьёшь из мелкой посуды после твоего гепатита. Сгущёнки хочешь?

– Давайте, не пропадёт...

Утром Барыга дал команду штабному писарю писать наградные: Ягодкину и Гладких – «За отвагу», а Васильеву – «Звёздочку».

Когда Васильеву пришла медаль «За отвагу», выяснилось, что писарь перепутал... Но для Васильева эта медаль была дороже чем орден, потому что всякая штабная и тыловая шушера без зазрения совести могла оформлять себе наградные на «Звёздочки», но писать себе «За отвагу» рука у них не поднималась...

Барыга прослужил в Бараках целый год и его перевели на должность командира батальона в Джелалобад. Офицеры по нему скучали, да и он тоже скучал по батальону, и даже приезжал в гости, чтобы забрать кого-то к себе в Джелалобад. После замены он служил в Закарпатском военном округе. Во время пожара в доме у него погиб сын, жена сошла с ума. Он уехал жить к родственникам в Астраханскую область. Васильев, находясь уже на дипломатической службе в Минске, попытался с Женей Сиваковым найти его, но так и не смог...

На горке. Инструктаж проводит начальник штаба 3-го ДШБ майор Барышников В. Б. (Барыга)

На операции. Начальник штаба 3-го ДШБ в центре

Инструктаж перед выходом.

**Замкомвзвода сержант Ягодкин (разгильдяй, развернулся в строю),
командир отделения мл. сержант Гладких (усатый во втором ряду, как
всегда пристально смотрит на командира взвода)**

На операции.

Слева направо: Володя Остяков, замполит 9-й роты Слава Ключников

Сопровождение колонны наливников на Гарdez

«Девятка» перед выходом

Гаубица на горке

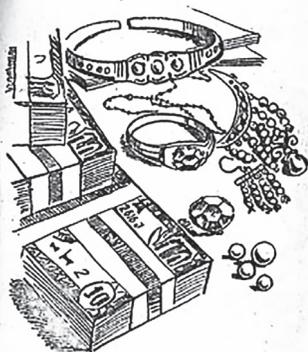
Дорога на Гардез

Сапёры

Ящерица

Вопросу интернационалисту

Закон также строго карает за контрабанду, то есть за незаконное перемещение за границу товара или других ценностей. За подобные действия советским уголовным законодательством определена мера наказания - лишением свободы на срок до 10 лет.

«КИТАЕЦ»

3-й десантно-штурмовой батальон после передислокации бригады из Кундуза в Гардез расположился отдельно в Бараках на территории бывшей сельскохозяйственной школы. Здания были каменные, хотя без окон и дверей. И в этом было несомненное преимущество перед бригадой, которая ушла «во чисто поле».

Командир взвода связи, а для солидности – начальник связи батальона, старший лейтенант Женя Сиваков разместился в отдельной, достаточно просторной комнате в помещении штаба. Отдельным был и вход, который находился с тыльной стороны здания.

Со временем, когда в батальоне был сделан вполне сносный ремонт, проведён свет, и быт постепенно наладился, комната Жени превратилась в типичное холостяцкое офицерское жилище, где всегда рады были гостям. К тому же, в комнате был

телевизор, подключенный к ретранслятору. Так что можно было смотреть программу «Время», на чём периодически настаивал замполит батальона. Но все же, чаще там собирались не для просмотра программы новостей, а для игры в преферанс. Хотя одно время большой популярностью пользовалась утренняя аэробика в исполнении советских девушек-гимнасток под скабрёзные реплики и громкое холостяцкое ржание.

Когда до замены оставалось около полугода, к Сивакову в комнату по дружбе подселился командир взвода «восьмёрки» Васильев. Правда, к тому времени там прочно обосновался ещё один постоялец. Это был «Китаец» – кот, которого Женя подобрал во время одного из прочёсываний кишлаков. Тогда он был совсем маленьким котёнком с больными, гноящимися глазками. Женя, с помощью батальонного доктора, подлечил и выводил его. Но глазки у того кота после болезни всё-таки остались более узкими, по сравнению с его афганскими собратьями. Так он и стал «Китайцем» в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

По своей натуре и прошлому опыту Женя был собачником, и поэтому воспитывал Китайца в соответствии с лучшими традициями собаководства. Заводить же себе собаку, как некоторые офицеры в батальоне, он не решился потому, что существовал вполне обоснованный риск для пса быть съеденным воинами-гвардейцами.

Эпидемия собакоедения в батальоне особенно распространилась в первую баракинскую весну, когда даже гречка вдруг оказалась в дефиците. Какое-то время батальон питался пехотным сухим пайком. Повара просто разогревали содержимое консервов. В эту же весну нескольких бойцов отправили в госпиталь с диагнозом цинга и дистрофия.

Так что собачатину начали пробовать и товарищи офицеры. В «девятке» её искусно, по корейским рецептам, готовил

старшина роты старший прапорщик Михалыч, до этого служивший в спецназе в Чирчике под Ташкентом.

Мучился от пехотной еды вместе с Женей и Китаец, хотя ему и доставался сухой порошковый творог из офицерского допайка, а иногда – и гущёнка.

Уходя на приём пищи, Женя всегда громко спрашивал воспитанника:

– Китаец, тебе жрать принести?

Тот, сидя на жениной кровати и внимательно глядя на него, тут же отвечал утвердительным и быстрым: мяу-миу-мяу....

Вообще же, посмотреть и послушать их диалоги народ приходил, как на представление. Женя и Китаец сидели друг против друга на кровати. На все вопросы и излияния души командира Китаец отвечал то продолжительным, то коротким мяуканием с разными оттенками. Постепенно все привыкли к этому зрелищу и воспринимали такие беседы, как само собой разумеющееся.

Казалось, Китаец был в курсе всех дел командира и принимал активное участие в жизни взвода связи.

На потеху окружающим и к удовлетворению НШ батальона, Женя строго придерживался распорядка дня, когда дело касалось ежедневной вечерней прогулки и вечерней поверки подразделения. Китаец сидел у него на руках или на скамейке у входа и внимательно наблюдал, как взвод бодро топал три круга вокруг штаба, поднимая тучи пыли, и диким голосом орал песню «... дарагая мая сталица, залатая мая Масква».

После такой образцово-показательной вечерней прогулки у Барыги даже возникла идея выгонять все роты гулять вечером с песнями. Однако, слава Богу, идея умерла после того, как во время весенней итоговой проверки (такая, как ни странно, имела место, словно батальон занимался боевой учёбой в мир-

ном ТуркВО) «боевики» из штаба Армии в Кабуле попытались провести зачётное занятие по строевой подготовке.

Спасибо «товарищам душманам» из-за горы, их в тот день искренне благодарили за обедом в офицерской столовой. После нескольких разрывов 82 мм мин недалеко от вертолётной площадки была дана команда: «Разойдись». Товарищи-проверяющие очень быстро погрузились в вертушку и улетели, пожелав личному составу успехов в боевой и политической подготовке. Так со строевой подготовкой в батальоне, кроме взвода связи, было покончено.

Но если на строевой подготовке Китаец был только наблюдателем, то физической подготовкой, ему как воспитаннику десантно-штурмового батальона пришлось заниматься.

В комнате имелась верёвка для белья. Вот на неё, вместо перекладины начальник связи и цеплял подчинённого кота, помогая ему выполнять подъём переворотом. Получалось вполне сносно.

Во время офицерских застолий и «пульки» Китаец весело бегал по комнате, приставая к гостям, чтобы с ним играли.

Только однажды Васильеву показалось, что он не одобрил мероприятия в тесном кругу в составе: Жени, Комаря и командира гранатомётного взвода Володи Шергина. Случилось так, что при полном отсутствии какого-либо достойного питья, командир гранатомётчиков принёс из своих запасов «тройной» одеколон, и по пути позвал Комаря третьим.

Смотреть на это зрелище Васильеву без слез и смеха было трудно. Дверь в помещение была предварительно закрыта от посторонних. Пили по очереди, булькая средство гигиены в маленькую металлическую рюмочку. Этого, по словам Комаря, требовала технология потребления «тройного».

Когда Шергин первым опрокинул рюмочку, он поперхнулся и с рёвом раскашлялся, из глаз брызнули слёзы из

носа – сопли. Китаец от неожиданности сиганул под кровать. После этого соодекалонщики пили аккуратнее с соблюдением мер безопасности и гигиены. После опрокидывания рюмочки широко раскрывали рот, глотая воздух, и тихо рычали, пугая Китайца.

Но, справедливости ради, надо сказать, что таких одеколонных вечеринок было всего несколько, поскольку перешли на здоровый образ жизни и, переболев всяческими болезнями, старались пить свежеприготовленный самогон.

Заменщики для Сивакова и Васильева из кутаисской десантно-штурмовой бригады приехали одновременно, поэтому отходную делали общую и уезжали вместе.

Третьим отъезжающим, но без замены, был Китаец, получивший свою долю наставлений и прощальных ласк. Женя специально для него приготовил бойцовский вещмешок, набив его наполовину какими-то шмотками. В это спальное мягкое место и разместили заласканного кота. Перед посадкой в самолет в кабульском аэропорту таможенный осмотр офицеров был символический. Женя проинструктировал Китайца и строго приказал вести себя тихо. На вещмешок не обратили никакого внимания. Уже на борту при взлёте Женя услышал знакомый писк и почувствовал, что мешок стал мокрым. Он достал Китайца и стал гладить его и успокаивать.

На таможенном и паспортном контроле в мирном Ташкенте прилетевшие из пекла войны солдаты Родины выстроились в длинную очередь. Шмонали воинов-интернационалистов родные таможенники со знанием дела. Перед Сиваковым и Васильевым стоял толстый прапор с кучей лоснящихся чемоданов. Закончив с ним, при этом отложив пару «пакетов благодарности» в сторону, таможенник обратился к Жене:

– Что в командировку, товарищ старший лейтенант?

Возле Жени стоял старый поцарапанный коричневый чемодан, называемый в простонародье тревожным, с какими офицеры выходили на строевой смотр, и лежал вещмешок. Именно этим объяснялся вопрос.

– Нет, по замене, – сухо ответил начальник связи батальона.

– Откройте чемодан, пожалуйста.

Первое, что увидел таможенник в открытом чемодане, были голубые зимние кальсоны.

– Закройте чемодан, пожалуйста.

– А что в мешке?

– Кот...

Мешок зашевелился, Китаец тихо замяукал.

Таможенник, повидавший немало в своей службе, выглядел явно озадаченным. После непродолжительной паузы он сочувственно обратился к Жене:

– Это не ко мне, пройдите, пожалуйста, в комнату.

На двери комнаты была табличка «Санитарный контроль».

Никакие уговоры на сержанта сверхсрочной службы, по всему видно, местного жителя, не подействовали. Без 10-дневного карантина он отказался пропускать Китайца в СССР.

Васильев сначала попытался «встрять» в накалявшийся спор, но почувствовав, что сам закипает и может сорваться, вышел из комнаты.

Через минут десять Женя вышел из комнаты, сжимая кулаки. В глазах у него стояли слёзы:

– Я договорился... За 50 чеков... Завтра отдадут, поехали за билетами.

В ташкентском аэропорту выяснилось, что Женин рейс на Тольятти будет вечером, а у Васильева на Днепропетровск – только на следующий день.

– Володя, забери завтра Китайца, я за ним к тебе обязательно приеду.

– О чем речь, конечно!

Васильев побыл вместе с Сиваковым в аэропорту до самого его отлета. Выпили в буфете за возвращение, едва закусив. На душе при расставании «кошки скребли».

У офицеров батальона, попадавших в Ташкент, никогда не было проблемы с местом для ночлега. В большой ташкентской квартире жили родители и бабушка командира взвода 7-й роты Игоря Чернявского. Этот гостеприимный дом стал для всех офицеров домашним пересыльным пунктом. Туда и поехал Васильев из аэропорта.

Историю Китайца родные Игоря восприняли с волнением и, ни минуты не колеблясь, решили, что он будет жить пока у них.

На следующий день утром Васильев поехал в Тузель на военный аэродром. Представитель санитарного контроля встретил его радушной восточной улыбкой и проводил в помещение с вольерами и клетками.

Китаец рванул из открытой клетки прямо на Васильева и вцепился когтями в лацканы шинели.

– Все нормально, Китайчик. Идём домой, – порадовал кота Васильев...

Увидев в Скайпе сидящего с голым торсом Сивакова с маленьким пуделем на руках на фоне явно холостяцкой комнаты, Васильев начал считать в уме, сколько же прошло лет после их расставания уже в Закавказском военном округе. Получалось что-то около двадцати восьми лет.

– Вот ездили с этим чудом в ветлечебницу на операцию, челюсть лечили, есть теперь ничего не может твёрдого.

Все это Женя сказал тоном, как будто они только пару

дней назад расстались. Уже потом, куря одну сигарету за другой, долго рассказывал про житие-бытие.

Полгода они общались по Скайпу, перебирая в памяти жизнь в Бараках. Пытались найти следы Барыги, где-то в Астраханской области, успели даже поругаться, обсуждая появление «зеленых человечек» в Крыму.

Потом в кабинете Васильева в украинском посольстве в Минске снова звучал вызов по Скайпу от адресата с фотографией пуделя. Как ни в чём ни бывало, Женя продолжал свои рассказы «за жизнь».

В июне 2014 года Васильев с семьей уехал отдыхать в Болгарию и оттуда пару раз делал вызов по Скайпу, но Сиваков не отвечал.

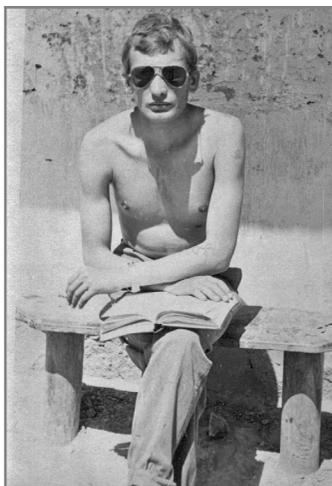
Сообщение от Жениной сестры он прочитал, вернувшись в Минск.

8 июня 2014 года Женю утром нашли во дворе его дома с травмой головы, возле него бегал его карликовый пудель. Десять дней нежно любивший домашних животных начальник связи 3 ДШБ Женя Сиваков был в коме и умер, не приходя в сознание.

Пуделя забрала к себе Женина сестра...

Женя Сиваков второй слева

Женя Сиваков за чтением книги «Война и мир»

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

1987

Товарищи офицеры, прапорщики, сержанты и солдаты подразделения офицеров: Солянов, Соколов, Румянцев, Пахмутов!

К вам обращается командование, политический отдел, все воинские части. Мы гордимся вашим мужеством, выдержкой и героизмом.

Мы знаем, что вам приходится нелегко действовать в отрыве от своих гарнизонов в сложных условиях местности и повышенной температуры.

Обращаем ваше внимание на необходимость поддержания высокой дисциплинированности, организованности, исполнительности.

В этих условиях от каждого воина требуется предельная собранность, обостренное чувство ответственности за выполнение поставленных задач. Не допускайте расползания и благодушия. Будьте предельно внимательны к своим товарищам.

Мы уверены, что каждый из вас с честью выполнит свой воинский и патристический долг.

**Воин-интернационалист! Будь примером
в выполнении воинского долга!**

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЗАЖИГАЛКА

Ужин в комнате офицеров, занимавших класс полуразрушенной афганской школы, подходил к концу. Это был обычный субботний вечер, когда большинство офицеров батальона поочередно собирались вместе в одной из рот. Сегодня принимала девятая.

Уже был выпит весь самогон, и горячие головы требовали дегустации не так давно поставленной браги. Вообще же, самогоноварение в батальоне стало торжественной и неотъемлемой частью того специфического быта, который сложился после ввода легендарной десантно-штурмовой бригады в ДРА. Исходными продуктами, кроме сахара, служили и сгущёнка из допайка, и импортная карамель, и томатная паста. В любом случае, это было выгоднее, чем покупать водку у деловых прапоров из

проходящих колонн по пятьдесят чеков Внешпосылторга за бутылку или спирт у залетающих в бригаду вертолётчиков.

Но не только самогоном заглушалась тоска. Вечера не проходило без застольного пения. Оно захватило всех: и голосистых, и безголосых. Пели и орали до хрипоты. Сложился свой особый репертуар. Большой популярностью пользовались романсы и песни всех времён и народов: «Поручик Голицын», «Розпрягайте, хлопці, коні», «Отшумели песни нашего полка» и «Вот кто-то с горочки спустился».

В финале, по сложившейся традиции, с особым надрывом и силой исполняли «Ой мороз-мороз». Под неё в этот душный летний вечер хозяева провожали гостей до расположения соседних рот.

В офицерской комнате остался только старлей. Он дремал на табуретке, засунув руки в карманы брюк, прислонившись к спинке двухъярусной кровати. Узнав из письма, что жена подала на развод, он не просыхал уже несколько дней.

Свет еще не дали, и комната быстро наполнялась пыльными сумерками. Открыв глаза, как часто бывает, от внезапно наступившей тишины, он искал мутным взглядом сигареты. На столе лежала открытая пачка полусырых, в желтых пятнах «Охотничьих», которые выдавались бойцам раз в месяц. Спичек нигде не было.

– Дневальный, – нараспев позвал он. Дневальный, явно не обманывающийся напевностью голоса, появился почти мгновенно. Задержка в прибытии в «офицерский кубрик» вечером, после мероприятия грозила непредсказуемыми последствиями.

– Кирсанова ко мне! Семь секунд!

Появление звена писарей, истопников, вечных дневальных, не предусмотренного штатно-должностной структурой батальона, стало естественным в условиях военного быта советского контингента.

С одной стороны, неустроенная офицерская жизнь требовала хоть какого-то присмотра. С другой, – это стало спасением для солдат из категории «угроза блоку НАТО», оказавшихся по недоразумению в боевой десантной части, униженных своими же сослуживцами до положения прокажённых из-за физической немощи или неумения приспособиться к жёстким местным условиям, неспособных вынести свалившиеся на них нагрузки. Говоря солдатским языком, «зачмыренных», порой до скотского состояния в своих взводах. Брать эти, «небоевые единицы» на операции просто не имело смысла, а в расположении части им находилось хоть какое-то применение.

Кирсанов уже пришёл в себя после суровых «бойцовских» будней в солдатском «кубрике» и вполне освоился на должности вечного дневального в офицерском расположении.

– Вызывали, товарищ старший лейтенант? – тихо спросил он, войдя через несколько минут.

– «Ви-зи-ва-ли», – передразнил его тот.

Долгое время он безуспешно пытался бороться с этим анекдотичным, непонятно из какого советского кино взятого, «вызывали» вместо положенного по уставу «прибыл по вашему приказанию», но потом махнул рукой.

– Музыкальную зажигалку!

– Товарищ старший лейтенант...

– Мухой! Время пошло!

Кирсанов, пятясь, быстро исчез за дверью.

Огромный поначалу интерес к «колониальным товарам»: музыкальным часам, зажигалкам, китайским ручкам, забавным презервативам постепенно угас. Эту мелочь теперь покупали в афганских дуканах только для отпускных презентов.

Когда Кирсанов вошёл в комнату со смятой коробкой спичек в руке, старлей дремал в той же позе, только в губах у него

была зажата сигарета. В нерешительности Кирсанов остановился и негромко сказал:

– Я принёс.

Осторожно, стараясь не зацепить расставленные и валявшиеся по всей комнате табуретки, он приблизился к спящему офицеру, наклонился и почти шёпотом повторил:

– Товарищ старший лейтенант, я принёс...

Старлей открыл глаза, не понимая, чего от него хотят. С удивлением посмотрел на Кирсанова, и закрыл глаза. Кирсанов достал спичку из коробка и попытался её зажечь. Пальцы его, почерневшие, опухшие, в гноящихся ссадинах, не слушались. Когда спичка зажглась, он осторожно прикрыл её ладонью и поднёс к сигарете. Обжёгшись, немного скривившись от боли, Кирсанов тихо пропел:

– Музыка вновь слышна,

Встал пианист и танец назвал...

Офицер что-то пробормотал во сне, сигарета отклеилась от губы и упала ему под ноги. Кирсанов украдкой посмотрел на дверь и на спящего, быстро взял со стола начатую пачку «Охотничьих» и сунул её за пазуху.

Ссутулившись, как будто это делало его движения бесшумнее, он пошёл к двери.

В это время дали свет. Лампочка под абажуром, сделанным из корпуса пластмассовой итальянской мины, два раза мигнула и зажглась, осветив комнату и спящего тусклым светом.

Утром, перед выходом роты на сопровождение колонны бензовозов, Кирсанов, как обычно, принес командиру его личный шлемофон и АКС. Тот, сидя на башне БМД, зычно с выражениями руководил посадкой бойцов по машинам.

Кирсанов вдруг почувствовал какую-то лёгкость в груди, отбросил привычную робость и неожиданно для самого себя обратился к грозному старлею:

– Товарищ старший лейтенант, разрешите, я с вами? – слова вылетели сами собой.

Казалось, командир не понял сразу смысла сказанного, но, сообразив, ухмыльнулся:

– Ну, Кирсанов, уморил. Вернусь, к Герою Советского Союза представлю тебя.

Ближе к обеду искорёженное тело старлея, всё почерневшее от взрыва, привезли на санитарной «таблетке» и положили на носилки возле штаба батальона, накрыв простынёй.

Кирсанов стоял поодаль, не решаясь приблизиться. Всё, что осталось от механика-водителя и наводчика командирской БМД лежало рядом, завернутое в грязные промасленные, с выступившими бурими пятнами от крови, солдатские плащ-палатки.

До самого прилёта вызванных из Кабула вертушек он стоял и смотрел в одну точку, туда, где под плащ-палаткой должна была быть голова командира.

Когда носилки и плащ-палатки подняли и понесли, Кирсанов поплелся за всеми к вертушкам, так и не приблизившись к этому, теперь уже «грузу 200».

Вертолёты, как будто с трудом, оторвались от площадки, поднимая огромные клубы пыли. Солдаты и офицеры, участвовавшие в погрузке убитых и раненых, разбежались в разные стороны, закрыв глаза и удерживая на ходу срывающиеся панамы. Когда все стали разбегаться от взлетающих вертушек, Кирсанов остался стоять на месте, согнувшись, закрыв лицо ладонями. Сбиваемый с ног сильными пылевыми потоками, он медленно опустился на колени.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В 3-м взводе «девятки» служили братья-близнецы Карасёвы. Совершенно непонятно, как попавшие в ДШБ. Худенькие, невысокие, похожие на школьников, случайно оказавшиеся среди солдат. К ним все относились очень трепетно, дембеля не обижали. Один из братьев был механиком-водителем, другой оператором-наводчиком. Долгое время они были в одном экипаже БМД.

В какой-то момент взводный решил их пересадить на разные машины, как чувствовал... БМД одного подорвалась на фугасе. Всё, что осталось от брата, брат сложил в солдатскую плащ-палатку и с этим грузом его вертушкой отправили в Кабул, а затем – в Союз.

Слава богу, в Афганистан он больше не вернулся.

Больше четверти века прошло со дня вывода. Зёрна, посеянные той войной взошли кровавой, непрекращающейся междуусобицей. Очередные миротворцы попытались принести мир на афганскую землю.

В наш дом пришла война. Самое трагичное, что дети вернувшихся с той войны стреляют друг в друга. Может это наказание за совершённое тогда? На всё воля Аллаха, как говорят на Востоке.

*Бараки 1982 г., Москва 1991 г.,
Минск 2012 г., Киев 2016 г.*

**Старший лейтенант
В. Волошенко,
1982 г. Бараки**

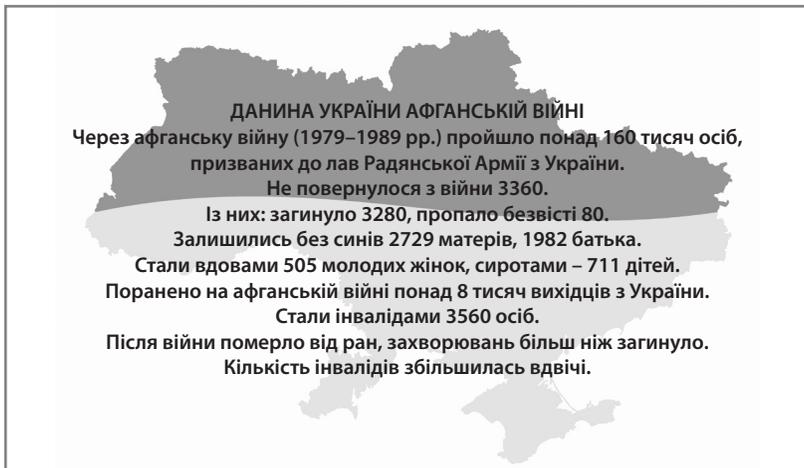
**15 февраля 2014 года. Посольство Украины в Республике Беларусь.
Вечер памяти**

Уголок памяти, поминальные 100 грамм

Посол М. Ежель с белорусскими ветеранами войны в Афганистане

Статистика війни в Афганістані для України

Комбат 3 ДШБ м-р Ильченко А. во время операции

ВЗВОД, десантно-штурмовой

Офицеры 8-й роты 3-го ДШБ после награждения

Встреча в Минске 2011г.
Слева направо: Волошенюк В., Комбат Ильченко А., Лобов В.,
Медведев А.

**Советник Посольства Украины в Республике Беларусь В.Волошенко
среди ветеранов ВДВ**

**Награждение Почетной грамотой Союза офицеров Республики
Беларусь**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Выдвижение	11
Точка отсчёта	21
Метание гранат	35
Засада	45
Комарь	57
С Новым годом, Афганистан	67
Предсказание	75
Ура! Командировка в Термез	83
Ура! Командировка продолжается	109
С горечью ... Не от афганского меда	129
«Звезда» — хорошо. «За отвагу» — дороже!	145
Китаец	171
Музыкальная зажигалка	181
Вместо послесловия	186

Літературно-художнє видання

Афганская арена

ВОЛОШЕНЮК Владимир Васильевич

ВЗВОД, ДЕСАНТНО-ШТУРМОВОЙ

Под редакцией В.И. Аблазова

Дизайн и вёрстка *Н.В. Коваль*

Подписано до друку 14.06.2016.
Формат 60x84 /16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Ум.-друк. арк. 11,16.
Зам. №